

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ
И ТРУДОВОЙ ФАКТОРЫ
УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ
СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ
РОССИИ

ISBN 978-5-907057-67-8

9 785907 057678

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ И ТРУДОВОЙ ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ И ТРУДОВОЙ ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
ФИЦ Коми научный центр УрО РАН

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ И ТРУДОВОЙ ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Ответственный редактор
доктор экономических наук, профессор
В.В. Фаузер

*Серия «Библиотека демографа»
Выпуск 21*

Издательство «Экон-Информ»
Москва 2018

УДК 332.14(470.1/.2+571)

ББК 65.050

ДЗ1

Рецензенты:

Жиделева В.В., д.э.н., профессор,
заместитель Председателя Государственного Совета Республики Коми;

Князева Г.А., д.э.н., профессор,
руководитель Центра устойчивого развития Севера СГУ имени Питирима Сорокина

Ответственный редактор

доктор экономических наук, профессор

В.В. Фаузер

Авторский коллектив:

Фаузер В.В., Смирнов А.В., Юрков Д.В., Фаузер Г.Н., Лыткина Т.С.

ДЗ1 Демографический и трудовой факторы устойчивого развития северных регионов России / В.В. Фаузер, А.В. Смирнов, Д.В. Юрков, Г.Н. Фаузер, Т.С. Лыткина; отв. ред. В.В. Фаузер. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2018. – 215 с. (Б-ка демографа, вып. 21).

ISBN 978-5-907057-67-8

В монографии рассмотрена концепция устойчивого развития, определившая развитие человечества до 2030 года; представлены мировые системы показателей по мониторингу целей устойчивого развития на межстрановом, страновом и локальном уровнях; определены факторы и показатели оценки демографической и трудовой устойчивости северных регионов России; все северные регионы ранжированы по степени демографической и трудовой устойчивости, как высокая, средняя, низкая, критическая; показана роль и влияние миграции населения на устойчивое развитие северных территорий; исследована изученность устойчивого развития в отечественных научных публикациях.

Для студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей экономики народонаселения и демографии, научных работников и специалистов государственной службы и муниципальных образований.

Монография подготовлена в рамках выполнения НИР «Демографический и трудовой факторы устойчивого развития северных регионов России» (№ ГР АААА-А16-116021210329-2, 2016-2018 гг.)

УДК 332.14(470.1/.2+571)

ББК 65.050

ISBN 978-5-907057-67-8

© В.В. Фаузер, А.В. Смирнов, Д.В. Юрков,
Г.Н. Фаузер, Т.С. Лыткина, 2018

© ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН, 2018

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава 1. ПЕРЕХОД МИРОВОГО СООБЩЕСТВА К КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ	11
1.1. Концепция устойчивого развития – перспектива раз- вития общества.....	11
1.2. Концепции и Стратегии устойчивого развития Рос- сийской Федерации.....	20
1.3. Перечень Докладов, Деклараций и Конвенций Орга- низации Объединенных Наций по устойчивому развитию	27
1.4. Семнадцать целей устойчивого развития	31
1.5. Исследование устойчивого развития в отечественных научных публикациях.....	40
Глава 2. СИСТЕМА ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОЦЕНКИ УС- ТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ	53
2.1. Подходы к определению показателей устойчивого развития	53
2.2. Участие России в разработке показателей устойчиво- го развития.....	63
2.3. Критерии и пороговые значения показателей устой- чивого развития.....	69
2.4. Опыт России в разработке статистических данных для показателей устойчивого развития	77
Глава 3. ОЦЕНКА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕ- ВЕРНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ ПО ДЕМОГРАФИЧЕ- СКИМ ПОКАЗАТЕЛЯМ.....	83
3.1. Демографические показатели, используемые в миро- вой практике	83

3.2. Оценка устойчивого развития северных регионов России по демографическим показателям.....	87
3.2.1. Первый подход оценки устойчивого развития по демографическим показателям.....	90
3.2.2. Второй подход оценки устойчивого развития по демографическим показателям.....	94
3.3. Ранжирование северных регионов России по демографическим факторам.....	106
3.4. Демографические структуры населения Севера России..	113

Глава 4. УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ: ТРУДОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ 117

4.1. Показатели устойчивого развития социально-трудовых отношений	117
4.2. Показатели устойчивого развития уровня жизни	121
4.3. Методика расчета индекса устойчивого развития по трудовым показателям	123
4.4. Ранжирование северных регионов России по трудовым факторам.....	136
4.5. Оценка устойчивого развития по демографическим и трудовым факторам	146

Глава 5. МИГРАЦИОННЫЙ ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ 153

5.1. Сущность и понятие категории «миграция населения» ..	153
5.2. Взаимосвязь миграции и устойчивого развития территорий.....	159
5.3. Население Севера России.....	173
5.4. Результативность миграционного обмена северных регионов России.....	175
5.5. Влияние миграции на половозрастную структуру и образовательный уровень населения Севера России	178

ЗАКЛЮЧЕНИЕ..... 183

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ..... 187

ПРИЛОЖЕНИЯ 203

Введение

Зарождение теории устойчивого развития совпало по времени с переходом науки в новую (постнеклассическую) стадию развития. Объектом исследования стали сложные открытые самоорганизующиеся системы, компонентами которых являются природа и человек. Начали применяться такие категории, как нелинейность, вероятность, неустойчивость. Изменяется отношение человека к природе. Если раньше природа воспринималась как механизм, то сегодня человек должен осознавать долгосрочные последствия своего воздействия на природные системы. Исследования стали более междисциплинарными. Это проявляется в триединстве социальной, экономической и экологической точек зрения на проблему устойчивого развития (Рекомендации Конференции, 2014; Тарасова, Кручина, 2006; Measuring Distance, 2017).

Потребность в использовании принципов устойчивого развития обусловлена тем, что сегодня миллиарды людей на планете продолжают прозябать в нищете и лишены возможности вести достойную жизнь. Усиливается неравенство внутри стран и между ними. Существуют огромные диспропорции в распределении возможностей, богатства и власти. Одной из ключевых проблем остается гендерное неравенство. Серьезную обеспокоенность вызывает безработица, особенно среди молодежи. Одной из наиболее серьезных проблем нашего времени является изменение климата, и негативные последствия этого явления подрывают способность всех стран достичь устойчивого развития. Под угрозой находится существование многих сообществ и биологических систем жизнеобеспечения на планете.

Учитывая глобальные угрозы и вызовы, главы государств и правительств и высокие представители, собравшись в Централь-ных учреждениях Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке 25–27 сентября 2015 г., решили принять новые глобальные цели в области устойчивого развития. Участники Ассамблеи утвердили все-объемлющий, рассчитанный на перспективу и предусматривающий учет интересов людей, набор универсальных и ориентированных на преобразования целей и задач. Все преисполнены решимости доби-ваться устойчивого развития в трех его компонентах – экономиче-ском, социальном и экологическом – сбалансированным и комплекс-ным образом. Принятая Резолюция «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 го-да» (Повестка дня – 2030) – это план действий для людей, планеты и процветания. Она направлена на укрепление всеобщего мира в усло-виях большей свободы. Признается, что ликвидация нищеты во всех ее формах и проявлениях, включая крайнюю нищету, является важ-нейшей глобальной задачей и одним из необходимых условий устойчи-вого развития (Преобразование нашего, 2015, с. 3).

Повышенное внимание проблеме устойчивого развития уделя-ется российскими учеными всех направлений: от экономистов до де-мографов. В научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU по теме устойчивого развития с 1990 по 2017 г. только по шести научным от-раслям знаний зарегистрировано: экономических работ – 22174, по социологии – 5294, по охране окружающей среды/экологии – 4928, по философии – 1976, по истории – 849 и по демографии – 458 работ. Как видим, на работы по демографии пришлось всего – 1,3%.

Ведущими научными и учебными учреждениями проводятся ежегодные научно-практические конференции по устойчивому раз-витию. Только в 2017 г. их прошло более 20. Местом проведения были: Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Сыктывкар, Псков, Симферополь и ряд других городов. Особое место в этой череде за-нимает Международная научно-практическая конференция «Повы-шение статистического потенциала для мониторинга целей устойчи-

вого развития» (Москва, 30 ноября – 1 декабря 2017 г.), прошедшая под эгидой Росстата.

Однако при изучении и анализе устойчивого развития административно-территориальных образований различного уровня в большинстве работ тренд делается в сторону экономической и экологической устойчивости (Жиделева, 1995; Жиделева, 1998; Устойчивое развитие, 2017). Хотя нам представляется, что не меньше внимания должно быть уделено демографической и трудовой устойчивости, оказывающей влияние на развитие общества в долгосрочной перспективе. Демографической устойчивости – исходя из того, что количество и качество населения определяют также другие виды устойчивости. В свою очередь трудовая устойчивость определяет качество жизни и отношение человека к природе и обществу. Следовательно, повышение степени демографической и трудовой устойчивости позволит повысить общую устойчивость рассматриваемых объектов.

Цель исследования – разработать методику оценки демографической и трудовой устойчивости, позволяющей дифференцировать административно-территориальные образования по степени устойчивости (высокая, средняя, низкая, критическая).

При написании монографии авторы поставили перед собой ряд задач: 1) выявить предпосылки перехода мирового сообщества к достижению устойчивого развития, 2) проанализировать существующие системы показателей для оценки прогресса в приближении к устойчивому существованию общества с выделением в них демографических и трудовых показателей, 3) разработать методику оценки степени устойчивого развития российских регионов по демографическим и трудовым показателям, 4) количественно оценить уровни демографической и трудовой устойчивости северных регионов России с помощью интегральных индексов в динамике.

Монография подготовлена в рамках фундаментальных исследований, направление № 82 – разработка концепции социально-экономической стратегии России на период до 2050 г. (Дерево целей и система приоритетов). Тема НИР «Демографический и трудовой

факторы устойчивого развития северных регионов России» – 2016–2018 гг., № ГР АААА-А16-116021210329-2.

Монография состоит из пяти глав, последовательно раскрывающих авторский замысел изучения/оценки устойчивого развития с использованием демографических и трудовых показателей.

Первая глава – «Переход мирового сообщества к концепции устойчивого развития» актуализирует проблему устойчивого развития и объясняет почему мировое сообщество перешло/переходит на принципы устойчивого развития, и что этому предшествовало.

Вторая глава – «Система показателей оценки устойчивого развития» раскрывает существующие мировые системы показателей устойчивого развития, в каждой из шести приводимых систем выделяются демографические и трудовые показатели. Отмечается, что все годы Россия активно участвовала в разработке показателей устойчивого развития, а с 2018 г. будет проводиться ежегодный мониторинг устойчивого развития регионов России.

В третьей главе – «Оценка устойчивого развития северных регионов России по демографическим показателям» приводятся два подхода по оценке устойчивого развития северных регионов по демографическим показателям. На основе отобранных показателей все регионы дифференцируются по степени устойчивости: высокая, средняя, низкая и критическая.

Четвертая глава – «Устойчивое развитие северных регионов России: трудовое измерение» посвящена оценке устойчивого развития северных регионов по трудовым показателям, с выделением блока «Показателей устойчивого развития социально-трудовых отношений» и блока «Показателей устойчивого развития уровня жизни». На их основе все северные регионы дифференцированы по степени трудовой устойчивости: высокая, средняя, низкая и критическая.

В пятой главе – «Миграционный фактор устойчивого развития северных территорий» рассмотрены теоретические вопросы миграции населения, приводится анализ влияния миграций на устойчивое развитие северных регионов, доказывается, что в настоящее

время и в ближайшие годы фактор миграции будет определяющим в устойчивом развитии северных регионов.

Информационной базой исследования стали материалы Росстата за 2000–2017 гг. и результаты опроса экспертов в 2017 г. Базовым выбран 2000 г., поскольку за предыдущие годы нет полной информации по выбранным демографическим и трудовым показателям.

Благодарности

Авторы выражают благодарность рецензентам: д.э.н., профессору В.В. Жиделевой и д.э.н., профессору Г.А. Князевой, а также А.В. Гончаренко за помощь в подготовке рукописи к печати.

Глава 1.

ПЕРЕХОД МИРОВОГО СООБЩЕСТВА К КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

1.1. Концепция устойчивого развития – перспектива развития общества

Проблемы взаимодействия общества, экономики и природы, возможные пределы и последствия развития всегда волновали человечество. Общеизвестны теория Т. Мальтуса о ресурсных ограничениях экономического роста, учение В.И. Вернадского о значении человека в изменении биосферы, теория благосостояния А. Пигу, включающая наряду с социальными параметрами и качество окружающей среды, и др. Принципиальное переосмысление концепции развития общества произошло в конце XX – начале XXI вв. От неоклассического постулата оптимального использования природных ресурсов исследования переместились в плоскость поиска путей устойчивого развития, в основе которого лежит триединство экономической, социальной и экологической составляющих (Флуд, 2006, с. 19).

Среди отечественных ученых особая заслуга принадлежит В.И. Вернадскому. Так Андрианов отмечает, что в своих работах Вернадский доказал, что человеческая деятельность становится основным геобразующим фактором развития активной оболочки

Земли. Отсюда вытекает необходимость совместного изучения общества и биосферы, подчинения их единой цели сохранения и развития человечества. Осуществить ее можно лишь при условии, если основные процессы биосферы будут управляться Разумом. «Ноосферное» развитие должно базироваться на четком понимании того, что Человек является частью Природы и должен подчиняться ее законам. Без сохранения природы невозможно продолжение рода человеческого. Уничтожая природу, мы тем самым уничтожаем свое будущее (Андрианов, 2005, с. 27).

Важность работ Вернадского отмечает и Ускова. Она пишет, что научные основы теории устойчивого развития (УР), которые были заложены В.И. Вернадским в работах о развитии биосферы, привели его к необходимости рассмотрения планетарного аспекта деятельности человечества и к признанию необходимости изменения способа его существования. Заслуга В.И. Вернадского заключается в том, что он ввел в анализ связей системы «человек – природа», в центре которой находится человечество с конкретной системой насущных материальных практических потребностей и интересов выживания настоящего и будущих поколений, новое критериальное измерение «человечество как единое целое» и переместил социальный анализ в глобальную плоскость. Система научных взглядов ученого, по сути дела, предвосхитила осознание широкой общественностью глобальных проблем (Ускова, 2009, с. 19).

На протяжении вот уже многих лет проблема устойчивого развития не теряет своей актуальности как в общепланетарном масштабе, так и в пределах отдельных государств. При этом для большинства народнохозяйственных систем мира оптимальным сценарием желаемых изменений все больше становится не молниеносный экономический рост, а достижение именно состояния устойчивости в своем социально-экономическом развитии на долгосрочную перспективу (Ускова, Копасова, 2008, с. 21).

В конце 1960-х гг. промышленно развитые страны столкнулись с проблемами, которые невозможно было решить в рамках старой

модели развития. Темпы использования человечеством важнейших видов природных ресурсов, нерациональная структура производства и потребления привели к образованию многих видов загрязнения окружающей среды, которые превышали допустимые пределы.

Одними из первых на эти проблемы обратили внимание члены Римского клуба, объединяющего выдающихся ученых, бизнесменов и государственных деятелей, которые в 1972 г. подготовили доклад «Пределы роста». Доклад вызвал сенсацию. Авторы исследования пришли к выводу, что, если существующие тенденции роста численности населения мира, индустриализации, загрязнения окружающей среды, производства продуктов питания и истощения ресурсов останутся неизменными, пределы роста на нашей планете будут достигнуты в течение ближайших 100 лет (Медоуз, Рандерс, 2007).

Однако эти тенденции можно изменить и создать условия экономической и экологической стабильности, которая сохранится и в далеком будущем. Экономика должна удовлетворять потребности людей, но ее рост должен вписываться в пределы экологических возможностей планеты. Вместо хаотичного беспредельного роста необходимо сбалансированное устойчивое развитие цивилизации (Андрианов, 2005, с. 24).

На основе этого доклада были сформулированы первоначально концепция «нулевого роста», согласно которой следует отказаться от экономического, демографического роста, т.е. перейти к схемам простого воспроизводства населения и производственных мощностей с переводом последних на замкнутый технологический цикл с полной утилизацией отходов, а позже концепция «органического роста» с дифференциацией норм роста по различным регионам планеты в зависимости от достигнутого уровня развития. Но сразу после их появления выявилась практическая бесперспективность данных концепций (Майбуров, 2004, с. 124).

Разумеется, концепция УР не могла бы стать столь распространенной, если бы не имелись соответствующие предпосылки возникновения представлений об устойчивом развитии:

1) Социально-экономические:

- *Господство «философии потребления».* На протяжении многих веков человечество придерживалось «ресурсного» пути развития, господствовали такие его принципы, как «потребление ради процветания», «биосфера для человека», «человек – царь природы». Результатом явились истощение ресурсного потенциала и деградация окружающей природной среды.
- *Господство ресурсоразрушающих технологий.* Высокая конкурентоспособность низкоэффективных технологий определялась приоритетом экономической выгоды и иллюзией неисчерпаемости ресурсного потенциала.
- *Неадекватность механизма ценообразования на природные ресурсы* их истинной стоимости, а также динамике цен на ресурсы по мере использования возобновимых и исчерпаемости невозобновимых ресурсов. К недостаткам системы ценообразования следует отнести и отсутствие системы выплат за сохранение не нарушенных в процессе хозяйственной деятельности территорий и обесценивание «нересурсных» природных ценностей.
- *Проблема «Север-Юг».* Суть ее заключается в специфике взаимоотношений между развитыми и развивающимися странами. Относительно низкий уровень цен на сырье, на стоимость рабочей силы в развивающихся странах, с одной стороны, и высокий технологический и промышленный потенциал развитых государств с другой способствовали возникновению проблемы «Север-Юг». Результатом этого является возникновение конфликта, т.е. диспропорции в уровнях экономического развития.

2) Экологические предпосылки возникновения парадигмы устойчивого развития:

- *Загрязнение окружающей среды,* формирование новых техногенных геохимических зон, нарушение биогеохими-

ческих циклов как на глобальном, так и на локальном уровнях.

- *Техногенное нарушение целостности поверхности ландшафтов*: обезлесивание, опустынивание, заболачивание и др.
- *Уменьшение видового разнообразия мира живых организмов*.
- *Проблема качества продуктов питания и питьевой воды*: накопление поллютантов в продуктах питания, загрязнение поверхностных и подземных вод.
- *Возникновение экологической патологии*: заболевания, генетические отклонения, сокращение продолжительности жизни и др. (Розенберг, Черникова, Краснощеков и др., 2000, с. 130–131).

Основные подходы, определившие необходимость создания концепции устойчивого развития, были заложены в 1972 г. на Стокгольмской конференции по окружающей среде – первой всемирной встрече по проблемам экологии (Андрианов, 2005, с. 24).

Концепция «устойчивого (sustainability) общества» впервые была сформулирована в 1974 г. в документах Всемирного совета церквей как ответ на появление в развивающихся странах идей о преувеличенности опасений относительно проблем состояния окружающей среды в условиях, когда огромная часть человечества живет в условиях нищеты, голода, болезней (Флуд, 2006, с. 19).

Впервые термин «устойчивое развитие» (sustainable development) появился в «Стратегии глобального сохранения» (World Conservation Strategy), разработанной Международным союзом охраны природы и природных ресурсов и опубликованной в 1980 г.

Он использовался для обозначения способности экологических систем сохранять свою структуру и функциональные свойства при воздействии внешних факторов. Заявление Всемирной стратегии охраны природы явилось первой реальной попыткой дать определение устойчивому развитию: «Для того чтобы развитие было устойчивым, оно должно учитывать социальные и эко-

логические факторы, так же, как и экономические; живые и неживые ресурсы; и долгосрочные, равно как и краткосрочные, преимущества и недостатки альтернативного действия». Однако в данном определении больший акцент делается на экологической устойчивости, чем на устойчивом развитии как таковом (Ускова, 2009, с. 20).

Концепция устойчивого развития вышла на международную арену после опубликования в 1987 г. Доклада Международной комиссии по окружающей среде и развитию Организации Объединенных Наций (ООН) «Наше общее будущее» (WCED, 1987). Этот доклад часто называют докладом Брундтланд по имени Гру Харлем Брундтланд – председателя комиссии. Он был очень важен для расширения концепции устойчивого развития за пределы вопросов охраны окружающей среды и для включения социальных аспектов на национальном и международном уровне. В нем впервые появилась базовая формулировка «устойчивое развитие – это развитие, при котором удовлетворение потребностей нынешних поколений осуществляется без ущерба для возможностей будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности». В ней содержится ключевая идея устойчивого развития – как баланса между поколениями.

По существу, данного определения есть пояснение. В классическом определении баланс между поколениями понимается как баланс потребностей. Однако слово «потребности» может трактоваться по-разному. Во-первых, можно говорить о способности удовлетворять потребности в контексте обеспеченности природными ресурсами. Это значит, что мы должны оставить будущим поколениям такое же количество ресурсов, что есть у нас, чтобы они с помощью этих ресурсов могли удовлетворять свои потребности. Во-вторых, можно говорить о способности удовлетворять потребности как об уровне жизни. Это значит, что для будущих поколений он должен быть как минимум таким же, как уровень жизни нашего поколения (Макаров, 2017).

В отечественной литературе можно найти не один десяток определений устойчивого развития. Под УР понимают «гарантированное достижение целевых установок при разумных интенсивностях возмущающих воздействий на окружающую среду, хозяйственный комплекс и социально-демографическую сферу» (Моделирование устойчивого, 1999). Или «под устойчивостью демографических процессов понимается способность социально-экономической системы обеспечивать постоянное воспроизводство населения, не допуская отрицательных тенденций в естественном воспроизводстве населения в течение длительных периодов времени» (Социально-демографическая, 2008, с. 207). Применительно к северным территориям, УР – это «социально-экономическое развитие, основанное на применении доступных в сложных суровых природно-климатических условиях высокопроизводительных технологий в сфере добычи и переработки природного сырья и позволяющее создать в пределах северной территории условия для воспроизводства и рекультивации ресурсов, сохранения уникальной экосистемы и жизненного уклада коренного населения» (Кононова, 2016, с. 71–73).

Все используемые понятия объединяет следующее: сохранение равновесия системы; забота о будущих поколениях; качественные и количественные изменения в трех взаимосвязанных компонентах: экономическом, социальном и экологическом; рост уровня и качества жизни населения; рациональное использование природно-ресурсного потенциала; сохранение окружающей среды (Гутман, Басова, 2017, с. 35).

Концепция устойчивого развития основывается на пяти основных принципах.

1. Человечество действительно способно придать развитию устойчивый и долговременный характер, с тем чтобы оно отвечало потребностям ныне живущих людей, не лишая при этом будущие поколения возможности удовлетворять свои потребности.

2. Имеющиеся ограничения в области эксплуатации природных ресурсов относительны. Они связаны с современным уровнем

техники и социальной организации, а также со способностью биосферы справляться с последствиями человеческой деятельности.

3. Необходимо удовлетворить элементарные потребности всех людей и всем предоставить возможность реализовывать свои надежды на более благополучную жизнь. Без этого устойчивое и долгосрочное развитие попросту невозможно. Одна из главнейших причин возникновения экологических и иных катастроф – нищета, которая стала в мире обычным явлением.

4. Необходимо согласовать образ жизни тех, кто располагает большими средствами (денежными и материальными), с экологическими возможностями планеты, в частности относительно потребления энергии.

5. Размеры и темпы роста населения должны быть согласованы с меняющимся производительным потенциалом глобальной экосистемы Земли (Гизатуллин, Троицкий, 1998, с. 124).

Существует два разных взгляда на то, как интерпретировать концепцию устойчивого развития. «Комплексный» подход говорит о том, что цель устойчивого развития состоит в обеспечении человеческого благополучия как для нынешнего, так и для будущих поколений. Подход, «ориентированный на будущее», сосредоточен только на благополучии будущих поколений. Преимуществом комплексного подхода является то, что здесь совмещаются два аспекта справедливости распределения: внутр поколенческий и межпоколенческий аспекты. Недостаток состоит в том, что комплексный подход стремится охватить все стороны, имеющие отношение к человеческому благополучию.

Ориентированный на будущее подход сосредоточен только на межпоколенческих вопросах. Он тесно связан с подходом, использующим оценку капитала, поскольку в последнем делается акцент на сохранении запасов капитала в качестве предпосылки поддержания человеческого благополучия в долгосрочной перспективе.

Определяются три концептуальных аспекта УР:

- человеческое благополучие нынешнего поколения в одной конкретной стране («здесь и сейчас»);

- благополучие будущих поколений («позднее»);
- благополучие людей, живущих в других странах («в других местах»).

Выделяются двадцать тем, охватывающих экологические, социальные и экономические стороны устойчивого развития: субъективное благополучие, потребление и доход, питание, здоровье, жилье, образование, досуг, физическая безопасность, обобщенное доверие, институты, энергетические ресурсы, неэнергетические ресурсы, земля и экосистемы, вода, качество воздуха, климат, труд, физический капитал, капитал в виде знаний и финансовый капитал. Население добавлено в качестве контекстного показателя (Рекомендации Конференции. 2014, с. xiii, xiv, 8, 12, 16). В то же время всеми признается факт того, что динамика численности населения является важнейшим параметром УР, который должен приниматься во внимание и иметь количественную оценку в системе показателей устойчивого развития (ПУР).

В докладе комиссии Брундтланд озвучена концепция устойчивого развития, а конференции ООН в Рио-де-Жанейро (1992) и в Йоханнесбурге (2002) придали мощный импульс проведению оценки устойчивого развития. Организация Объединенных Наций создала Комиссию по устойчивому развитию (КУР ООН) в начале 1990-х гг., а в 1993 г. комиссией был предложен первый набор показателей устойчивого развития (Рекомендации Конференции, 2014, с. 12). Рио-92 принято считать отправной точкой по изучению и оценке устойчивого развития в планетарном масштабе. На ней были определены 27 принципов поведения мирового сообщества в области защиты окружающей среды и развития. В социальной сфере декларируется важность заботы о людях, права на здоровую жизнь, искоренения бедности, поддержки самобытности коренных народов (Доклад Конференции, 1993, с. 3–7).

1.2. Концепции и Стратегии устойчивого развития Российской Федерации

Россия, как и все мировое сообщество, поддерживает принципы устойчивого развития. В Российской Федерации приняты концепции и стратегии по устойчивому развитию. В феврале 1994 г. выходит Указ Президента РФ «О государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития» (4 февраля 1994 г., № 236), который утратил силу 19 апреля 2017 г. в связи с изданием Указа Президента РФ «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» (19 апреля 2017 г., № 176). В апреле 1996 г. выходит Указ Президента Российской Федерации «О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» (1 апреля 1996 г., № 440). В 2009 г. Правительством Российской Федерации утверждается «Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (4 февраля 2009 г., № 132-р). В 2010 г. утверждена Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 г., а в 2015 г. – «Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года» (2 февраля 2015 г., № 151-р в ред. от 13 января 2017 г.).

Указ Президента РФ «О государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития» (4 февраля 1994 г., №236).

Осуществление государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития предусматривает реализацию закрепленного в Конституции Российской Федерации права граждан на благоприятную окружающую среду, прав будущих поколений на пользование природно-ресурсным потенциалом в целях поддержания устойчивого развития, а также решение текущих социально-экономических задач в неразрывной связи с осуществлением адекватных мер по защите и улуч-

шению окружающей среды, сбережению и восстановлению природных ресурсов.

В разделе «Охрана среды обитания человека» отмечается, что в целях создания условий, позволяющих реализовать конституционное право граждан на жизнь в благоприятной окружающей среде, предусматриваются следующие основные направления деятельности:

- создание для людей здоровой среды обитания в городских и сельских поселениях;
- развитие системы природных комплексов рекреационного и курортно-оздоровительного назначения;
- улучшение качества продуктов питания;
- обеспечение населения качественной питьевой водой;
- предотвращение загрязнения атмосферного воздуха и водных объектов;
- обеспечение радиационной безопасности населения;
- предупреждение и уменьшение опасного воздействия природных явлений, техногенных аварий и катастроф;
- экологическое воспитание и образование населения.

Документ утратил силу 19 апреля 2017 г. в связи с изданием Указа Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года».

В Стратегии отмечается, что целями государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности являются сохранение и восстановление природной среды, обеспечение качества окружающей среды, необходимого для благоприятной жизни человека и устойчивого развития экономики, ликвидация накопленного вреда окружающей среде вследствие хозяйственной и иной деятельности в условиях возрастающей экономической активности и глобальных изменений климата.

Предлагаются индикаторы (показатели) оценки состояния экологической безопасности:

- а) доля территории Российской Федерации, не соответствующей экологическим нормативам, в общей площади территории Российской Федерации;

б) доля населения, проживающего на территориях, на которых состояние окружающей среды не соответствует нормативам качества, в общей численности населения Российской Федерации;

в) доля населения, проживающего на территориях, на которых качество питьевой воды не соответствует санитарным нормам, в общей численности населения Российской Федерации (О Стратегии, 2017).

Указ Президента Российской Федерации «О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» (1 апреля 1996 г., № 440).

В данной концепции устойчивое развитие сводится к сбалансированному решению социально-экономических задач и проблем сохранения благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений людей. Отмечается необходимость реализации комплекса мер, направленных на сохранение жизни и здоровья человека, решение демографических проблем, борьбу с преступностью, искоренение бедности, изменение структуры потребления и уменьшение дифференциации в доходах населения. Признается, что переход к устойчивому развитию России возможен только в том случае, если будет обеспечено устойчивое развитие всех ее регионов (О концепции перехода, 1996).

Критический анализ принятых документов о концепции/стратегии и представлений об устойчивом развитии России позволяет сделать три принципиальных замечания:

- все предлагаемые концепции – «линейны», а не «объемны», т.е. они написаны для России в целом без представления о том, как будут реализовываться на местах;
- отсутствует четкое представление об объемах и источниках финансирования такого рода изменений в жизни страны, ее регионов и городов;
- практически отсутствует описание механизмов реализации этих концепций.

Любая концепция устойчивого развития интегрирует в себе экологическую, экономическую и социальную сферы и является, прежде всего, политическим документом, для успешной реализации которого необходимы последовательное проведение демократизации управления и соблюдение определенных принципов. К таким принципам можно отнести следующие: принцип иерархической организации, принцип единства целей, принцип последовательной экологизации всех сфер жизнедеятельности территории, принцип «управление – для населения», принцип единого контроля и доступности информации, принцип финансирования программ устойчивого развития, принцип осуществимости концепции (Розенберг, Черникова, Краснощеков и др., 2000, с. 137–139).

Распоряжением Правительства Российской Федерации утверждена «Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (4 февраля 2009 г., № 132-р).

В Концепции устойчивого развития малочисленных народов Севера предполагается укрепить их социально-экономический потенциал, сохранить исконную среду обитания, традиционный образ жизни и культурные ценности на основе целевой поддержки государства и мобилизации внутренних ресурсов самих народов в интересах нынешнего и будущих поколений. Вместе с тем, несмотря на предпринимаемые меры, положение малочисленных народов Севера в последние десятилетия осложнено неприспособленностью их традиционного образа жизни к современным экономическим условиям. Низкая конкурентоспособность традиционных видов хозяйственной деятельности обусловлена малыми объемами производства, высокими транспортными издержками, отсутствием современных предприятий и технологий по комплексной переработке сырья и биологических ресурсов.

Кризисное состояние традиционных видов хозяйственной деятельности привело к обострению социальных проблем. Уровень жизни значительной части граждан из числа малочисленных народов

Севера, проживающих в сельской местности или ведущих кочевой образ жизни, ниже среднероссийского. Уровень безработицы в районах Севера, где проживают малочисленные народы Севера, превышает средний по Российской Федерации.

Отмечается, что нарушение традиционного уклада жизни в 1990-е гг. привело к развитию целого ряда заболеваний и патологий среди представителей малочисленных народов Севера. Значительно выше среднероссийских показателей среди этих народов показатели младенческой и детской смертности, заболеваемости инфекционными заболеваниями и алкоголизмом. В этой связи ставится задача создания условий для улучшения демографических показателей малочисленных народов Севера, в том числе путем снижения детской смертности и увеличения продолжительности жизни до среднероссийского уровня. В результате реализации мероприятий второго этапа (2012–2015 гг.) предполагалось достигнуть положительных демографических тенденций среди большинства малочисленных народов Севера, включая увеличение показателя ожидаемой продолжительности жизни, увеличение в 1,3 раза по сравнению с 2007 г. суммарного коэффициента рождаемости, снижение смертности детей первого года жизни в 1,5 раза по сравнению с 2007 г. В результате реализации мероприятий третьего этапа (2016–2025 гг.) к 2025 г. предполагается достигнуть среднероссийских показателей качества жизни малочисленных народов Севера, а также снизить смертность детей первого года жизни не менее чем в 2 раза по сравнению с 2007 г. (Концепция устойчивого, 2009).

Распоряжениями Правительства Российской Федерации утверждены «Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 г. (30 ноября 2010 г., № 2136-р)» и «Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года» (2 февраля 2015 г., № 151-р в ред. от 13 января 2017 г.).

Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 г. направлена на создание условий

для обеспечения стабильного повышения качества и уровня жизни сельского населения на основе преимуществ сельского образа жизни, что позволит сохранить социальный и экономический потенциал сельских территорий и обеспечит выполнение ими общенациональных функций – производственной, демографической, трудоворесурсной, пространственно-коммуникационной, сохранение историко-культурных основ идентичности народов страны, поддержание социального контроля и освоенности сельских территорий.

На фоне высокой рождаемости, обеспечивающей расширенное воспроизводство сельского населения, сохраняются такие проблемы демографического развития сельских территорий, как низкая ожидаемая продолжительность жизни и миграционный отток населения. Следствием миграционного оттока молодежи является деградация человеческого потенциала сельских территорий, а при привлечении рабочей силы вахтовым методом – рост социальной напряженности. В этой связи в рамках Стратегии предполагается решить задачи, направленные: на обеспечение молодыми квалифицированными кадрами агропромышленного комплекса и сельской экономики в целом, а также на облегчение трудовой мобильности; на создание условий для самореализации молодежи в сельской местности; на создание благоприятных условий для жизни сельских семей, особенно молодых и многодетных; на сокращение темпов убыли сельского населения; на поддержку переселения в сельскую местность, освоения заброшенных земель сельскохозяйственного назначения и расширения социального контроля над сельскими территориями (Стратегия устойчивого, 2017).

Обзор принятых документов позволяет заключить, что устойчивому развитию большое значение придавалось в России практически все годы. Но особенно активизировалась эта работа в последнее время. Примером тому могут служить научные форумы, посвященные разным аспектам устойчивого развития. Так в Санкт-Петербурге прошла Всероссийская научно-практическая конференция «Новые подходы и методы управления устойчивым социально-экономиче-

ским развитием регионов» (24–25 октября 2017 г.). В Сыктывкаре – Международная научно-практическая конференция «Моделирование сценариев устойчивого развития северных регионов России в современных условиях» (24–25 ноября 2017 г.). В Москве – Международная научно-практическая конференция «Повышение статистического потенциала для мониторинга целей устойчивого развития» (30 ноября – 1 декабря 2017 г.).

На конференции статистиков в Москве был сделан обзор о проделанной работе в России и ведущих странах мира. Первая пленарная сессия была посвящена глобальной системе показателей для мониторинга достижения целей устойчивого развития (ЦУР). На первой сессии выступили представители международных организаций, таких как МОТ, ФАО, ОЭСР, ЮНИДО, ЮНФПА и СНГ. Конференция стала площадкой для обсуждения национального опыта, который уже накоплен странами за этот короткий период. Следующая сессия была посвящена «Мониторингу показателей целей устойчивого развития на национальном и субнациональном (региональном) уровнях». На ней выступили представители национальных статистических ведомств Венгрии, Греции, Дании, Сербии, Южной Африки, Финляндии и Азербайджана.

В приветственном слове Руководитель Федеральной службы государственной статистики А.Е. Суринов остановился на той работе, которая была проделана в России для достижений ЦУР (Приветственное слово, 2015). Он отметил, что в сентябре 2015 г. государства-члены ООН приняли Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. Этот масштабный план действий направлен на ликвидацию нищеты, сохранение ресурсов планеты и обеспечение благополучия для всех. Семнадцать целей и 169 задач носят комплексный и неделимый характер и обеспечивают сбалансированность всех трех компонентов устойчивого развития: экономического, социального и экологического.

1.3. Перечень Докладов, Деклараций и Конвенций Организации Объединенных Наций по устойчивому развитию

Первым всеобъемлющим документом по устойчивому развитию можно считать Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию ООН «Наше общее будущее» (WCED, 1987) (доклад Комиссии Брундтланд).

Большой вклад в изучение УР внесла конференция ООН, прошедшая в Рио-де-Жанейро (3–14 июня 1992 г.), на которой были приняты:

1. Декларация по окружающей среде и развитию, содержащая 27 принципов достижения устойчивого развития, определяющие права и обязанности стран мира в обеспечении УР и повышения благосостояния людей;

2. Конвенция об изменении климата;

3. Конвенция о биологическом разнообразии;

4. Заявление о принципах защиты и управления всеми видами лесов;

5. Повестка дня на XXI век – программа, как сделать развитие устойчивым с социальной, экономической и экологической точек зрения.

В последнем документе впервые обращено внимание на взаимосвязь многих процессов с демографическим развитием. Так в главе пять «Динамика населения и устойчивое развитие» определяются программные области: а) накопление и распространение знаний о связях между демографическими тенденциями и факторами и устойчивым развитием; б) разработка комплексной национальной политики в области окружающей среды и развития с учетом демографических тенденций, и факторов; в) осуществление на местном уровне комплексных программ в области окружающей среды и развития с учетом демографических тенденций, и факторов.

Выводы Комиссии ООН по окружающей среде и развитию составили основу решений о жизненной необходимости для цивилизации выхода на траекторию устойчивого развития. Под устойчивым развитием понималось развитие, удовлетворяющее потребности настоящего поколения и не ставящее под угрозу возможности будущих поколений удовлетворять свои потребности.

Основными принципами устойчивого развития были названы:

- улучшение качества жизни;
- гарантированное здоровье людей;
- удовлетворение основных жизненных потребностей как населения, так и будущих поколений;
- борьба с бедностью;
- рациональная структура производства и потребления;
- рациональное природопользование;
- сохранение экосистем, защита климата и озонового слоя;
- обеспечение экологической безопасности;
- межсекторальное сотрудничество;
- экологическое сознание, экологическая этика;
- становление гражданского общества;
- устранение всех форм насилия над человеком и природой (предупреждение войн, терроризма и экоцида);
- глобальное партнерство.

В таком комплексе принципов социально-экономическая система выступает в качестве природосберегающей системы, объединяя в одно целое экологические, экономические и социальные аспекты (Ускова, 2009, с. 20–21).

В докладе о развитии человеческого потенциала (1994 г.) ООН была предложена следующая модификация концепции устойчивого развития: устойчивое развитие должно не только сопровождаться экономическим ростом, но и характеризоваться справедливым распределением его результатов, увеличивающим возможности людей, восстанавливающими действиями по отношению к окружающей среде (Осипова, 2017, с. 22).

В июне 1997 г. (Нью-Йорк) состоялась 19 специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН по вопросам экологии и устойчивого развития, посвященная претворению в жизнь «Повестки дня на XXI век». Она вошла в историю как «Встреча на высшем уровне по проблемам Земли» (Рио+5).

В 2000 г. принята Декларация тысячелетия ООН, содержащая 8 целей развития до 2015 г. и 21 задачу, которые связаны с решением социальных и экологических задач: ликвидация крайней бедности и голода, обеспечение начального школьного образования, гендерного равенства, улучшение здоровья и борьба с тяжелыми заболеваниями, снижение детской и материнской смертности, обеспечение экологической устойчивости и формирование глобального партнерства в целях развития (Декларация тысячелетия, 2000).

На саммите по устойчивому развитию в Йоханнесбурге (26 августа – 4 сентября 2002 г.) (Рио+10) были приняты два важнейших документа: «Политическая декларация» и «План выполнения решений Всемирного саммита в Йоханнесбурге». В этих документах участники подтвердили свои намерения следовать принципам устойчивого развития. Наряду с традиционными экологическими проблемами на пути к устойчивому развитию в Декларации уделено большое внимание социальным проблемам, таким как: голод, иностранная оккупация, распространение наркотиков, коррупция, организованная преступность, стихийные бедствия, торговля оружием, торговля людьми, терроризм, этнические религиозные угрозы, а также болезни. Представленные в «Плане» цели имеют конкретные количественные параметры, к их числу можно отнести:

- снизить до 2015 г. вдвое долю людей, чей доход составляет менее 1 долл. в день;
- уменьшить до 2015 г. на 2/3 показатели смертности детей до 5 лет и на 75% – материнскую смертность по сравнению с показателями 2000 г.;
- к 2020 г. достичь такого производства и потребления химических веществ, которое позволило бы снизить их

- вредное воздействие на природную среду и организм человека;
- к 2010 г. добиться снижения темпов сокращения биоразнообразия;
 - к 2010 г. добиться доступности развивающихся стран к эффективным заменителям озоноразрушающих веществ.

В 2012 г. состоялась Конференция ООН по устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро (20–22 июня), получившая название «Рио+20». На конференции планировалось принять решение по двум основным темам: «Зеленая экономика в контексте устойчивого развития и преодоления бедности» и «Институциональные рамки устойчивого развития». Однако из-за противоречия в переговорных позициях стран относительно содержания итогового документа и возможных обязательствах стран большого прорыва в решении ключевых вопросов повестки конференции не получилось. На подготовку форума в значительной степени оказал влияние мировой финансово-экономический кризис, поэтому принять конкретные решения по увеличению финансовой помощи на цели развития – приоритетный вопрос для развивающихся стран – также не удалось. Итоговый документ с символическим названием «Будущее, которого мы хотим», подготовленный по правилам системы ООН, отражал имеющийся компромисс между странами в отношении их видения новой парадигмы развития.

И наконец, 25 сентября 2015 г. в Нью-Йорке Генеральная Ассамблея ООН принимает итоговый документ «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». Принятая «Повестка дня – 2030» – это план действий для людей, планеты и процветания. Она направлена на укрепление всеобщего мира в условиях большей свободы. Признается, что ликвидация нищеты во всех ее формах и проявлениях, включая крайнюю нищету, является важнейшей глобальной задачей и одним из необходимых условий устойчивого развития. В ней подчеркивается необходимость решения ряда демографических проблем: улучше-

ния режима воспроизводства коренных народов; адаптации мигрантов; увеличения средней продолжительности жизни; сокращения младенческой, детской и материнской смертности. Многие из целей тесно связаны с трудовыми процессами: ликвидация голода, хорошее здоровье и благополучие, качественное образование, гендерное равенство, достойная работа и экономический рост, уменьшение неравенства. В Повестке дня ставятся 17 целей и 169 задач. Выполнение целей и задач предусматривает реализацию прав человека для всех и обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек (Преобразование нашего, 2015, с. 3/44, 6/44, 8/44, 9/44).

1.4. Семнадцать целей устойчивого развития

Генеральная Ассамблея ООН 25 сентября 2015 г. приняла резолюцию «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», на которой были объявлены 17 целей в области устойчивого развития (Преобразование нашего, 2015, с. 7/44). Лидеры государств взяли на себя обязательства предпринять совместные действия и усилия для реализации столь широкой и универсальной стратегической программы. Большинство стран мира вступили на путь, ведущий к устойчивому развитию, сообщая посвящая себя обеспечению глобального развития и взаимовыгодного сотрудничества, которые могут принести огромную пользу населению всего мира. Все страны обязуются осуществлять Повестку дня таким образом, чтобы это принесло максимальную пользу всем: как нынешнему, так и будущим поколениям. Все государства – в соответствии с Уставом ООН – обязуются уважать, защищать и поощрять права человека и основные свободы без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, иму-

щественного положения, места рождения, инвалидности или иного статуса.

Особо важной задачей является обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей женщин и девочек. Они должны пользоваться равным доступом к качественному образованию, экономическим ресурсам и возможностям участия в политической жизни, а также иметь равные с мужчинами и мальчиками возможности в плане занятости, выступления в роли лидера и принятия решений на всех уровнях.

Необходимо добиваться значительного увеличения инвестиций в целях устранения гендерного разрыва и усиления поддержки институтов, занимающихся вопросами обеспечения гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин на глобальном, региональном и национальном уровнях. Все формы дискриминации и насилия в отношении женщин и девочек будут ликвидированы, в том числе с участием мужчин и мальчиков. Большое значение при осуществлении Повестки дня имеет систематический учет гендерных аспектов. Новые цели и задачи вступили в силу 1 января 2016 г., и в течение следующих 15 лет все будут руководствоваться ими при принятии решений.

Цели в области устойчивого развития носят комплексный и неделимый характер, являются глобальными по своему характеру и универсально применимыми и при этом обеспечивают учет различий в национальных реалиях, возможностях и уровнях развития и уважение национальных стратегий и приоритетов. Каждая цель включает от пяти до девятнадцати задач. Ниже приведем определения целей и их краткое содержание (Доклад о Целях, 2017, с. 3–57).

Цель 1. Повсеместная ликвидация нищеты во всех ее формах. В основе устойчивого развития, по сути, лежит оказание людям во всех регионах мира поддержки, необходимой им для того, чтобы вырваться из тисков нищеты во всех ее проявлениях. Настоящая цель ориентирована на ликвидацию нищеты путем осуществления взаимосвязанных стратегий, в том числе направленных на содейст-

вие развитию систем социальной защиты, обеспечению достойной занятости и повышению жизнестойкости малоимущих.

Цель 2. Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства. Она касается удовлетворения одной из основных потребностей человека – потребности в полноценных и качественных продуктах питания – и тех средств, которые позволяют достичь устойчивого удовлетворения этой потребности для всех. Проблему голода невозможно решить исключительно за счет наращивания производства продовольствия. Созданию динамичного и продуктивного сельскохозяйственного сектора, который способен обеспечить продовольственную безопасность, способствуют такие факторы, как надлежащее функционирование рынков, рост доходов мелких фермеров, равноправие в плане доступа к технологиям и земле и увеличение объема инвестиций.

Цель 3. Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте. Предусматривает решение таких задач, как укрепление репродуктивного здоровья и здоровья матери и ребенка; ликвидация инфекционных заболеваний; сокращение масштабов распространения неинфекционных заболеваний и других угроз здоровью; а также обеспечение доступности безопасных, эффективных, качественных и недорогих лекарств и вакцин, и медико-санитарных услуг для всех.

Цель 4. Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех. Предусматривает обеспечение того, чтобы возможность получения качественного образования и обучения на протяжении всей жизни была у всех людей. Деятельность, направленная на достижение этой цели, касается не только вопросов набора учащихся в учебные заведения, но и таких тем, как качество получаемых знаний, наличие квалифицированных учителей, состояние школьных помещений и диспропорции в результатах обучения.

Цель 5. Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек. В мире по-прежнему сохраняется гендерное неравенство, лишаящее женщин и девочек их основных прав и возможностей. Для обеспечения гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин и девочек потребуется приложить более активные усилия, в том числе по имплементации нормативно-правовой базы, для борьбы с глубоко укоренившейся практикой дискриминации по признаку пола, которая зачастую является результатом патриархальных взглядов и связанных с ними социальных норм.

Цель 6. Обеспечение наличия и рационального использования водных ресурсов и санитарии для всех. Посвящена решению затрагивающих население проблем, которые касаются питьевой воды, санитарии и гигиены, а также защите связанных с водой экосистем. В условиях антисанитарии и отсутствия устойчивых источников чистой воды невозможно добиться решения существующих проблем во многих других областях, которым посвящены цели устойчивого развития, например, в таких, как здравоохранение, образование и сокращение масштабов нищеты.

Цель 7. Обеспечение всеобщего доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех. Для обеспечения всеобщего доступа к недорогому, надежному и устойчивому энергоснабжению необходимо расширять доступ к электричеству и экологически чистому топливу для приготовления пищи, а также повышать энергоэффективность и долю энергии из возобновляемых источников. Для достижения этой цели потребуются увеличение объема финансирования и проведение более решительной политики, а также готовность стран значительно более активно осваивать новые технологии.

Цель 8. Содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех. Экономический рост – это одна из главных движущих сил устойчивого развития. При условии

его стабильности и всеохватности больше людей могут вырваться из тисков нищеты, поскольку благодаря росту экономики открываются возможности для полной и производительной занятости населения. Для того чтобы новые поколения могли пользоваться благами экономического роста в будущем, сегодня такой рост должен достигаться экологически безопасными методами, а не за счет чрезмерной эксплуатации ресурсов.

Цель 9. Создание стойкой инфраструктуры, содействие всеохватной и устойчивой индустриализации и инновациям. Развитие инфраструктуры, индустриализация и содействие инновациям – это три движущие силы экономического роста. Когда работа в этих трех ключевых областях ведется на основе принципов широкого участия, рациональности и обеспечения жизнестойкости, экономический рост может способствовать устойчивому развитию.

Цель 10. Сокращение неравенства внутри стран и между ними. Она предусматривает сокращение неравенства внутри стран и между ними, обеспечение безопасной, упорядоченной и регулируемой миграции и укрепление позиций развивающихся стран при принятии международных экономических и финансовых решений.

Цель 11. Обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов. Темпы урбанизации беспрецедентны. В 2015 г. в городах проживало около 4 млрд. человек (более половины населения мира). При этом, хотя города создают благодатную почву для инновационной деятельности и способствуют созданию рабочих мест и обеспечению экономического роста, стремительная урбанизация приводит к возникновению очень серьезных проблем, в том числе к увеличению числа людей, живущих в ненадлежащем жилье, росту уровня загрязнения воздуха и нехватке базовых услуг и объектов инфраструктуры.

Цель 12. Обеспечение перехода к рациональным моделям потребления и производства. Рациональные модели потребления и производства обеспечивают эффективное использование ресурсов и могут способствовать уменьшению воздействия экономической дея-

тельности на окружающую среду. Поэтому цель предусматривает ликвидацию зависимости экономического роста от эксплуатации ресурсов и внедрение таких методов управления утилизацией опасных химических веществ и отходов, которые позволяют свести к минимуму их влияние на жизнь людей и воздействие на окружающую среду.

Цель 13. Принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями. В 2016 г. глобальная температура продолжала расти и достигла рекордного уровня, который примерно на 1,1°C выше, чем в доиндустриальный период. В 2016 г. общемировая площадь ледового покрытия в морях и океанах сократилась до 4,14 млн. кв. км (более низкое значение было зарегистрировано ранее только один раз). Борьба с изменением климата и смягчение его последствий потребуют закрепления динамики, сформировавшейся благодаря Парижскому соглашению об изменении климата. Также необходимо прилагать более энергичные усилия в целях повышения сопротивляемости опасным климатическим явлениям и стихийным бедствиям и смягчения их последствий.

Цель 14. Сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития. Мировой океан покрывает почти три четверти поверхности Земли и представляет собой крупнейшую экосистему планеты. Все более неблагоприятные последствия изменения климата (включая закисление океана), перелов и загрязнение морской среды ставят под угрозу успехи последнего времени, достигнутые в области защиты акваторий Мирового океана.

Цель 15. Защита и восстановление экосистем суши и содействие их рациональному использованию, рациональное лесопользование, борьба с опустыниванием, прекращение и обращение вспять процесса деградации земель и прекращение процесса утраты биологического разнообразия. Охраняемые и восстанавливаемые экосистемы и зависящее от них разнообразие биологических видов могут быть факторами смягчения последствий изменения климата, а также

повышения способности противостоять усиливающемуся антропогенному давлению на окружающую среду и все более частым и интенсивным бедствиям. Здоровые экосистемы также служат источником многих благ для зависимых от них общин. Цель касается обеспечения сохранения и рационального использования наземных биологических видов и экосистем Земли.

Цель 16. Содействие построению миролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях. Обеспечение мира и правосудия и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений являются основой для достижения целей устойчивого развития. Прогресс в деле поощрения миролюбивого и открытого общества остается неравномерным внутри стран и между ними. В последние годы отмечается увеличение числа насильственных конфликтов, тогда как вооруженные конфликты «высокой интенсивности» приводят к большому числу жертв среди гражданского населения и вынуждают миллионы людей покидать свои дома.

Цель 17. Укрепление средств осуществления и активизация работы в рамках Глобального партнерства в интересах устойчивого развития. Для достижения ЦУР необходимо повысить приверженность укреплению партнерских отношений и развитию сотрудничества. Достижение целей потребует обеспечения согласованности политики и создания благоприятных условий для устойчивого развития на всех уровнях и с участием всех субъектов, а также активизации деятельности в рамках Глобального партнерства в интересах устойчивого развития. Решение задач в отношении средств осуществления наряду с полной реализацией Аддис-Абебской программы действий имеет ключевое значение для претворения в жизнь Повестки дня в области устойчивого развития (Фаузер, 2017, с. 64–71).

Проблема устойчивого развития актуальна и для субъектов Мировой Арктики (Фаузер, Смирнов, 2018). После принятия в 1992 г. в

Рио-де-Жанейро на конференции ООН об окружающей среде и развитию соответствующей Декларации и Повестки дня на XXI в., поддержанных Россией, проблема создания системы УР приобрела национальное и глобальное значение и стала ключевой проблемой современности, в т.ч. и для Циркумполярной Арктики (Россия, Канада, США, Исландия, Дания с Гренландией, Швеция, Финляндия, Норвегия). Во исполнение решений упомянутой Декларации 19 июня 1996 г. в Оттаве представители восьми арктических государств создали Арктический Совет с определением двух важнейших направлений его деятельности: устойчивое развитие и охрана окружающей среды. В октябре 2000 г. на совещании Арктического Совета в Барроу был утвержден рамочный документ по устойчивому развитию Арктики (Додин, 2005, с. 53). Для реализации его в Инарской декларации, принятой на сессии Арктического совета (Финляндия, 9–10 октября 2002 г.), содержится обязательство по разработке плана действий по устойчивому развитию с учетом решений Йоханнесбургского саммита по устойчивому развитию 2002 г.

Основными положениями Инарской декларации с учетом результатов обследования жизненных условий в Арктике являются обязательства арктических государств по улучшению условий жизни человека, также сформулированы новые направления деятельности арктического совета в социально-культурной сфере (вопросы равноправия женщин, продвижение более здорового образа жизни, развитие образования и обучения молодежи) (Арктическая энциклопедия, 2017, с. 168).

Первой попыткой всестороннего международного обсуждения социальных аспектов устойчивого развития северных и арктических регионов планеты стал Arctic Human Development Report («Доклад о развитии человека в Арктике»), изданный в 2004 г. Были даны оценки ситуации в разных сферах – демография, культура, экономика, политические и правовые системы, управление ресурсами, местные сообщества, здоровье, благосостояние, образование, гендерные вопросы, международные отношения и геополитика.

Определены проблемы и выделены три важнейших для Арктики аспекта – сохранение культурной идентичности, жизнь в близости к природе и контроль собственной судьбы (Рябова, Торопушина, Корчак и др., 2016, с. 278).

И так можно заключить, что во всех принятых документах содержится призыв к правительствам всех стран исключить из практики использование моделей производства и потребления, не способствующих устойчивому развитию, призыв к стимулированию поступательного, всеохватного и справедливого экономического развития, созданию широких возможностей, уменьшению неравенства, поднятию базовых стандартов жизни, поощрению справедливого социального развития, пропаганде системного управления природными ресурсами и экосистемами, которые согласуются с экономическими и социальными целями и, одновременно, способствуют сохранению экосистем, их регенерации, восстановлению в постоянно изменяющихся условиях (Осипова, 2017, с. 23).

Несмотря на то, что мировым сообществом осознаны и провозглашены идеи устойчивого развития, нынешнее состояние социоэколого-экономической системы любого уровня нельзя охарактеризовать как устойчивое:

- в экологической подсистеме антропогенные воздействия на окружающую среду превысили допустимые пределы, происходит разрушение биосферы под воздействием ряда взаимосвязанных процессов: экономический рост – рост населения – рост потребления ресурсов – разрушение окружающей среды – распад генома человека;
- в социальной подсистеме господствует философия антропоцентризма; идеология защиты окружающей среды не сформирована; национальные, групповые интересы преобладают над общечеловеческими; продолжается рост населения, особенно в странах с низким уровнем развития, что порождает увеличение разрыва в уровне жизни, рост численности бедного населения, заболеваемости и т.д.;

- в экономической подсистеме превалирует приоритет экономических целей развития (экономическая прибыль, обогащение); имеют место экстенсивный характер развития (путь экономического роста), отсутствие экономических критериев, свидетельствующих о переходе порога допустимых воздействий на окружающую природную среду (о снижении ее устойчивости) (Розенберг, Черникова, Краснощеков и др., 2000, с. 131–132).

Выделенные проблемы требуют дальнейшей разработки теоретических, методологических, методических и практических аспектов устойчивого развития для выработки и реализации стратегии, ориентированной на охрану природы и эффективное использование ресурсов с учетом интересов настоящего и будущих поколений людей и возможности неопределенно долгого развития человеческой цивилизации. Базовые положения концепции устойчивого развития требуют переноса приоритетов исследования с общемирового на национальный и региональный уровни для обеспечения большей эффективности управления (Осипова, 2017, с. 23–24).

В контексте всех принятых документов устойчивое развитие следует понимать не как конечную цель, а как динамический процесс адаптации, познания и деятельности. Это процесс выявления, изучения и использования взаимосвязей – прежде всего тех, которые существуют между экономикой, обществом и природной средой.

1.5. Исследование устойчивого развития в отечественных научных публикациях¹

Количественный контент-анализ: особенности исследования устойчивого развития в рамках различных дисциплин. В данном разделе представлен обобщающий анализ научных работ, направленных на изучение проблемы достижения устойчивого развития.

¹ В написании раздела принимал участие Журавлев Н.Ю.

Основной фокус сделан на ключевых моментах, характеризующих его особенности в различных гуманитарных дисциплинах, нашедших отражение в работах отечественных ученых. Основным методом сбора данных выступает контент-анализ научных статей в профессиональных периодических изданиях. Аналогичный метод был использован в работе А.В. Резаева и Н.Д. Трегубовой, посвященной оценке состояния исследований этносоциальных конфликтов (Резаев, Трегубова, 2016, с. 75–85). Мы, также как вышеуказанные авторы, обратились к электронной научной библиотеке eLIBRARY.RU, являющейся одной из самых крупных русскоязычных баз данных.

Для анализа были отобраны все работы, посвященные теме устойчивого развития. Всего в электронной библиотеке eLIBRARY.RU, ассоциированной с Российским индексом научного цитирования, с 1990 по 2017 г. на момент исследования зафиксировано 35701 публикация по заданной теме (с общим количеством статей по различным научным направлениям можно ознакомиться в прилож. 1.1). Ранее указанного периода работы на изучаемую тематику в электронной библиотеке не представлены. Было отобрано 25 журналов, имеющих непосредственное отношение к изучению проблем устойчивого развития (прилож. 1.2). Из них четыре издания входят в перечень ВАК: «Химия в интересах устойчивого развития», «Энергетическая политика», «Экономика устойчивого развития», «Устойчивое развитие горных территорий». С одной стороны, наличие тематических изданий в таком количестве свидетельствует о высокой степени интереса ученых к проблемам устойчивого развития. С другой стороны, несмотря на то, что тематические издания давали общие представления об изучаемых проблемах устойчивого развития, публикации в них были слабо востребованы самим научным сообществом, о чем свидетельствует низкий индекс цитирования большинства статей. Кроме того, в данных тематических журналах практически не затронуты вопросы, посвященные решению социальных проблем, являющихся основными компонентами устойчивого развития. Поэтому расширенный поиск по научным направле-

ниям (история, экономика, социология, демография, философия, охрана окружающей среды) оказался важным и необходимым шагом в контент-анализе. Забегая вперед, отметим, что большинство публикаций по устойчивому развитию принадлежат именно к этим шести направлениям.

Следует подчеркнуть, что проблеме устойчивого развития уделяется повышенное внимание российскими учеными всех дисциплин, но вклад в исследование данной темы в рамках научных направлений значительно отличается. В научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU по теме устойчивого развития зарегистрировано экономических работ – 22174, по социологии – 5294, по демографии – 458 и 7753 работ по остальным приведенным разделам. Иными словами, по формальным признакам работ по направлению «Экономика» в четыре раза больше, чем «Социология» и в 48 раз больше, чем «Демография». Количество статей в последнем направлении минимально и уступает даже «Истории» (табл. 1.1).

Таблица 1.1

**Количество работ по устойчивому развитию
в научной электронной библиотеке «eLIBRARY.RU»,
1990–2017 гг.**

Научные направления	Годы						
	1990–1995	1996–2000	2001–2005	2006–2010	2011–2015	2016–2017	1990–2017
Всего работ	54	475	2005	6553	17738	8876	35701
Экономика. Экономические науки 06.00.00	21	183	857	3643	11776	5694	22174
Социология 04.00.00	11	50	196	849	2892	1296	5294
Охрана окружающей среды. Экология человека 87.00.00	13	92	245	901	2596	1081	4928
Философия 02.00.00	6	29	96	321	1114	410	1976
История. Исторические науки 03.00.00	4	7	55	138	477	168	849
Демография 05.00.00	1	1	19	60	274	103	458

Начиная с 1990-х гг., в период появления первых научных работ по устойчивому развитию, «Экономика» не столь сильно превосходит в количестве публикаций остальные научные направления в сравнении с 2016–2017 гг. Так в период с 1990 по 1995 г. статьи в разделах «Экономика», «Социология», «Демография» составили 38,9%, 20,4% и 1,9%, соответственно. Около 24% работ принадлежали направлению «Экология», «Философии» – 11,1% и «Истории» – 7,4%. Однако к 2006–2010 гг. публикации в экономическом направлении составляли уже более половины от всех работ по устойчивому развитию, при этом ближайšie по числу статей экологическое и социологическое направления включали лишь 13,7% и 13,0% работ, соответственно.

Хотя по числу публикаций «Экономика» стоит на первом месте, по приросту количества работ на тему устойчивого развития «Демография», начиная с 2011 г., превосходит другие научные направления. Число публикаций по «Демографии» в период 2011–2015 гг., по сравнению с предыдущим, увеличилось более чем в 4,5 раза, в то время как «Экономика», «Экология» и «Социология» увеличились примерно в 3 раза по сравнению с предыдущим периодом. Несмотря на это в 2016–2017 гг. лидерство по-прежнему остается за экономистами – 62,4% работ, социологами – 14,6% и экологами – 12,2%, а демографическое направление обладает самым малым количеством статей по устойчивому развитию – 1,2%.

Изначально проблемы устойчивого развития не обладали высоким приоритетом в изучении, что отражено в незначительной доле работ на данную тему от общего числа публикаций в рамках каждого направления. С 1990–1995 гг., независимо от научного направления, она не превышала 0,05%.

Рост доли работ по устойчивому развитию для всех направлений происходил приблизительно в равной степени: наибольшее значение он приобретает на стыке периодов 1995–1996 гг., значительный рост наблюдается в 2000–2001 гг., а также в три раза в период перехода с 2005 по 2006 г.

Самую высокую долю работ по данной теме имеют «Экономика», «Социология» и «Демография». Экономическое направление, начиная с 2001–2005 гг., остается лидером по доле работ на тему устойчивого развития. Средний показатель за весь период составляет 1%. Чуть меньший интерес со средней долей работ в 0,56% проявляет «Социология». «Демография», несмотря на то, что вплоть до 2000 г. величина данного показателя у нее была невелика, в 2017 г. имеет одну из самых высоких долей публикаций по устойчивому развитию, уступая только «Экономике». Интерес к данной теме наметился в 2006 г., в результате за изучаемый период (1990–2017 гг.) он практически достиг показателя публикационной активности по «Социологии» и составил 0,55%.

Для данных трех направлений также свойственны самые высокие темпы роста доли научных статей по устойчивому развитию. В среднем за каждый период этот показатель увеличивался в 2,8 раза для «Экономики», в 2,3 раза для «Социологии» и в 4,6 раза для «Демографии» (табл. 1.2).

Таблица 1.2

**Доля работ по устойчивому развитию от числа работ
в рамках направлений в электронной библиотеке
«eLIBRARY.RU», 1990–2017 гг., %**

Научные направления	Годы						
	1990–1995	1996–2000	2001–2005	2006–2010	2011–2015	2016–2017	1990–2017
Экономика. Экономические науки 06.00.00	0,02	0,12	0,36	0,84	1,35	1,37	1,00
Социология 04.00.00	0,02	0,06	0,17	0,49	0,83	0,84	0,56
Демография 05.00.00	0,01	0,01	0,16	0,43	0,92	1,05	0,55
Охрана окружающей среды. Экология человека 87.00.00	0,05	0,09	0,13	0,34	0,70	0,88	0,46
Философия 02.00.00	0,05	0,12	0,18	0,29	0,53	0,55	0,41
История. Исторические науки 03.00.00	0,01	0,01	0,05	0,08	0,17	0,17	0,11

Таким образом, тема устойчивого развития, «вызревшая» в результате обсуждений доклада «Пределы роста», вышла за пределы проблем окружающей среды, привлекая к себе внимание ученых различных дисциплин. Пальма первенства в изучении устойчивого развития принадлежит экономистам, по сути, косвенно (через распространение либеральных ценностей рынка и обоснование значимости экономического роста) повлиявшим на возникновение проблем современного мира, которые сегодня как раз и поднимаются концепцией устойчивого развития. Также следует отметить наметившийся интерес к проблеме устойчивого развития в рамках дисциплин «Социология» и «Демография». Ниже рассмотрим более подробно особенности исследований и аналитические рамки изучения, характерные для этих трех дисциплин.

Качественный контент-анализ: аналитические рамки изучения устойчивого развития в научных дисциплинах. К началу 1990-х гг. концепция устойчивого развития, несмотря на противоречивость термина, получила широкое распространение. Его английский оригинал (sustainable development) подвергается критике как словосочетание, сомнительное с точки зрения формальной логики. Что касается принятого у нас русского перевода, то он не способен передать смысл исходного английского термина, означающего развитие, которое может поддерживаться непрерывно. В русском языке нет точного семантического эквивалента этого понятия, его можно перевести и как «самоподдерживающееся», «допустимое», «сбалансированное», «приемлемое» (Вебер, 2012). Л.Г. Мельник видит противоречие в том, что «устойчивость» предполагает равновесие, а «развитие» возможно только при условии постоянного выхода системы из равновесного состояния (Социально-экономический, 2007).

Независимо от дисциплинарной принадлежности ученые достаточно часто предпочитают использовать определение, прозвучавшее в 1987 г. в Докладе «Наше общее будущее» (Наше общее, 1987). Данное определение предоставляет возможность для широкой трактовки и порождает неопределенность с объектом и предметом

исследования. Кроме того, несмотря на общую тематику, структура статей по устойчивому развитию имеет ряд серьезных различий. В зависимости от цели исследования фокус статей смещается с эколого-биологических вопросов к социально-экономической проблематике. Если в первом случае под устойчивым развитием понимается поддерживаемая продуктивность биологических ресурсов и разнообразие видов в эксплуатируемых экосистемах, то во втором – социально-экономическое развитие, не подвергающее угрозе истощения имеющихся ресурсов для будущих поколений (Розенберг, Черникова, 2000, с. 131–154).

В целом авторы сходятся во мнении, что в настоящее время понятие устойчивости не определено, в частности, когда речь идет о социальных и культурных аспектах развития (Ричерри, 2015, с. 26). Тем не менее, в научном и политическом дискурсе сложилась определенная договоренность: различать рост как преимущественно количественные изменения, а развитие – как изменения качественные (Вебер, 2003, с. 38). В содержании термина выделены два императива: экологической устойчивости и императив социально-экономической устойчивости (Цапиева, 2010, с. 307).

Учитывая концептуальные трудности определения устойчивого развития, недостаточную теоретическую разработанность темы, неудивительно, что большинство статей (88) из числа наиболее цитируемых являются теоретическими. Вполовину меньше число статей, в основе которых лежат не столько теоретические предпосылки, сколько эмпирические исследования (44). Интерес к эмпирическим исследованиям несколько выше в демографическом направлении, в свою очередь, теоретических работ больше по направлению «Социология». В то же время работ, характерных для социологии в рамках монографических исследований, когда теория «рождается» на основе критики уже имеющихся теорий, мы и вовсе не обнаружили. Иными словами, социологи не спешат проводить исследования по данной тематике, не разобравшись с ее теоретико-методологическими основаниями. Однако нам показалась интересной работа, проведенная в

рамках мониторингового исследования «Как живешь, Россия?», где предпринята попытка анализа динамики степени обеспечения государством норм жизни демократического общества в нашей стране на примере Тюменской области (Хайруллина, 2014, с. 74–80).

В настоящее время наиболее значимые вопросы, поднимаемые в теоретических работах, – это сопоставление политики глобализации и принципов устойчивого развития. Авторы отмечают, что современный мир не терпит долгосрочных перспектив, случайные краткосрочные взаимоотношения более эффективны, нежели долгосрочные обязательства (Bauman, 2002; Bianchi, 2010; Sennett, 1999). Глобальная элита, глобальные игроки на рынке, собирающиеся извлечь выгоду, сегодня не имеют ограничений, они не связаны и не ограничены такими вещами, как политика национальных государств, соглашения с профсоюзами и др. В любое время они могут перенести свою деятельность и выстраивать свой бизнес в разных точках мира (Ричерри, 2015, с. 24). Отсюда проблемы нестабильной занятости, социальной незащищенности, социального неравенства, бедности и нищеты, а значит и не устойчивого развития.

А. Вебер отмечает, что принцип устойчивого развития, получивший поддержку Организации Объединенных Наций и положенный в основу рамочной программы к действию на длительную перспективу в Рио-де-Жанейро в 1992 г., действительно способствовал усилению внимания властей и, отчасти, бизнеса к экологическим проблемам, формированию основ международного экологического права, стимулировав рост экологических движений. Однако уже спустя десять лет правительства промышленно развитых стран отошли от принятых обязательств. Перспективы нового подхода к политике развития вступили в противоречие с соблазнами глобализации и увлечением неолиберальными идеями (Вебер, 2003, с. 38).

Описывая противоречия глобализации, наибольший интерес вызывают работы относительно ситуации непосредственно в самой России, пережившей длительный кризисный период 1990-х гг. и мировой экономической кризис 2008 г. В качестве примера пред-

лагаем рассмотреть две статьи: О.К. Цапиевой «Устойчивое развитие региона: теоретические основы и модель» и Н.П. Тарасовой и Е.Б. Кручиной «Индексы и индикаторы развития».

Содержание первой статьи – удачный пример сравнительного анализа существующих понятий «устойчивое развитие» и «устойчивость». Помимо описания понимания и сущности устойчивого развития предлагается шкала для оценки устойчивого развития региона: абсолютное разрушение системы, состояние кризиса системы, состояние неустойчивого развития, состояние гиперустойчивости, состояние глобальной устойчивости, состояние приближенно устойчивого развития и состояние устойчивого развития.

Авторы второй статьи скрупулезно анализируют существующие в мире системы показателей и проводят сравнительный анализ устойчивого развития стран постсоветского пространства. Значимость работ, направленных на формирование системы показателей, способных определить место России в глобальном пространстве, безусловна, но такие работы пока единичны.

Стоит отметить, что значительная часть статей (69) направлена на изучение развития субъектов федерации. В целом исследователи используют эту концепцию для различных целей и в различных ситуациях, откуда возникает множество предлагаемых определений. Под устойчивым развитием может пониматься сбалансированное, безопасное и эффективное развитие, обеспечивающее достижение намеченных целей и приоритетов социального, экологического и экономического характера. Устойчивость рассматривается, как способность региона к выживанию и развитию (Цапиева, 2010, с. 309).

В работе М.О. Подпругина устойчивость регионального развития связана со способностью региона обеспечивать повышение качества жизни населения в пределах порога безопасности или выше него при колебаниях внешних и внутренних воздействий (общественно-политического, социально-экономического, техногенного, природно-климатического и другого характера), грозящих падением качества жизни населения (Подпругин, 2012, с. 214–221). При анализе ус-

тойчивого развития в качестве значимых для устойчивого развития выступает ряд демографических показателей: миграционный и естественный прирост населения, его возрастная структура (Катровский, 2004, с. 65–71).

В экономических работах интерпретация устойчивого развития как стабильного и постоянного роста является ключевой (Глазьев, Фетисов, 2013, с. 23–35). Она применяется на практике в изучении перспектив развития не только регионов, но и повышения эффективности предприятий. В силу специфики объекта исследования в большинстве работ речь идет, прежде всего, об экономической и финансовой устойчивости. Примером может служить работа, посвященная оценке устойчивости предприятия химического комплекса, где для анализа перспектив и жизнеспособности организации используются финансовые и экономические показатели (Грызунова, 2015, с. 34–39). Формирование системы показателей встречается и в других работах (Шеремет, 2014, с. 2–10). Примечательно, что даже при рассмотрении устойчивого развития с точки зрения долгосрочного и безопасного проекта акцент сделан на эффективности производства: как последовательного наращивания возможностей улучшения, обеспечивающего в каждом отрезке времени более высокие количественные и качественные показатели в сравнении с предшествующим периодом. В качестве российской специфики в изучении устойчивого развития можно выделить оценку в способности адаптации предприятий к условиям постоянно меняющейся внешней среды. Предприятие в таких случаях рассматривается как обособленная система, продолжающая существование и развитие в своем конкретном окружении (Коряков, 2012, с. 110–114).

Социологические исследования затрагивают тематику устойчивого развития в контексте качества жизни населения, в условиях изменяющегося общества. В данном направлении устойчивость рассматривается через изучение различных социальных процессов, таких как глобализация, усугубление проблем социального неравенства, развитие гражданского общества (Хайруллина, 2014, с. 74–80), и

их влияния на общественное развитие. Для социологического направления устойчивое развитие выступает как процесс, представляющий собой безопасное развитие общества, целью которого является повышение качества жизни как настоящих, так и будущих поколений.

Для ученых, чьи работы попали в направление «Демография», характерна концентрация внимания на перспективах и особенностях устойчивого развития различных территорий с точки зрения демографических процессов. Поэтому авторы, опираясь на анализ официальных источников данных, обращают внимание на постарение населения, миграционный отток, низкий уровень рождаемости, высокий уровень смертности (Фаузер, Лыткина, Смирнов и др., 2017, с. 268–277). В редких случаях устойчивое развитие рассматривается через решение социально-экономических проблем (Фаузер, Лыткина, Фаузер Г.Н., 2017, с. 229–234), а иногда используется как синоним инновационного развития (Сагайдачная, Дуцкий, 2010, с. 102–108). При этом основной фокус работ данного направления приходится на количественные составляющие демографической устойчивости, выступающей для исследователей в качестве одной из основ развития региона, поскольку выполнение поставленных экономических задач не представляется возможным без решения имеющихся демографических проблем. Таким образом, для демографического направления можно обозначить понимание устойчивого развития как процесса, обеспечивающего непрерывное воспроизводство качественных и количественных характеристик населения в соответствующих социально-экономических условиях.

Несмотря на сложносоставную природу устойчивого развития, в большинстве случаев внимание концентрируется лишь на одном из его аспектов – экономическом. Работы по экономике практически не затрагивают иных аспектов устойчивого развития, кроме как экономических перспектив роста. Социальные вопросы затрагиваются учеными в гораздо меньше степени (29 работ). Напомним, что речь идет о наиболее цитируемых работах. Это вовсе не означает, что

среди работ экономистов нет публикаций, где бы одновременно рассматривались и экономические, и социальные, и экологические аспекты устойчивого развития. В качестве примера можно привести доклад ученых Кольского научного центра РАН, посвященный социально-экономическому развитию Севера и Арктики России, к нашему сожалению, не вошедший в число отобранных работ по причине невысоких показателей цитируемости (Север и Арктика, 2016).

Вопросы экологии затронуты еще меньше (15 работ). Данная группа работ включает статьи, рассматривающие такие вопросы, как значение экологической составляющей для устойчивого развития общества, а также тенденции в области охраны природных ресурсов. Это могут быть работы, рассматривающие перспективы перехода к «зеленой экономике» для государства и бизнеса или статьи, оценивающие последствия урбанизации для городских территорий. Сравнительно небольшое количество отчасти объясняется наличием междисциплинарных дисциплин, таких, например, как экологическая социология (Стегний, 1999, с. 128–134).

Проведенный контент-анализ в области исследований устойчивого развития в отечественных гуманитарных науках позволил сделать следующие выводы.

Во-первых, тема, «вызревшая» в результате обсуждений проблем окружающей среды, привлекает к себе внимание ученых различных дисциплин, однако лидерство в изучении принадлежит экономистам, косвенно повлиявшим на распространение либеральных ценностей и формирование существующего рынка, в свою очередь, определившим дисбаланс в триаде: экономика, экология и общество. В работах направления «Экономика» главным образом присутствует интерпретация устойчивого развития как стабильного экономического роста, что обусловлено историей становления самой науки. Социологи в свою очередь сосредоточили внимание на противоречиях, вызванных глобализацией и перспективами устойчивого развития. Для них важен также аспект развития личности, увеличение предоставляемых обществом прав и свобод, решение проблем бед-

ности и социального неравенства, повышение качества и уровня жизни. Для демографов в оценке устойчивого развития важен аспект воспроизводства населения конкретной территории, группы территорий или страны в целом.

Во-вторых, анализ теоретических работ показал, что в настоящее время идет поиск теоретических подходов и теоретико-методологических основ для проведения исследований устойчивого развития. Существование многообразия подходов в настоящее время говорит о сложности/многоаспектности поднятой проблемы и необходимости структурной переработки аналитического материала.

В-третьих, наблюдается небольшое количество сравнительных исследований по регионам России и России в сравнении с другими странами глобального мира. Объяснить это можно тем, что до последнего времени не было единой методики и набора показателей для проведения сравнительных исследований.

Глава 2.

СИСТЕМА ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОЦЕНКИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

2.1. Подходы к определению показателей устойчивого развития

Повестка дня в области устойчивого развития предлагает широкий спектр индикаторов, с помощью которых оценивается успех в достижении Целей в области устойчивого развития. Рассматривая их вместе и объединяя в различные группы, можно составлять большое количество различных составных индексов. При этом нельзя сказать, что существует единый индикатор, взглянув на который все придут к согласию относительно того, развивается ли человечество устойчиво или нет. Это связано с тем, что само понятие устойчивого развития крайне широко и неоднородно.

Устойчивое развитие – это красивая идея, которая может вдохновлять. Ей, безусловно, не хватает конкретики. Конечно, было бы более удобно иметь менее абстрактную идею и точный показатель, один взгляд на который позволил бы ответить на вопрос, устойчиво ли развивается страна или человечество в целом. Однако такой идеи пока нет, а концепция устойчивого развития в своем текущем виде во многом является отражением сложности общества в целом – динамику его развития становится все сложнее перевести в сухие цифры.

Цели в области устойчивого развития во многом даже более амбициозные, чем Цели развития тысячелетия. Но и возможностей для их достижения у человечества сейчас гораздо больше. Важно понимать, что Цели в области устойчивого развития не относятся к разряду плановых показателей, существование которых оправдано только их выполнением. Стоит, скорее, воспринимать их как ориентиры, к которым стоит стремиться (Макаров, 2017).

Понятие «устойчивого развития», получившее свое классическое определение уже более трех десятилетий назад, и поныне вызывает ожесточенные споры, как в теоретическом, так и прикладном аспекте. В первую очередь это связано с трудностью перехода от понятия к конкретным параметрам и критериям. Действительно, «обеспечение необходимого уровня жизни сегодняшних поколений» весьма затруднительно уже в том плане, что сам этот уровень отличается в передовых и отсталых странах в десятки раз и этот разрыв в последние десятилетия практически не меняется. Возникает проблема определения критериев уровня жизни в глобальном масштабе, которые были бы приняты мировым сообществом к долгосрочной реализации.

Аналогичные проблемы возникают в рамках национальных социально-экономических систем, где различия в уровне жизни в отдельных территориальных образованиях весьма велики и сглаживание их представляет собой достаточно болезненный процесс. Основным индикатором неустойчивости северных систем стал массовый отток населения (Селин, 2011, с. 21).

В «Повестке дня на XXI век» всем странам и международным организациям было рекомендовано разработать концепцию показателей устойчивого развития. В 40 главе этого документа отмечено, что в целях создания надежной основы для процесса принятия решений на всех уровнях и содействия обеспечению саморегулируемой устойчивости комплексных экологических систем и систем развития необходимо разработать показатели устойчивого развития. А координация работ по широкому использованию ПУР должна осуществляться под

руководством Статистического управления Секретариата ООН, поскольку в этом Управлении происходит накопление нового опыта в данной области (Доклад Конференции, 1993, с. 504–505).

Первый набор показателей для целей устойчивого развития был рекомендован Комиссией ООН по устойчивому развитию (КУР) в 1993 г. и включал 132 показателя (Indicators of Sustainable, 1994). Впервые он был опубликован в 1995 г. Впоследствии этот набор был пересмотрен в 2001 и 2006 гг. Набор, предложенный Комиссией ООН по устойчивому развитию, не является обязательным и не основан на одной статистической базе данных. Он призван предоставить общую отправную точку для разработки национальных наборов ПУР (Рекомендации Конференции, 2014, с. 14, 133).

Контроль за достижением целей устойчивого развития, управление этим процессом, оценка эффективности используемых средств и уровня достижения поставленных целей требуют разработки соответствующих критериев и показателей – индикаторов устойчивого развития.

В мире активно идет разработка критериев и индикаторов устойчивого развития. Этим занимаются ведущие международные организации: ООН, Всемирный Банк, Организация стран экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Европейская комиссия, Научный комитет по проблемам окружающей среды (SCOPE) и др. Эта проблема рассматривается на различных международных конференциях и семинарах.

В мировой практике можно встретить различные критерии по оценке устойчивого развития, наиболее часто: индикаторы и индексы. Под индикатором понимается показатель (выводимый из первичных данных, которые обычно нельзя использовать для интерпретации изменений), позволяющий судить о состоянии или изменении экономической, социальной или экологической переменной, т.е.:

- 1) Индикаторы используются для обоснования принимаемого решения посредством количественной оценки и упрощения.
- 2) Индикаторы помогают интерпретировать изменения.

3) Использование индикаторов позволяет выявлять недостатки в природопользовании.

4) Индикаторы позволяют облегчить доступ к информации для разных категорий пользователей.

5) Индикаторы облегчают обмен научно-технической информацией.

Наряду с индикаторами разрабатываются и применяются на практике индексы. Индекс – это агрегированный или взвешенный индикатор, основанный на нескольких других индикаторах или данных. Использование индексов приемлемо там, где хорошо понятны причинно-следственные связи (Тарасова, Кручина, 2006, с. 127–128).

Мировой опыт в области разработки ПУР показал, что существуют два подхода к их построению.

Первый подход основан на построении системы показателей, каждый из которых отражает отдельные аспекты устойчивого развития. Чаще всего в рамках общей системы выделяются следующие подсистемы показателей: экологические, экономические, социальные, институциональные. Важным критерием для выбора показателей устойчивого развития является их соответствие стандартам качества официальных статистических данных (Рекомендации Конференции, 2014, с. xv, 12, 15).

Второй подход связан с построением интегрального, агрегированного индикатора, на основе которого можно судить о степени устойчивости социально-экономического развития. Агрегирование обычно осуществляется на основе трех групп показателей: эколого-экономических, эколого-социально-экономических, экологических (Тарасова, Кручина, 2006, с. 128). Кроме показателей, для оценки устойчивого развития применяются сателлитные счета (инструмент дополнительного анализа отдельных важных аспектов экономического и социального развития общества на основе подхода системы национальных счетов).

Комплексные показатели. Опираясь на результаты работы, начатой в 1960-х и 1970-х гг., рядом экономистов в 1990-х гг. были

предложены комплексные показатели, такие как индекс устойчивого экономического благосостояния (Cobb, 1989), подлинный индикатор прогресса (Cobb, Halstead, Rowe, 1995), индекс экономического благосостояния (Osberg, Sharpe, 2002), истинные сбережения (Pearce, Atkinson, 1993), показатель устойчивых чистых выгод (Lawn, Sanders, 1999).

В этот период появился ряд других комплексных показателей. Наибольшее применение получил индекс развития человека (ИРЧ), который ежегодно публикуется Программой развития ООН (ПРООН) и рассчитывается как средневзвешенное значение показателей, характеризующих экономику, образование и здоровье. Другой важный показатель – это экологический след (Ecological Footprint), который характеризует площадь биологически продуктивной территории и акватории, необходимой для производства используемых людьми ресурсов и поглощения отходов (Rees, Wackernagel, 1994). Примерами комплексных показателей являются Индекс счастливой планеты (Международный индекс счастья), индекс устойчивости общества и индекс «живой планеты» (LPI). В настоящее время в мире в качестве более «устойчивых» индикаторов широко используются индекс развития человеческого потенциала ООН (Human Development Index) и Индекс скорректированных чистых накоплений Всемирного Банка (Adjusted Net Savings).

Субъективные показатели. Существуют показатели, которые приобрели известность в 1990-е и 2000-е гг. Они основаны на измерении субъективного благополучия людей. Эти показатели рассчитываются на основе оценок удовлетворенности самих людей своей жизнью или оценок их чувств по поводу недавних эпизодов своей жизни (Kahneman, Krueger, 2006). Хотя такие субъективные оценки обсуждались экономистами с начала 1970-х гг. (Easterlin, 1974), в последнее десятилетие эта область получила значительный импульс к развитию (Anielski, 2007; Layard, 2011).

С середины 1990-х гг. все большее число национальных статистических служб и международных организаций стали использо-

вать свои наборы показателей для оценки устойчивого развития. При таком подходе многомерный характер устойчивого развития не сводится к одной оценке, а представлен широким спектром показателей, которые предоставляют информацию по различным аспектам устойчивого развития.

Согласно рекомендациям Конференции европейских статистиков (КЕС), система измерения может быть основана на концептуальном мышлении, научной литературе и теоретических представлениях об «устойчивости», «развитии», сохранении устойчивости объекта и пр. Набор ПУР также может быть предназначен для оценки тех областей, которые считаются наиболее важными для лиц, занимающихся выработкой политики, и других заинтересованных сторон.

В рамках нашего исследования научный и практический интерес состоит в выявлении, как в мировых системах ПУР представлены демографические и трудовые факторы/показатели, насколько значимы и насколько полно они охватывают трудовую сферу и воспроизводство населения. В большинстве мировых систем показателей устойчивого развития демографические и трудовые факторы обычно рассматриваются в социальном блоке, либо в рамках отдельных исследований социальной устойчивости, т.е. исследований, акцент в которых делается на социальных, а не экономических и экологических составляющих устойчивого развития. Различные теоретические подходы к социальной устойчивости выдвигают на первый план разные индикаторы (Widok, 2009, с. 46). Так, теории справедливости нацелены на измерение различных видов неравенства: территориального, отраслевого, гендерного, между поколениями и др. Сторонники капитального подхода измеряют показатели человеческого, трудового и социального капитала: качественные характеристики населения, инвестиции в знания, навыки и здоровье, меры сплоченности общества. Приверженцы институциональной теории применяют индикаторы функционирования социальных институтов. Исследователи корпоративных отношений используют показатели социальной ответственности бизнеса.

Разработка национальных и мировых систем показателей устойчивого развития в области демографии и трудовых процессов прошла несколько этапов/периодов. Хронологически это выглядит примерно так.

1). Для реализации «Повестки дня на XXI век» был разработан первый набор показателей устойчивого развития (1993). В нем все показатели разбиты на три категории с учетом их целевой направленности:

- показатели – движущая сила, – характеризующие человеческую деятельность, процессы и характеристики, которые влияют на устойчивое развитие;
- показатели состояния, характеризующие текущее состояние различных аспектов устойчивого развития;
- показатели реагирования, позволяющие осуществлять политический или какой-либо другой способ реагирования для изменения текущего состояния.

В первом наборе показателей в группе социальных присутствуют *демографические показатели*: темп роста населения (%); темпы миграции населения (чел./год); плотность населения (чел./км.кв.); рост рождаемости; детская смертность на 1000 родившихся живыми; ожидаемая средняя продолжительность жизни при рождении (ОПЖ); материнская смертность при родах на 1000 роженниц; доля населения, охваченного первичной медицинской помощью (%). К числу пограничных с демографическими ПУР можно отнести следующие: число девочек на 100 мальчиков в средней школе; число женщин в детородном возрасте, имеющих доступ к обсуждению проблем планирования семьи.

В группе социальных показателей блока «борьба с бедностью» представлены *трудовые показатели*: темп роста занятости (%); соотношение средних зарплат женщин и мужчин; население, проживающее в абсолютной бедности (%) и соотношение по доходам наиболее богатых и бедных. В других блоках можно отметить индикаторы, связанные с трудом: число женщин на 100 мужчин среди работаю-

щих; соотношение оплаты жилья и дохода; доля населения, не обеспеченная должным уровнем питания (%) (Hasan, с. 9–15).

2). В 2007 г. ООН публикует доклад «Индикаторы устойчивого развития: направления и методология», в котором выделяются два блока с набором *демографических показателей*.

Блок здоровье включает: коэффициент смертности детей в возрасте до пяти лет, ожидаемую среднюю продолжительность жизни при рождении и ожидаемую среднюю продолжительность здоровой жизни, смертность от самоубийств, заболеваемость такими болезнями, как ВИЧ/СПИД, малярия, туберкулез.

Блок демография: коэффициент прироста населения, коэффициент демографической нагрузки и суммарный коэффициент рождаемости. К числу демографических показателей можно отнести и число преднамеренных убийств на 100 тыс. человек населения из блока государственное управление.

Трудовые показатели содержатся в докладе в блоках бедность и занятость. Блок бедность включает: долю населения, живущую за национальной чертой бедности; долю населения, живущую менее чем на 1 доллар США в день; отношение доли самого высокого квинтиля к самому низкому в национальном доходе. Блок занятость: доля занятых в общей численности населения; уязвимая занятость; производительность труда и удельные затраты на рабочую силу; доля женщин, занимающихся оплачиваемым трудом в несельскохозяйственном секторе (Indicators of Sustainable, 2007).

3). С 2008 г. действует официальный перечень показателей целей в области развития, сформулированных в «Декларации тысячелетия». Среди показателей для мониторинга и прогресса присутствуют *демографические*: коэффициент смертности детей в возрасте до пяти лет, коэффициент младенческой смертности, показатель материнской смертности, коэффициент рождаемости среди подростков, уровни заболеваемости малярией и смертности от нее, уровни заболеваемости туберкулезом, его распространенности и смертности от него.

Трудовые показатели перечня включают: рост внутреннего валового продукта (ВВП) на одного работающего; доля занятых в общей численности населения; доля занятых, живущих менее чем на 1.25 доллар США по паритету покупательной способности (ППС) в день; доля занятых индивидуальной трудовой деятельностью и неоплачиваемых работников, занятых в домашнем хозяйстве, в общем числе занятых. Связаны с рынком труда и показатели ликвидации нищеты: доля населения с доходом по паритету покупательной способности менее 1.25 доллара США в день; коэффициент нищеты (доля неимущего населения и степень нищеты); доля беднейшего 20% населения в структуре потребления. Кроме того, к трудовым могут быть отнесены показатели гендерного равенства: доля женщин, занимающихся оплачиваемым трудом в несельскохозяйственном секторе; доля женщин среди депутатов национального парламента (Официальный перечень, 2008).

4). В последние годы существенный вклад в разработку показателей устойчивого развития внесла КЕС. На ней были предложены три набора ПУР: большой набор на основе концептуальной классификации (60 показателей), большой набор на основе тематической классификации (90 показателей) и малый набор на основе тематической классификации (24 показателя) (Рекомендации Конференции, 2014, с. xv, 12, 13, 15, 77). Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) разработала систему из 131 показателя, с помощью которой оценивают позиции западных стран по достижению этих целей (Measuring Distance, 2017, с. 24–30). Существует множество других систем показателей, разработанных различными структурами.

Эксперты часто выделяют ключевые индикаторы целей устойчивого развития, один из них предложен в 2016 г. для определения индекса ЦУР (Preliminary Sustainable Development Goal (SDG) Index). Были выделены 38 показателей в качестве наиболее значимых и статистически обеспеченных в большинстве стран мира. На их основе рассчитан интегральный Индекс по 147-ми из 193-х странам – членам ООН. В число ключевых индикаторов ЦУР включены: числен-

ность бедных, уровень смертности, ожидаемая продолжительность жизни при рождении, урожайность зерновых, индикатор благополучия, уровень грамотности и др.; 147 стран ранжированы по индексу ЦУР. Первые пять мест заняли Швеция, Дания, Норвегия, Финляндия, Исландия, последние – Конго, Чад, Нигер, Гаити, Сьера-Леоне. Россия по этому индексу ЦУР заняла 57 место (Бобылев, Соловьев, 2017, с. 29–30).

На основе российской официальной статистики можно выделить ключевые индикаторы устойчивого развития России, отражающие экономические, социальные и экологические аспекты устойчивости. Их всего 14, в т.ч. ожидаемая продолжительность жизни (лет), численность безработных (% к предыдущему году), численность населения с доходом ниже прожиточного минимума (% к предыдущему году), но, конечно, этот список может быть существенно расширен и изменен в зависимости от целей и задач на средне- и долгосрочную перспективу, характера прогнозного документа. В данном случае важен методический подход. Индикаторы связываются с Целями, которых может быть несколько для конкретного показателя в зависимости от направленности Цели (Бобылев, Соловьев, 2017, с. 31).

Следующим шагом должна стать работа по дальнейшему развитию набора показателей, а также оценке/мониторингу достижения целей устойчивого развития. Разработкой показателей в помощь странам активно занимаются Комиссии ООН (Система глобальных, 2017; Ход достижения, 2017), дополняя мониторинг достижения целей устойчивого развития 2030 статистическими и картографическими приложениями (Welcome to the Sustainable, 2017).

Насыщенные и полезные ресурсы для исследователей и практиков по мониторингу показателей и оценке тенденций их выполнения появились на сайтах глобальных структур (World Development, 2017). Всемирный банк представил Атлас целей устойчивого развития, составленный по индикаторам мирового развития 2017 г. на статистических данных экономики и качества жизни 200 стран. Для каждой из 17 целей соответствующие показатели идентифици-

рованы и визуализированы картами и диаграммами. Атлас нацелен на то, чтобы отразить широту целей устойчивого развития и представить национальные и региональные тенденции и «снимки» прогресса в движении к их выполнению, выделяя и подчеркивая наиболее важные, по мнению экспертов Всемирного банка, проблемы.

Важным методическим моментом мониторинга продвижения к целям устойчивого развития является ежегодная оценка ОЭСР, направленная на измерение «расстояния» стран от значений показателей 2030 г. (Measuring Distance, 2017). Оценка позволяет сравнить свои позиции с уровнем других стран и средним по ОЭСР и выявить сильные и слабые места для корректировки планов развития, а также совершенствует статистику стран, гармонизирует общую статистику и улучшает инструментальный аппарат оценивания (Дмитриева, 2018, с. 166–168).

2.2. Участие России в разработке показателей устойчивого развития

Первым нормативно-правовым актом федерального уровня, содержащим показатели устойчивого развития России, стала Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию, принятая в 1996 г. (О концепции, 1996). В ней отмечается, что целевые ориентиры могут быть выражены в показателях, характеризующих качество жизни, уровень экономического развития и экологического благополучия. Эти показатели должны отражать те уровни, при которых обеспечивается безопасное развитие России в экономическом, социальном, экологическом, оборонном и других аспектах.

Там же выделены основные показатели качества жизни, среди которых присутствуют демографические и трудовые: продолжительность жизни человека (ожидаемая при рождении и фактическая), состояние его здоровья, отклонение состояния окружающей среды от нормативов, уровень знаний или образовательных навыков,

доход (измеряемый валовым внутренним продуктом на душу населения), уровень занятости, степень реализации прав человека.

Утвержденная в 2009 г. Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России также содержала демографические показатели. Так в ней отмечалось, что до 2015 г. необходимо увеличить такие показатели, как ожидаемая продолжительность жизни, суммарный коэффициент рождаемости, снизить смертность детей первого года жизни и т.д. (Концепция устойчивого, 2009).

В 2010 г. утверждена Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 г. В ней отмечены некоторые демографические показатели, на улучшение которых направлена концепция: численность сельского населения, ожидаемая продолжительность жизни, младенческая смертность, смертность в трудоспособном возрасте, заболеваемость, миграционный отток населения. Однако конкретные целевые значения в документе не приводятся (Концепция устойчивого, 2010).

Через пять лет в 2015 г. была принята «Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года». В приложении к этому документу представлены целевые значения демографических и трудовых показателей сельского населения в 2013–2030 гг.: численность населения, ожидаемая продолжительность жизни, миграционный отток, уровень занятости, отношение заработной платы в сельском хозяйстве к среднему значению по экономике страны, соотношение среднедушевых располагаемых ресурсов сельских и городских домохозяйств (Стратегия устойчивого, 2015).

Набор показателей устойчивого развития, предъявляемые к ним требования и критические значения в России разрабатывались не только на государственном уровне, но и на региональном, а также научными коллективами/отдельными исследователями.

Система индикаторов устойчивого развития для Томской обл. создана в 2003 г. Она включает три группы показателей: ключевые,

дополнительные и специфические. Первые две группы показателей могут использоваться для оценки устойчивости любого региона, а третья формируется с учетом особенностей конкретного региона. К числу изучаемых нами демографических и трудовых показателей относятся: индекс развития человеческого потенциала, уровень безработицы (общей, регистрируемой), доля работающих на малых предприятиях от экономически активного населения, реальные располагаемые денежные доходы населения, покупательная способность денежных доходов и заработной платы населения, уровень бедности, индекс концентрации доходов, средний возраст населения, естественный прирост населения, ожидаемая продолжительность жизни по полу, детская смертность, уровень общей заболеваемости, уровень заболеваемости злокачественными новообразованиями (Индикаторы устойчивого, 2007, с. 39–40).

Группой ученых из Кольского научного центра РАН разработана система показателей социальной устойчивости регионов российского Севера и Арктики (Рябова, Торопушина, Корчак и др., 2016). Для оценки уровня социальной устойчивости отобрано 25 показателей, представленных в пяти блоках. Блок «демографическое развитие» содержит демографические показатели: ожидаемая средняя продолжительность жизни при рождении, суммарный коэффициент рождаемости, условный коэффициент внешней миграции (отношение прибывшего в i -тый регион населения за вычетом прибывших внутри i -ого региона к выбывшим из i -ого региона за вычетом выбывших внутри i -ого региона). Блок «Уровень здоровья и образования населения» включает: заболеваемость населения, смертность населения в трудоспособном возрасте без учета смертности от внешних причин, младенческую смертность. Наконец, блок «Уровень жизни населения» включает трудовые показатели: уровень безработицы по методологии Международной организации труда; соотношение среднемесячной заработной платы и прожиточного минимума трудоспособного населения, уровень бедности, коэффициент фондов, долю расходов на покуп-

ку продуктов питания в структуре потребительских расходов домохозяйств.

При изучении проблемы устойчивости территориальных хозяйственных комплексов регионов, в частности регионов Севера России, важны разработка методических подходов и выбор системы показателей, на основе которых можно и целесообразно давать характеристику о том, насколько долговременны и устойчивы ее социально-экономические последствия, насколько эффективны ее конечные результаты. Однако для этого необходимы активные меры государственного регулирования как на федеральном, так и на региональном уровнях. Результаты такого регулирования могут быть измерены с определенной степенью точности набором показателей для региональных федеральных образований (прямые государственные и внешние инвестиции, создание дополнительных рабочих мест, реструктуризация производства и развитие малого предпринимательства, рост валового регионального продукта, платежный баланс, стратегические проработки социально-экономического роста и развитие хозяйства регионов и др.).

Анализируя проблему устойчивости экономического роста территориальных хозяйственных систем, необходимо выделить, как минимум, три ее различных аспекта. Во-первых, необходима разработка системы показателей, характеризующих устойчивость социально-экономических преобразований, так как один показатель, даже такой всеобъемлющий как валовой внутренний продукт (ВВП), или на уровне регионов – валовой региональный продукт (ВРП), вряд ли способен охарактеризовать столь сложное понятие, как устойчивость экономического роста, поэтому для этого необходимо использовать группу разнородных показателей – систему, включающую несколько групп показателей, характеризующих основные стороны понятия устойчивости. Во-вторых, необходимо рассматривать эти показатели в динамике и на достаточно продолжительном временном периоде. В-третьих, при анализе устойчивости социально-экономических преобразований следует разработать критерии, позволяющие определить

пороговые, критические значения различных показателей, характеризующие понятие устойчивости экономического роста. К таким на региональном уровне экономической и социальной политики в сфере производства предложены 10 показателей: валовой региональный продукт, темпы его роста на душу населения и доля, производимая на государственных предприятиях, индекс физического объема промышленной продукции (в сопоставимых ценах), рост экспортного потенциала, коэффициент валютного покрытия, степень износа основных производственных фондов, удельный вес убыточных предприятий, уровень безработицы и др.

В социальной сфере предлагается использование 12 показателей, таких как доля оплаты труда в ВРП региона, уровень прожиточного минимума, соотношение среднемесячной заработной платы и прожиточного минимума, численность населения с доходом ниже прожиточного минимума, динамика сбережений населения, соотношение расходов на социальные программы и ВРП, удельный вес безработных и число безработных на одно вакантное место, динамика численности населения, активной и занятой его части и др. (Истомин, Павлов, Селин, 2008, с. 10–11).

В одной из работ Е.С. Кононова предложила набор показателей устойчивого развития для северных территорий, в который вошли демографические и трудовые показатели: прирост доли работающих вахтовым методом в общей структуре занятых, динамика численности постоянного населения (без учета коренных малочисленных народов), прирост численности коренных малочисленных народов (Кононова, 2016).

Разработаны/предложены определенные требования к системе показателей устойчивого развития. Например, Л. Гуриева и Х. Боссель предложили следующие критерии:

- число показателей должно быть достаточным, однако, по возможности, ограниченным;
- все показатели должны иметь прозрачную природу;
- показатели должны быть взаимоисключаемыми;

- показатели должны быть взаимодополняемыми;
- при выборе показателей требуется системный подход, принимающий в расчет взаимодействие подсистем;
- сбор данных не должен быть связан с необходимостью организации сложных, дорогостоящих и трудоемких работ (Гуриева, 2007; Показатели устойчивого, 2001).

Н.А. Флуд считает, что индикаторы устойчивого развития должны удовлетворять следующим основным требованиям:

- комплексно отражать экономические, социальные и экологические аспекты развития;
- опираться на имеющуюся информационную базу официальной статистики;
- иметь количественное выражение, достаточно простую и однозначную интерпретацию;
- быть сопоставимыми в международном плане и в динамике.

Ни один из отдельно взятых индикаторов не дает ответа на вопрос об устойчивости или неустойчивости развития. Интерпретация индикаторов возможна лишь при рассмотрении их в комплексе, во временном или пространственном сопоставлении. Кроме того, использование системы показателей всегда сопряжено с проблемой приоритетности отдельных показателей. Многовариантность решения этого вопроса приводит к неоднозначным выводам о степени устойчивости, поскольку отдельные индикаторы могут демонстрировать разнонаправленные (противоположные) тенденции, не говоря уже о разных темпах изменения показателей.

Таким образом, рассмотрение любого отдельно взятого индикатора должно сопровождаться содержательной интерпретацией с учетом конкретных обстоятельств, места и времени.

Отметим, что любая система индикаторов устойчивого развития всегда должна рассматриваться как открытая, развивающаяся система, корректирующаяся при изменении условий и тенденций развития, в зависимости от приоритетности тех или иных проблем (Флуд, 2006, с. 21).

Конференция европейских статистиков при выборе показателей использовала три критерия:

1. *Идеальный показатель*. Концептуальный подход является самым важным критерием, применяемым для выбора показателей: этот подход говорит о том, какие показатели являются «идеальными», т.е. наилучшим образом подходят для измеряемых явлений.

2. *Общность*. Вторым критерием отбора служит распространенность различных показателей в существующих наборах ПУР.

3. *Наличие данных*. Третьим критерием является наличие данных в международных базах данных ООН, ОЭСР и Евростата (Рекомендации конференции, 2014, с. 77).

При наличии значительного количества индикаторов, необходимых для мониторинга ЦУР, эксперты часто выделяют ключевые индикаторы и индикаторы следующего этапа, отражающие особенности отдельных стран и групп стран и представляющие варианты для выбора. Ключевые индикаторы должны быть: универсальными, применимыми и в развитых, и в развивающихся странах; надежными и доступными по времени сбора и обработки (годовой период); дезагрегированными по территории, доходу, возрасту, полу и другим признакам для обеспечения наблюдений в динамике (Бобылев, Соловьев, 2017, с. 29).

2.3. Критерии и пороговые значения показателей устойчивого развития

Обобщая накопленный опыт, авторы настоящей работы сформулировали свои критерии к показателям оценки устойчивого развития (Фаузер, Смирнов, Лыткина и др., 2018). Их применение позволит проводить сравнительные исследования на межгосударственном и внутристрановом уровне:

1. *Соответствие целям устойчивого развития*. Каждая группа показателей должна отражать все наиболее существенные аспекты

демографического и трудового развития страны или отдельных территорий и быть связанной с устойчивым развитием. Демографические показатели должны характеризовать как естественное, так и миграционное движение населения, а также состав населения с точки зрения диспропорций, которые могут привести к снижению УР.

2. *Неизбыточность.* Набор демографических и трудовых показателей должен соответствовать методологическому принципу У. Оккама: «не следует вводить новые сущности без крайней на то необходимости». Показатели не должны дублировать смысловую нагрузку друг друга, характеризовать одни процессы.

3. *Доступность данных.* Достоверные значения всех статистических показателей или результатов социологических исследований, необходимых для определения значений показателей, должны быть доступны.

4. *Учет международного и российского опыта.* Для обеспечения сопоставимости с результатами международных исследований необходимо применять те показатели, которые уже успешно используются крупными международными организациями, исследующими УР.

Также необходимо подчеркнуть, что важным критерием для выбора показателей УР является их соответствие стандартам качества официальных статистических данных, предоставляемых национальными статистическими службами.

Помимо целевых значений показателей в анализе устойчивости регионов Арктики и Севера могут использоваться предельно критические значения (Гайнанов, Кириллова, Кузнецова, 2013). Предельно критическим следует считать такое значение показателя, выход за границы которого свидетельствует о возникновении угрозы функционированию экономики и жизнедеятельности общества вследствие нарушения нормального течения отражаемых этим показателем процессов. Демографические показатели относятся к числу немногих, имеющих объективно точные пороговые значения, за пределами которых общество переходит в режим суженного воспроизводства, что влечет за собой его ослабление вплоть до вымирания или

поглощения другими общественными системами. К числу демографических показателей, для которых определены предельно критические значения, относятся: коэффициенты рождаемости, смертности и миграции, доля мигрантов, продолжительность жизни, условный коэффициент депопуляции, суммарный коэффициент рождаемости, коэффициент старения населения (доля лиц старше 65 лет), число суицидов. К оценкам, характеризующим воспроизводство человеческого потенциала, относятся и трудовые показатели с предельно критическими значениями: производительность труда и темпы ее роста, децильный коэффициент, коэффициент Джини, уровень бедности, доля бездомных, уровень безработицы, соотношение среднедушевых денежных доходов населения и величины прожиточного минимума. Далеко не все показатели состояния общества имеют столь объективно точные предельно критические значения: последние могут в существенной степени зависеть от состояния общественного сознания, исторических условий, традиций и ценностей и даже генетических особенностей представителей данного социума (Глазьев, Локосов, 2012, с. 24, 26–27).

В коллективной монографии «Социально-демографическая безопасность России» 2008 г. рассматриваются вопросы определения пороговых значений показателей социально-демографической безопасности. Приведено множество демографических и трудовых показателей. При определении их пороговых значений предлагается учитывать специфику региона, а именно: возрастной состав населения, долю женщин фертильного возраста в населении, естественный прирост населения, производственный потенциал, климатические условия, освоенность территорий, долю городского населения, обеспеченность населения легковыми автомобилями и положение по отношению к государствам СНГ и Китаю. В работе подробно описаны пороговые значения для каждой группы показателей (Социально-демографическая, 2008, с. 246–262, 795–817).

Большинство из предложенных показателей и их пороговых значений могут быть успешно применены для целей оценки устой-

чивого развития территорий. Все предложенные показатели разбиты на тематические блоки, всего их шесть. Два блока включают демографические показатели: 1 – «Блок воспроизводства населения» и 6 – «Блок показателей половозрастной и брачно-семейной структуры», в них приведено 24 демографических показателей (табл. 2.1).

Таблица 2.1

**Показатели воспроизводства населения,
половозрастной и брачносемейной структуры
для определения пороговых значений**

Синтетический индикативный показатель	Показатель
1. Блок воспроизводства населения	
1.1. Естественный прирост населения	1.1.1 Коэффициент естественного прироста населения в анализируемом периоде
	1.1.2. Средняя величина естественного прироста населения за последние 5 лет
	1.1.3. Средняя величина естественного прироста населения за последние 10 лет
1.2. Рождаемость населения	1.2.1. Общий коэффициент рождаемости населения в анализируемом периоде
	1.2.2. Средняя величина рождаемости за последние 5 лет
	1.2.3. Средняя величина рождаемости за последние 10 лет
	1.2.4. Коэффициент рождаемости у женщин фертильного возраста
	1.2.5. Чистый коэффициент воспроизводства населения (нетто-коэффициент воспроизводства)
	1.2.6. Число прерываний беременности (абортов) на 100 родов
1.3. Смертность населения	1.3.1. Изменение коэффициента смертности населения за последние 5 лет
	1.3.2. Изменение коэффициента смертности населения за последние 10 лет
	1.3.3. Коэффициент смертности населения моложе трудоспособного и трудоспособного возрастов в расчете на 1000 человек соответствующего возраста
1.4. Социальная защищенность материнства и младенчества	1.4.1. Отношение размера единовременного пособия при рождении ребенка к среднемесячной заработной плате
	1.4.2. Отношение размера минимального ежемесячного пособия на период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет к величине прожиточного минимума
6. Блок показателей половозрастной и брачносемейной структуры	
6.1. Возрастная структура населения	6.1.1. Доля лиц моложе трудоспособного возраста в общей численности населения
	6.1.2. Доля лиц в трудоспособном возрасте в общей численности населения

Синтетический индикативный показатель	Показатель
6.2. Возрастная структура женского населения	6.2.1. Доля женщин фертильного возраста в общей численности женского населения
	6.2.2. Доля женщин в возрасте 20–34 лет в общей численности женского населения
6.3. Демографическая нагрузка на трудоспособное население	6.3.1. Число лиц моложе трудоспособного возраста на 1000 человек трудоспособного возраста
	6.3.2. Число лиц старше трудоспособного возраста на 1000 человек трудоспособного возраста
6.4. Динамика изменения доли населения моложе трудоспособного возраста за последние 10 лет	
6.5. Коэффициент старения населения (доля лиц старше 65 лет в общей численности населения)	
6.6. Брачность-разводимость	6.6.1. Число браков на 1000 человек населения в возрасте 18–35 лет
	6.6.2. Показатель прочности заключенных браков

* – сохранена авторская нумерация по каждому блоку

Вторая группа показателей посвящена миграции населения – 5. «Блок миграционных потоков», в нем приведено 11 показателей. Сюда входят как широко используемые – «Общий коэффициент миграционного прироста населения», так и не часто применяемые в обычной практике, например – «Уровень преступности среди граждан из отдельных государств – участников СНГ» (табл. 2.2).

Третья группа показателей охватывает здоровье населения – 2. «Блок состояния здоровья населения». В этом блоке 20 показателей, раскрывающих разные аспекты здоровья: от распространенности основных социально-значимых заболеваний, здоровья детей до смертности в трудоспособном возрасте (табл. 2.3).

В четвертую группу показателей входят показатели уровня жизни, материальной обеспеченности и качества жизни. Она представлена двумя блоками: 3 – «Блок уровня жизни и материальной обеспеченности населения» и 4 – «Блок качества жизни». В третьем блоке представлены семь показателей, в четвертом – пятнадцать. В них присутствуют как широко известные показатели – «Отношение среднедушевого дохода к прожиточному минимуму», так и

редко используемые – «Распространенность среди населения психической патологии» и «Распространенность убийств и покушений на убийство» (табл. 2.4).

Таблица 2.2

**Показатели миграционных потоков
для определения пороговых значений**

Синтетический индикативный показатель	Показатель
5. Блок миграционных потоков	
5.1. Миграционный прирост населения	5.1.1. Общий коэффициент миграционного прироста населения
	5.1.2. Уровень миграционного притока населения из стран СНГ и Балтии
	5.1.3. Миграционный прирост населения за последние 5 лет
	5.1.4. Уровень миграционного притока населения из отдельных государств – участников СНГ за последние 5 лет
5.2. Постоянное проживание иностранных граждан и лиц без гражданства	5.2.1. Общая численность постоянно проживающих иностранных граждан и лиц без гражданства
	5.2.2. Численность постоянно проживающих иностранных граждан из государств – участников СНГ в расчете на 1000 человек населения
	5.2.3. Численность постоянно проживающих иностранных граждан из отдельных государств – участников СНГ в расчете на 1000 человек населения
5.3. Постоянное и временное проживание иностранных граждан и лиц без гражданства	5.3.1. Общее количество постоянно и временно проживающих иностранных граждан и лиц без гражданства в расчете на 1000 человек населения
	5.3.2. Количество постоянно и временно проживающих иностранных граждан и лиц без гражданства из государств – участников СНГ в расчете на 1000 человек населения
5.4. Уровень преступности с участием иностранных граждан и лиц без гражданства	5.4.1. Уровень преступности среди иностранных граждан и лиц без гражданства
	5.4.2. Уровень преступности среди граждан из отдельных государств – участников СНГ

**Показатели здоровья населения
для определения пороговых значений**

Синтетический индикативный показатель	Показатель
2. Блок состояния здоровья населения	
2.1. Заболеваемость и распространенность основных социально-значимых заболеваний	2.1.1. Заболеваемость населения наиболее опасными болезнями системы кровообращения
	2.1.2. Распространенность среди населения злокачественных новообразований
	2.1.3. Распространенность среди населения туберкулеза
	2.1.4. Распространенность среди населения ВИЧ-инфекции и СПИДа
	2.1.5. Распространенность среди населения вирусных гепатитов
	2.1.6. Распространенность алкоголизма, наркомании и токсикомании
2.2. Здоровье детей	2.2.1. Заболеваемость детей
	2.2.2. Детская и подростковая смертность
	2.2.3. Распространенность среди подростков алкоголизма, наркомании и токсикомании
	2.2.4. Детская инвалидность
2.3. Смертность в трудоспособном возрасте	2.3.1. Общий показатель смертности в трудоспособном возрасте
	2.3.2. Смертность в трудоспособном возрасте от болезней системы кровообращения
	2.3.3. Смертность в трудоспособном возрасте от злокачественных новообразований
	2.3.4. Смертность в трудоспособном возрасте от болезней органов дыхания
	2.3.5. Смертность в трудоспособном возрасте от болезней органов пищеварения
	2.3.6. Смертность в трудоспособном возрасте от туберкулеза
	2.3.7. Смертность в трудоспособном возрасте по причине ВИЧ-инфекции и СПИДа
2.4. Число инвалидов на 1000 человек населения	
2.5. Младенческая смертность и врожденная патология	2.5.1. Уровень младенческой смертности и мертворождаемости
	2.5.2. Доля детей первого года жизни с врожденными аномалиями

Таблица 2.4

**Показатели уровня жизни, материальной обеспеченности
и качества жизни для определения пороговых значений**

Синтетический индикативный показатель	Показатель
3. Блок уровня жизни и материальной обеспеченности населения	
3.1. Уровень денежных дохо- дов населения	3.1.1. Отношение среднедушевого дохода к прожиточному ми- нимуму
	3.1.2. Отношение среднего размера пенсии к прожиточному ми- нимуму пенсионеров
3.2. Отношение среднего уровня денежных доходов 10% самых высокодоходных слоев населения к уровню доходов 10% самых низкодоходных слоев населения (коэффициент фондов)	
3.3. Структура денежных дохо- дов населения	3.3.1. Доля расходов на покупку продуктов питания и алкоголь- ных напитков в денежных доходах населения
	3.3.2. Доля расходов населения на оплату жилищно- коммунальных услуг в среднедушевом денежном доходе
3.4. Уровень бед- ности населения	3.4.1. Доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума в общей численности населения
	3.4.2. Отношение минимального размера пенсии к прожиточно- му минимуму пенсионера
4. Блок качества жизни	
4.1. Смертность населения от не- естественных причин	4.1.1. Общий коэффициент смертности населения от внешних причин
	4.1.2. Общий коэффициент смертности населения от преднаме- ренных самоповреждений (самоубийств)
	4.1.3. Общий коэффициент смертности населения от случайного отравления (воздействия) алкоголем
	4.1.4. Общий коэффициент смертности населения от транспорт- ных несчастных случаев
4.2. Распространенность среди населения психической патологии	
4.3. Ожидаемая продолжитель- ность жизни при рождении	4.3.1. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении всего населения
	4.3.2. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении у мужчин
	4.3.3. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении у женщин
4.4. Уровень преступности	4.4.2. Распространенность убийств и покушений на убийство
4.5. Общий уровень безработицы	
4.6. Отношение числа занятых в экономике к общей численности населения	
4.7. Условия труда	4.7.1. Доля занятых во вредных условиях труда в общей числен- ности занятых в экономике
	4.7.2. Численность лиц с впервые установленным профессио- нальным заболеванием в расчете на 10000 работающих
	4.7.3. Уровень производственного травматизма
	4.7.4. Уровень производственного травматизма со смертельным исходом

2.4. Опыт России в разработке статистических данных для показателей устойчивого развития

Надо сказать, что Россия с самого начала активно участвовала в подготовке международных документов, связанных с целями устойчивого развития. Российские эксперты принимают участие в работе Межучережденческой группы экспертов по показателям достижения целей в области устойчивого развития (IAEG-SDGs), а также подгруппе по обмену и распространению данных в формате SDMX. Кроме того, российские эксперты участвуют в работе Руководящей группы Конференции европейских статистиков по вопросам статистики для ЦУР. В июне 2017 г. на своей 65-й пленарной сессии Конференция европейских статистиков одобрила Дорожную карту по разработке статистики для Целей устойчивого развития, подготовленную Руководящей группой.

Работа по оценке директивных документов Российской Федерации, принятых в период 2007–2016 гг., с точки зрения отражения в них целей и задач устойчивого развития, была организована в 2016 г. Межведомственной рабочей группой при Администрации Президента Российской Федерации по вопросам, связанным с изменением климата и обеспечением устойчивого развития, совместно с федеральными органами исполнительной власти.

После этого, по инициативе Росстата, Межведомственной рабочей группой был рассмотрен вопрос о состоянии подготовки статистических данных для мониторинга реализации ЦУР в Российской Федерации. В текущем году ведущая роль Росстата в организации и сборе индикаторов ЦУР была закреплена Распоряжением Правительством Российской Федерации 6 июня 2017 г. № 1170-р.

Итогом работы, проведенной Росстатом совместно с федеральными органами исполнительной власти (ФОИВ), стало включение в Федеральный план статистических работ подраздела по

мониторингу Целей устойчивого развития, в который уже сейчас вошли 90 показателей (О внесении изменений, 2017).

Вместе с тем необходимо отметить, что в России при достаточном количестве данных и индикаторов, отражающих динамику развития социальной и экономической составляющих устойчивого развития, до последнего времени ощущается дефицит данных и индикаторов по экологизации экономики, характеризующих динамику экологической составляющей устойчивого развития (Дмитриева, 2018, с. 165).

Показатели, вошедшие в Федеральный план статистических работ, в основном затронули социальный блок. В нем довольно полно представлена информация по таким направлениям как бедность и благополучие, достойная работа и экономический рост, здоровье и образование. Так же предстоит провести серьезную работу по таким направлениям как устойчивые города и населенные пункты, мир, правосудие и эффективные институты, ответственное потребление и производство. Еще один российский приоритет – национальный набор показателей устойчивого развития, в котором будут отражены национальные особенности и учтены задачи, определенные в стратегических документах Правительства РФ.

Опыт по реализации целей устойчивого развития нашел отражение и в выступлении советника Президента Российской Федерации, специального представителя Президента Российской Федерации по вопросам климата А.И. Бедрицкого (Выступление советника, 2017). Он в частности отметил, что в России базовым документом, определяющим политику в области устойчивого развития, по-прежнему остается Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию 1996 г. (О концепции перехода, 1996).

Россия исходит из того, что прогресс в достижении Целей устойчивого развития и обеспечение широкого охвата во многом зависит от качественных, доступных, своевременных и надежных данных. Основные проблемы, с которыми сталкивается наша страна в формировании национальной системы индикаторов устойчи-

вого развития по глобальным индикаторам, это пробелы в данных и методологии. Около трети индикаторов еще не обеспечены международными согласованными методологиями.

Анализ целей устойчивого развития, их задач и индикаторов, сопоставление с официальными статистическими показателями, применяемыми для оценки политических и стратегических документов в области экономического, социального и экологического развития, могли бы содействовать выработке предложений по сбалансированному сочетанию глобальных и страновых показателей для оценки целей устойчивого развития.

Разработанные на сегодняшний день индикаторы не претендуют на универсальность и не должны рассматриваться как окончательные или единственно возможные. Их доработка и развитие – предмет продолжающейся работы широкого круга специалистов, занимающихся проблемами устойчивого развития и его измерения (Флуд, 2006, с. 29).

Задача обеспечения устойчивости развития вовсе не направлена на оптимизацию каких-либо априорных показателей. Это – задача выживания, соблюдения ограничений, вытекающих из законов природы (в экологическом и социо-медицинском аспектах) и социума (в социо-гуманитарном; естественно, имеются в виду не юридические законы, устанавливаемые людьми, а те же естественные законы, только относящиеся к обществу и разным уровням его организации) (Данилов-Данильян, 2003, с. 127).

В настоящее время в России применяется один из вариантов действий, предлагаемый в Руководстве ООН, по продвижению «Повестки дня – 2030» в национальный контекст. Это вариант – «ревизия действующих стратегий и планов на национальном, региональном и локальном уровнях, сопоставление с глобальными ЦУР и задачами для выявления несоответствия и возможностей изменения». В рамках предлагаемых действий авторы проанализировали отдельные Стратегии северных регионов с точки зрения отражения в них целей устойчивого развития.

В Стратегии социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) до 2030 г. значительное внимание уделено устойчивому развитию Арктической зоны региона. Оно основывается на развитии традиционных отраслей экономики Севера: оленеводства и рыболовства с созданием на их основе перерабатывающих производств, охотничьего промысла; продуманной и экономически обоснованной системе расселения; внедрении новых технологий; государственной поддержке, обеспечивающей транспортную доступность, энергетическую безопасность, оптимальные жилищные условия и региональные социальные стандарты в здравоохранении и образовании.

Предполагается сохранение исконной среды обитания, традиционного образа жизни и культурных ценностей коренных народов Севера. Приоритетным направлением организации оказания медицинской помощи населению Арктики станет расширение возможностей санитарной авиации. В целях повышения качества образования в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера реализуются целевые проекты: «Кочевая школа», «Учителя Арктики», «Международный Арктический центр культуры и искусства» (О проекте, 2016).

Стратегия Ямало-Ненецкого АО до 2020 г. нацелена на устойчивое развитие коренных малочисленных народов Севера. Согласно документу, будет продолжено возрождение национальных поселков как источников и хранителей истории, самобытности народов Севера, их национальной культуры и традиций. Будут создаваться новые высокотехнологичные производства по глубокой переработке продукции традиционных отраслей хозяйствования, что обеспечит занятость коренных жителей, будут строиться жилье, лечебно-профилактические учреждения, школы, детские дошкольные учреждения и учреждения культуры, объекты жилищно-коммунального комплекса, дороги с твердым покрытием, устанавливаться источники энергоснабжения малой мощности, в том числе с использованием альтернативной энергии (О стратегии, 2011, с. 69–70).

В стратегии Ненецкого АО до 2030 г. с целью определения перспективной системы расселения дана оценка степени устойчивости сельских населенных пунктов региона, исходя из динамики численности населения, уровня заработных плат и доходов местного бюджета на душу населения. В результате выделены пять групп поселений. Оказалось, что наивысшей устойчивостью обладают сельсоветы, в которых ведется нефтедобыча, а самые низкие значения – в сельсоветах, полностью зависящих от возможностей осуществлять традиционные виды хозяйствования (Об утверждении, 2010, с. 40–43).

Стратегия социально-экономического развития Республики Коми на период до 2020 года ставит одной из своих главных целей устойчивое развитие этносоциального пространства, основанного на уважении к межкультурным ценностям и обеспечивающего целостность и сплоченность общества (О стратегии, 2006).

Разработчики стратегий социально-экономического развития северных субъектов РФ к основным целям устойчивого развития на Севере относят решение ключевых социальных и экологически проблем, диверсификацию сырьевой экономики, учет интересов коренных малочисленных народов.

Глава 3.

ОЦЕНКА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ ПО ДЕМОГРАФИЧЕСКИМ ПОКАЗАТЕЛЯМ

3.1. Демографические показатели, используемые в мировой практике

В «Повестке дня на XXI век» выделена программная область – накопление и распространение знаний о связях между демографическими тенденциями и факторами и устойчивым развитием (Доклад Конференции, 1993, с. 8–511). Но были высказаны и сомнения, надо ли выделять как самостоятельное направление анализа устойчивости демографические процессы (Данилов-Данильян, 2003, с. 124–125). Хотя ответ очевиден – демографическая устойчивость заслуживает специального изучения. И вот почему.

Сегодня демографические процессы являются наиболее изученными и хорошо интерпретируемыми. По большинству показателей определен предельный критический уровень, достижение которого делает невозможным поддержание простого воспроизводства населения (Глазьев, Локосов, 2012, с. 25–28).

Анализ реализации мер «Повестке дня на XXI век» показал, что добиться существенного снижения неравенства внутри стран и между ними к 2015 г. не удалось. Так, в 2015 г. суммарный коэффициент рождаемости в Португалии равнялся 1,23, а в Нигере –

7,29; ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) в Центрально-африканской Республике – 51,4, а в Японии – 83,8 лет; общий коэффициент смертности в Катаре – 1,5, а в Болгарии – 15,3‰ (Indicators, 2018).

При всей комплексности измерения устойчивого развития, на наш взгляд, недостаточно полно были представлены показатели по оценке демографических процессов, они были явно «однобокими» и не отражали все стороны демографической динамики. В настоящее время демографические показатели включены в основных системах индикаторов устойчивого развития. Наиболее полно они отражены в системе глобальных показателей ООН – 16 (Система глобальных, 2014). Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) рекомендовано 12 показателей (Measuring Distance, 2017, с. 24). На один меньше для оценки УР использует Всемирный банк (ВБ) – 11 показателей (World Development, 2017). Десять показателей использует Межгосударственный статистический комитет Содружества Независимых Государств (СНГ) (Перечень показателей, 2016). Российская Федерация в свой перечень включила девять показателей (Календарь публикации, 2017). И всего шесть показателей по измерению УР рекомендовала КЕС (Рекомендации Конференции, 2014, с. 83–85). Все демографические показатели устойчивого развития для удобства восприятия представлены в таблице. Код показателя указывает на номер цели из «Повестки дня – 2030» в области устойчивого развития, достижение которой он характеризует (табл. 3.1).

Из представленных систем показателей по оценке устойчивого развития видно, что только один показатель присутствует во всех системах – «коэффициент смертности от самоубийств». Если исключить из анализа показатели КЕС, то сквозных показателей будет пять. В то же время следует обратить внимание, что из шести показателей, рекомендованных КЕС, четыре имеют свою исключительность. Особого внимания заслуживают три: миграция человеческого капитала, ожидаемая продолжительность жизни при рождении и ожидаемая продолжительность здоровой жизни при рождении.

Таблица 3.1

**Демографические показатели устойчивого развития,
используемые международными организациями и Россией**

Код	Показатель	Системы показателей					
		ООН 2016	ВБ 2017	ОЭСР 2017	СНГ 2016	РФ 2017	КЕС 2014
	Численность населения						+
3.2.3	Родившихся с низкой массой тела			+			
3.7.1	Доля женщин репродуктивного возраста (от 15 до 49 лет), чьи потребности по планированию семьи удовлетворяются современными методами	+	+ ¹		+	+ ²	
3.7.2	Показатель рождаемости среди девушек-подростков (в возрасте от 10 до 14 лет; в возрасте от 15 до 19 лет) на 1000 женщин в данной возрастной группе	+	+ ³	+	+	+	
3.1.1	Коэффициент материнской смертности	+	+	+	+	+	
3.2.1	Коэффициент смертности детей в возрасте до пяти лет	+	+ ⁴	+	+	+	
3.2.2	Коэффициент неонатальной смертности	+	+	+	+	+	
3.4.1	Смертность от сердечно-сосудистых заболеваний, рака, диабета, хронических респираторных заболеваний	+	+ ⁵		+	+	
3.4.1	Преждевременная смертность (потерянные годы потенциальной жизни)			+			
3.4.2	Коэффициент смертности от самоубийств	+	+	+	+	+	+
3.6.1	Смертность в результате дорожно-транспортных происшествий	+	+	+ ⁶	+	+	
3.9.1	Смертность от загрязнения воздуха в жилых помещениях и атмосферного воздуха	+		+			
3.9.2	Смертность от отсутствия безопасной воды, безопасной санитарии и гигиены (от отсутствия безопасных услуг в области водоснабжения, санитарии и гигиены для всех)	+		+			
3.9.3	Смертность от неумышленного отравления	+		+			
11.5.1	Число погибших, пропавших без вести и пострадавших непосредственно в результате бедствий на 100 000 человек	+					
16.1.1	Число жертв умышленных убийств на 100 000 человек в разбивке по возрастной группе и полу	+	+	+ ⁷	+ ⁸		+ ⁹

Код	Показатель	Системы показателей					
		ООН 2016	ВБ 2017	ОЭСР 2017	СНГ 2016	РФ 2017	КЕС 2014
16.1.2	Число связанных с конфликтами смертей на 100 000 человек (в разбивке по возрастной группе, полу и причине)	+	+		+ ⁸		
	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении						+
	Ожидаемая продолжительность здоровой жизни при рождении						+
5.3.1	Доля женщин в возрасте от 20 до 24 лет, вступивших в брак или союз до 15 лет и до 18 лет	+	+ ¹⁰			+	
10.7.2	Число стран, проводящих хорошо продуманную миграционную политику	+					
	Миграция человеческого капитала						+

Внесены уточнения: ¹ доля замужних женщин, ² от 18 до 44 лет, ³ в возрасте от 15 до 19 лет, ⁴ по полу, ⁵ между 30 и 70 годами, ⁶ смертность от транспортных аварий, ⁷ смертей от нападений, ⁸ по полу, возрасту и причине, ⁹ процент смертности в результате насилия/убийства, ¹⁰ вступивших в брак до 18 лет.

Показатель миграции важен тем, что, когда люди мигрируют или временно перемещаются в другие страны, их человеческий капитал (образование, здоровье) также перемещается. С одной стороны, миграция сокращает запасы человеческого капитала в стране происхождения, но с другой стороны, она генерирует денежные переводы и создает опыт работы, который принесет пользу стране происхождения, когда мигранты возвратятся домой (Рекомендации Конференции, 2014, с. 24).

Ожидаемая продолжительность жизни – показатель представляет собой обобщенную характеристику смертности. В соответствии с рекомендациями Всемирной Организации Здравоохранения ожидаемая продолжительность жизни выступает не только измерителем собственно уровня смертности, но и является характеристикой уровня и качества жизни населения, состояния его здоровья (An Overarching Health, 2015, с. 2). Согласно Программе действий, принятой на Международной Каирской конференции 1994 г., все

страны должны были стремиться к тому, чтобы в 2005 г. ожидаемая продолжительность жизни для обоих полов превысила 70 и к 2015 г. – 75 лет (Programme of Action, 2014, с. 81).

Анализируя представленные системы ПУР можно отметить, что их общим недостатком является то, что в них преобладают показатели смертности и игнорируются другие показатели демографического развития.

3.2. Оценка устойчивого развития северных регионов России по демографическим показателям

В свое время проблема устойчивого развития с точки зрения сохранения территорий Севера для будущих поколений и создания комфортных условий проживания была рассмотрена нами в (Лыткина, 2014; Лыткина, 2005; Фаузер, 1996), в отраслевом аспекте в (Фаузер, Климашевская, 2004; Фаузер В.В., Назарова, Фаузер Вл.В., 2010), в этническом плане (Фаузер, 2005); раскрыта взаимосвязь между системой расселения и устойчивым развитием в (Фаузер, Лыткина, Смирнов, 2017; Фаузер В.В., Лыткина, Фаузер Г.Н., 2016). В последние годы, с осознанием ключевой роли человеческого потенциала в развитии стран, наряду с экологическими и экономическими аспектами усилилось внимание и к социальным. Относительно северных и арктических регионов можно выделить две работы по социальной устойчивости (Корчак, 2016; Рябова, Торопушина, Корчак, 2016). В них достаточно подробно описана история развития категории «социальная устойчивость», дается набор показателей по ее оценке. Социальную устойчивость регионов авторы кратко определяют, как «качество общества» и предлагают оценивать на основе интегральных индексов уровня устойчивости по блокам «социальная инфраструктура», «уровень здоровья и об-

разования населения», «качество городской среды», «уровень жизни населения», «демографическое развитие».

В зарубежной научной литературе имеются работы по демографической устойчивости (Roca, Silva, Caldinhas, 2002; Camarinha-Matos, Afsarmanesh, 2010; Stern, 2013). Наиболее полно «Концепция демографической устойчивости» представлена в (Roca Z., Roca M., 2014). Она включает три показателя: оптимальные темпы роста населения, соответствующие суммарному коэффициенту рождаемости 2,1; оптимальное соотношение между населением старше трудоспособного и трудоспособного возрастов; оптимальное соотношение полов.

Демографическая устойчивость (ДУ) рассмотрена в количественном и качественном выражении. Территория количественно устойчива, когда между полами и возрастными группами достигнуто оптимальное соотношение их размера и роста. ДУ в качественном выражении состоит в компетенциях, воплощенных в населении. Территория демографически устойчива в качественном выражении, когда достигнуты оптимальные уровни занятости рабочей силы, образования и навыков населения. Демографическая устойчивость территории возможна, когда достигается баланс между количественными и качественными измерениями благодаря оптимальному взаимодействию между компонентами.

Мы предлагаем считать, что демографическая устойчивость северных территорий достигается при следующих условиях, когда:

- соотношение уровней рождаемости и смертности обеспечивает слегка расширенное воспроизводство населения;
- трудоспособная часть населения является достаточной для обеспечения отраслей народного хозяйства человеческими ресурсами;
- имеется запас прочности ресурсов труда для экономики: количество вступающих в трудовую деятельность превосходит выбывающие трудовые ресурсы;

- половозрастные пропорции оптимальны, они способствуют созданию полных семей, рождению детей в браке, превышению демографической нагрузки лицами младшего возраста, над нагрузкой «сверху» – лицами пожилого возраста;
- идет постоянное сокращение разницы в ожидаемой продолжительности жизни между полами, между городом и селом, между отдельными этносами и национальностями;
- отрицательный миграционный баланс территории складывается в результате того, что количество выбывающих лиц старше трудоспособного возраста и потерявших трудоспособность по разным причинам превышает прибывающие миграционные потоки из лиц трудоспособного возраста (Фаузер, Лыткина, Смирнов, 2018, с. 1373–1377).

Бесспорным является посыл, что экономическое благополучие России обеспечивается устойчивым развитием северных регионов. Чтобы и в обозримой перспективе эта роль сохранялась, необходимо иметь здесь достаточными демографической и трудовой потенциалы (Фаузер, 2014). Для их поддержания демографические процессы должны иметь позитивную динамику во времени, а показатели, по их оценке, на текущий момент должны быть выше или ниже общероссийских показателей в зависимости от оцениваемого явления.

Для оценки устойчивого развития северных регионов, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям (северные регионы), предлагаются два подхода. Первый базируется на применении демографических показателей (Фаузер, Лыткина, Смирнов и др., 2017, с. 273–275). Второй подход оценки УР основан на использовании интегрального индекса, рассчитанного по четырем демографическим факторам (Фаузер, Лыткина, Смирнов и др., 2018, с. 79–82).

3.2.1. Первый подход оценки устойчивого развития по демографическим показателям

Для оценки устойчивого развития северных территорий выбрано 12 демографических показателей, которые, на наш взгляд, характеризуют устойчивое (или не устойчивое) развитие регионов и по которым имеется доступная статистика. За эталон возьмем значение показателя по России, знак + означает, что показатель по северному региону лучше, знак = означает, что оно равно ему, отсутствие знака, что показатель хуже (Фаузер В.В., Лыткина, Фаузер Г.Н., 2017) (табл. 3.2).

Таблица 3.2

Сравнение демографических показателей северных регионов с Российской Федерацией*

Регион	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	Сумма положительных оценок
Республика Карелия					=								0
Архангельская обл.					+								1
Мурманская обл.			+					+	+	+			4
Магаданская обл.			+				+	+	+	+			5
Камчатский край		=	+	+	+			+	+	+			6
Ненецкий АО		+	+	+	+				+	+			6
Республика Саха (Якутия)		+	+	+	+				+	+			6
Республика Коми		+	+	+	+			+	+	+			7
Сахалинская обл.		+		+	+		+	+	+	+			7
Чукотский АО		+	+	+	+			+	+	+			7
Республика Тыва	+	+	+	+	+		+		+	+			8
Ямало-Ненецкий АО	+	+	+	+	+	+		+	+	+			9
Ханты-Мансийский АО	+	+	+	+	+	+		+	+	+		+	10

* ранжировано по возрастанию оценок
 + показатель лучше по сравнению с РФ
 = показатель равный РФ

Опишем демографические показатели по оценке устойчивого развития северных регионов России, представленных в табл. 3.2.

1) – *динамика численности населения*. За последние 27 лет (1990–2017 гг.) численность населения России сократилась на 0,6% (на 2,2% без учета Республики Крым и г. Севастополь). В северных регионах уменьшилась с 9731 до 7862 тыс. человек, т.е. убыль населения составила 1 млн. 869 тыс. человек – за счет превышения миграционного оттока (2 млн. 233 тыс. человек) над естественным приростом (364 тыс. человек). Численность населения в 2017 г. по отношению к 1990 г. составила по России 99,4%, а по северным регионам – 80,8%. В трех регионах произошло увеличение численности населения – в Ханты-Мансийском АО (129,9%), в Ямало-Ненецком АО (109,6%) и в Республике Тыва (101,9%); у остальных регионов снижение было больше, чем по России в целом. Сокращение численности населения на Севере происходило более быстрыми темпами, чем по стране в целом, что ведет к обезлюдению территории, снижению людности поселений, уменьшению ресурсов труда. Такая динамика численности населения не способствует устойчивому развитию Севера России.

2) – *общий коэффициент рождаемости* в 2016 г. по России составлял 12,9‰, в четырех регионах его величина была ниже общероссийского уровня, в одном соответствовала ему, а три имели расширенное воспроизводство населения (16‰ и выше).

3) – *общий коэффициент смертности* в 2016 г. по России составлял 12,9‰, в трех регионах смертность была выше, а в Республике Карелия выше допустимого уровня – 14,8‰ (14,0‰).

4) – *общий коэффициент естественного прироста* в 2016 г. в девяти регионах был выше общероссийского и имел положительную величину, четыре – отрицательную величину – признаки депопуляции.

5) – *суммарный коэффициент рождаемости* в 2016 г. по России составлял 1,76, что ниже простого замещения поколений (2,1-2,2). В 10 регионах он был выше общероссийского уровня, а в шести из них было расширенное воспроизводство.

6) – *ожидаемая продолжительность жизни* в 2016 г. для обоих полов составила 71,87 лет. Только в Ханты-Мансийском АО-

Югра и Ямало-Ненецком АО она была выше, чем в России (ВОЗ рекомендовала достичь ОПЖ в 75 лет к 2015 г.).

7) – *заболеваемость населения* (зарегистрировано заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни) в 2014 г. по России составила 787,1 случаев на 1000 человек. В десяти регионах она была значительно выше, чем по России. И только в трех: в Республике Тыва, Магаданской и Сахалинской обл. она была ниже российского уровня. Как предположение – это можно объяснить тем, что здесь хуже представлены медицинская инфраструктура и первичная диагностика.

8) – *численность лиц в возрасте 18 лет и старше, впервые признанных инвалидами*, в расчете на 10 тыс. человек в 2014 г. по России составила 61,8, в пяти субъектах она превышала это значение. В остальных восьми значительно ниже. Рекордно низкой она был в Ямало-Ненецком АО – 28,8 и Мурманской обл. – 36,2.

9) – *доля населения старше трудоспособного возраста* в 2017 г. по стране составляла 25,0%. В целом по северным субъектам она значительно ниже. Только в двух она выше: в Республике Карелия – 26,6 и Архангельской обл. – 25,8%.

10) – *коэффициент демографической нагрузки лицами старше трудоспособного возраста* в 2017 г. по России составил 441 (на 1000 трудоспособных). Только в Республике Карелия и Архангельской обл. эта нагрузка была выше.

11) – *мужчины и женщины в возрасте 16 лет и более, состоящие в незарегистрированном браке*. По этому показателю все северные регионы характеризуются повышенной неустойчивостью. Так если в 2010 г. по России на 1000 человек приходилось 84 «сожителя», то в Республике Тыва – 187, в Магаданской и Сахалинской обл. – по 141 «сожителю».

12) – *коэффициент миграционного прироста* в 2016 г. по России составлял 1,8‰, и только в Ханты-Мансийском АО он был положительный и выше (2,4‰).

Ранжирование северных регионов по числу набранных положительных оценок по равномерной шкале позволило сгруппировать все регионы в четыре группы по степени устойчивого развития: критическая, низкая, средняя и высокая (табл. 3.3).

Таблица 3.3

**Ранжирование северных регионов России
по степени устойчивого развития
(по 12 демографическим показателям,
количество положительных оценок)**

Степень устойчивого развития	Регион
1–3 критическая	Республика Карелия Архангельская область
4–6 низкая	Мурманская область Магаданская область Камчатский край Ненецкий АО Республика Саха (Якутия)
7–9 средняя	Республика Коми Сахалинская область Чукотский АО Республика Тыва Ямало-Ненецкий АО
10–12 высокая	Ханты-Мансийский АО

Группа с критической устойчивостью по демографическим показателям имеет все рассматриваемые показатели хуже по сравнению с Россией, за исключением суммарного коэффициента рождаемости. Группа с низкой устойчивостью объединяет регионы, имеющие коэффициент смертности, долю населения старше трудоспособного возраста, коэффициент демографической нагрузки лицами старше трудоспособного возраста с ожидаемой продолжительностью жизни ниже среднероссийского уровня и миграционной убылью населения. Средняя группа включает показатели низкой группы и дополнительно – коэффициент рождаемости, коэффициент естественного прироста и суммарный коэффициент рождаемости выше среднероссийского уровня. Наивысшую на Севере устойчивость Ханты-Мансийскому АО обеспечивают все показатели, за исключением двух.

3.2.2. Второй подход оценки устойчивого развития по демографическим показателям

Апробировав первый подход оценки устойчивого развития по демографическим показателям, было решено применить другие девять показателей и оставить четыре из первого подхода. Они полнее отражают устойчивое развитие регионов, по ним имеется доступная статистика в динамике. Показатели объединены в группы по четырем демографическим факторам: рождаемость, ожидаемая продолжительность жизни, миграция и половозрастной состав населения.

Первая группа показателей рождаемости характеризует достижение цели устойчивого развития «хорошее здоровье и благополучие». Главным показателем уровня рождаемости выступает *суммарный коэффициент рождаемости (СКР)*, показывающий, сколько в среднем детей родила бы одна женщина на протяжении всего репродуктивного периода (15–49 лет) при неизменных возрастных коэффициентах рождаемости. Этот показатель хорош тем, что его значение не зависит от возрастной структуры населения. Поэтому он может применяться для сравнения разных территорий и для анализа в динамике. Для устойчивого демографического развития территории суммарный коэффициент рождаемости должен превышать уровень простого замещения поколений (2,1–2,2 рожденных детей на 1 женщину), при котором от поколения к поколению численность населения не сокращается. Справочно: *суммарный коэффициент рождаемости в 2017 г. по всему миру составил 2,4, в т.ч. по северным странам: в Швеции – 1,8, России – 1,6, Норвегии – 1,6, Финляндии – 1,5, Канаде – 1,5* (Основные демографические, 2018).

В период с 2000 по 2017 г. величина суммарного коэффициента рождаемости была недостаточной для расширенного воспроизводства населения. Уровень рождаемости на Севере все годы был выше российского: 2000 г. – 1,32/1,20, 2015 г. – 2,03/1,78 и 2017 г. – 1,85/1,62. До 2015 г. уровень рождаемости рос повсеместно, затем началось его снижение, исключение составила Сахалинская обл.

В 2000 г. самым высоким суммарный коэффициент рождаемости был в Республике Тыва – 1,83, в Республике Саха (Якутия) и в Ненецком АО – по 1,77, в Чукотском АО – 1,58. Затем благодаря мерам демографической политики, закрепленных в Приоритетных национальных проектах (Фаузер, 2014, с. 60–62), уровень рождаемости достиг своего пика в 2015 г. В восьми регионах СКР стал выше двух, а в Республике Тыва он достиг своего максимума – 3,39. В последующие годы рождаемость стала снижаться, только в четырех регионах величина СКР была выше двух: Республика Тыва – 3,19, Ненецкий АО – 2,35, Чукотский АО – 2,08 и Сахалинская обл. – 2,03.

Второй показатель рождаемости – *число аборт на 1000 женщин в репродуктивном возрасте*. Справочно: в 2007 г. произошло знаменательное событие – годовое число рождений в России превысило годовое число прерванных беременностей, чего не наблюдалось в течение нескольких десятилетий до этого. В 1967 г. на 100 живорождений приходилось 293 аборта (максимум), в 1990 г. – 206, в 2007 г. – 92, а в 2016 г. – 45 аборт. Иными словами, в 1960-е на одни роды приходилось около 3-х аборт, а сейчас родов вдвое больше, чем аборт. Аборт наносит грубую психологическую травму. У женщин, перенесших аборт, нередко отмечаются повышенная нервозность, раздражительность, утомленность, плаксивость, опустошенность, ослабление полового чувства, а иногда апатия и подавленность. Актуальным является сохранение репродуктивного здоровья и качества жизни пациенток в отдельный период после аборт.

Большое число аборт свидетельствует о низкой репродуктивной грамотности населения и выступает фактором демографической неустойчивости. По Северу и России в целом произошло почти двукратное сокращение числа аборт на 1000 женщин в репродуктивном возрасте, все годы ситуация в северных регионах была хуже. В 2000 г. только Мурманская обл. и Чукотский АО имели число аборт ниже российского уровня. Больше всего аборт было произведено в Республике Саха (Якутия) – 74,2. В 2016 г. положение

повсеместно улучшилось, но число производимых аборт на Севере по-прежнему остается высоким. В «лидерах» осталась Республика Саха (Якутия) – 46, к ней присоединились Республика Тыва и Магаданская обл. – по 45 (табл. 3.4).

Таблица 3.4

Показатели фактора рождаемости для оценки устойчивого развития северных регионов, 2000–2017 гг.

Регион	Суммарный коэффициент рождаемости					Число аборт на 1000 женщин в репродуктивном возрасте				
	2000	2005	2010	2015	2017	2000	2005	2010	2015	2016
Российская Федерация	1,20	1,29	1,57	1,78	1,62	55,0	42,7	31,7	23,8	24
Северные регионы	1,32	1,47	1,74	2,03	1,85	60,7	54,9	41,5	34,1	33,3
Республика Карелия	1,18	1,30	1,58	1,77	1,56	60,6	55,8	40,8	30,2	30
Республика Коми	1,22	1,36	1,63	2,00	1,78	59,9	52,4	38,1	31,4	31
Республика Саха (Якутия)	1,77	1,73	2,00	2,19	1,93	74,2	60,7	48,3	46,2	46
Республика Тыва	1,83	2,15	3,03	3,39	3,19	60,4	54,9	51,9	47,2	45
Камчатский край	1,20	1,41	1,51	1,89	1,78	56,7	64,0	47,0	27,1	34
Архангельская обл.	1,21	1,36	1,63	1,85	1,68	61,6	59,6	47,7	36,6	32
Магаданская обл.	1,25	1,36	1,44	1,66	1,60	64,0	60,9	55,2	46,3	45
Мурманская обл.	1,14	1,25	1,49	1,71	1,56	45,9	38,9	25,6	24,3	24
Сахалинская обл.	1,21	1,43	1,56	2,02	2,03	61,2	66,5	53,6	41,5	41
Ненецкий АО	1,77	1,81	2,11	2,58	2,35	64,8	60,4	53,6	34,5	39
Ханты-Мансийский АО	1,34	1,51	1,81	2,07	1,88	61,5	49,3	34,0	28,7	27
Чукотский АО	1,58	1,91	1,89	2,10	2,08	44,7	64,0	40,0	39,0	40
Ямало-Ненецкий АО	1,38	1,57	1,79	2,19	1,95	62,3	57,2	42,6	32,1	35
Регионы, частично входящие в Север	1,28	1,41	1,72	1,95	1,77	63,4	55,8	43,0	32,9	33,3
Регионы, полностью входящие в АЗРФ	1,25	1,40	1,63	1,94	1,75	51,6	46,8	33,2	28,2	29,3

Третий показатель – *доля родившихся живыми у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке, в общем числе родившихся (внебрачная рождаемость)*. Число детей, рожденных вне зарегистрированного брака, – это тот показатель демографической статистики, который опосредовано отражает распространение новых, неофициальных форм брака. Причины его рождения: целенаправленное желание женщин иметь детей, но не иметь семью, отсутствие возможности вступления в брак и т.д. Внебрачная рож-

даемость имеет определенную значимость для дальнейшего развития рождаемости, поскольку у женщин, воспитывающих детей в неполной семье, рождаемость, как правило, существенно ниже (число детей у одиноких матерей зачастую ограничивается только одним ребенком – в этом аспекте рост внебрачной рождаемости означает ограничение рождаемости в целом). На снижение доли внебрачных рождений, по всей вероятности, отразились принимаемые меры демографической политики по стимулированию рождаемости в семье. В Российской Федерации среднее число рожденных детей на 1000 женщин составляет 1469, в т.ч. в браке – 1682 (перепись населения 2010 г.).

Уровень внебрачной рождаемости на Севере выше российского уровня: 2000 г. – 34,0/28,0, в 2005 г. – 36,6/30,0 и в 2017 г. – 26,2/21,2%, видим, что в динамике произошло его сокращение. В 2000 г. в десяти северных регионах доля детей, рожденных вне зарегистрированного брака, была выше российского уровня. Особенно высока она была в Республике Тыва – 58,0, в Чукотском АО – 53,5, Ненецком АО – 43,8 и Сахалинской обл. – 42,9%. Наибольшие показатели внебрачной рождаемости сохранились в Республике Тыва в 2005 г. и в 2015 г. – 65,6%, что выше российских в два и три раза, соответственно. В 2017 г. только в трех регионах показатель был лучше российского уровня: в Ханты-Мансийском – 18,0 и Ямало-Ненецком – 21,1 АО, в Мурманской обл. – 19,7% (прилож. 3.1).

Вторая группа показателей продолжительности жизни отражает достижение целей устойчивого развития «хорошее здоровье и благополучие» и «гендерное равенство». Главный ее показатель – *ожидаемая продолжительность жизни при рождении*, отражающий число лет, которое в среднем предстояло бы прожить одному человеку при условии, что на протяжении всей жизни этого поколения уровень смертности в каждом возрасте останется неизменным. Ожидаемая продолжительность жизни характеризует не только смертность, но и качество жизни населения, его здоровье, а также степень развития общества в целом. Согласно Меж-

дународной Каирской конференции 1994 г., все страны должны стремиться к тому, чтобы ОПЖ к 2015 г. превысила 75 лет. В 2015 г. ни один из северных субъектов, ни Россия в целом не достигли этого уровня. Ближе всех к нему приблизился Ханты-Мансийский АО – 72,6 и в 2017 г. – 73,9 лет.

За последние 18 лет ожидаемая продолжительность жизни выросла в России на 7,4, на Севере – 8,0 и в АЗРФ – 7,3 лет. В 2000 г. самая низкая ОПЖ была в Республике Тыва – 55,2, а самая высокая в Ямало-Ненецком АО – 66,7 лет. К 2017 г. ожидаемая продолжительность жизни увеличилась во всех регионах Севера. Максимальной она была в Ханты-Мансийском АО – 73,9 и Ямало-Ненецком АО – 73,5 лет. С 2000 по 2017 г. максимальный прирост ОПЖ был в Республике Тыва – 11,1, в Ненецком АО – 10,9 и Архангельской обл. – 9,1 лет (табл. 3.5).

Таблица 3.5

**Показатели фактора продолжительности жизни
для оценки устойчивого развития северных регионов,
2000–2017 гг.**

Регион	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет					Коэффициент смертности от внешних причин, на 100 тыс. человек				
	2000	2005	2010	2015	2017	2000	2005	2010	2015	2017
Российская Федерация	65,3	65,4	68,9	71,4	72,7	219	221	152	121	104
Северные регионы	63,7	63,8	67,5	70,1	71,7	250	251	181	138	122
Республика Карелия	62,9	61,8	66,4	69,2	70,7	294	280	194	139	112
Республика Коми	63,5	62,1	66,9	69,4	71,1	286	309	205	161	131
Республика Саха (Якутия)	63,7	64,7	66,8	70,3	71,7	244	230	195	145	134
Республика Тыва	55,2	55,8	60,5	63,1	66,3	435	467	371	287	216
Камчатский край	63,3	63,2	65,8	68,6	70,1	213	220	151	129	123
Архангельская обл.	62,8	63	67,9	70,7	71,9	268	289	200	152	138
Магаданская обл.	62,0	62,5	65,1	68,1	69,4	285	281	195	175	148
Мурманская обл.	64,5	63,8	68,4	70,2	71,7	197	197	123	125	120
Сахалинская обл.	63,3	60,6	64,9	68,0	70,2	273	337	258	185	159
Ненецкий АО	60,6	63	64,9	71,0	71,5	334	272	254	177	166
Ханты-Мансийский АО	65,9	67,8	70,3	72,6	73,9	197	167	123	83	77
Чукотский АО	60,2	58,5	57,5	64,2	66,1	295	379	335	163	236
Ямало-Ненецкий АО	66,7	67,6	70,1	71,7	73,5	185	163	121	108	97
Регионы, частично входящие в Север	63,2	62,7	66,9	69,4	70,8	269	292	200	151	129
Регионы, полностью входящие в АЗРФ	64,9	64,9	68,5	70,6	72,2	200	194	134	121	117

Следующим из показателей ОПЖ выбрана *разница в ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин*, которая должна быть минимизирована. Справочно: *ожидаемая продолжительность жизни при рождении в 2017 г. по всему миру составила у мужчин 70, у женщин – 74 лет, в т.ч. по северным странам: в Швеции у мужчин – 81, у женщин – 84 лет, в Норвегии у мужчин – 81, у женщин – 84 лет, в Канаде у мужчин – 80, у женщин – 84 лет, в Финляндии у мужчин – 79, у женщин – 84 лет, в России у мужчин – 68, у женщин – 78 лет* (Основные демографические, 2018). *В России самая высокая разница в ОПЖ между полами – 10 лет.*

Если посмотреть на ожидаемую продолжительность жизни мужчин и женщин в динамике, то можно отметить следующее: в 2000 г. разница в ожидаемой продолжительности жизни между полами на Севере была меньше – 12,7/13,3, к 2017 г. ситуация стала обратной – 10,4/10,1 лет. В 2000 г. разница в ОПЖ между полами была выше российского уровня в четырех регионах: в Магаданской и Архангельской обл. и Ненецком АО – по 14,3 лет, Республике Карелия – 13,8 лет, минимальная в Ямало-Ненецком АО – 10,7 лет. К 2017 г. разница в ожидаемой продолжительности жизни между полами сократилась по все северным регионам: в Ханты-Мансийском АО на 3,6, в Архангельской обл. на 2,7, в Магаданской на 2,2 лет. Также можно отметить, что если в 2000 г. девять регионов имели показатели лучше российских, то в 2017 г. только пять (прилож. 3.2).

Следующий показатель – *коэффициент младенческой смертности (КМС)*, он является важной характеристикой общего состояния здоровья и уровня жизни населения страны, региона, города, национального меньшинства и т. д. С середины XX в. коэффициент младенческой смертности практически неизменно используется как один из важных факторов при классификации стран по уровню жизни населения. Справочно: *коэффициент младенческой смертности (на 1000 живорождений) в 2017 г. по всему миру составил 3,1, в т.ч. по северным странам: в Финляндии 2,0, в Норвегии 2,3, в Швеции 2,5, в Канаде 4,5, в России 5,5* (Основные демографические, 2018).

В целом по северным регионам КМС все годы был ниже российского уровня: 2000 г. – 14,4/15,3, 2010 г. – 6,6/7,5 и 2017 г. – 5,4/5,6. По России коэффициент младенческой смертности с 2000 по 2017 г. снизился на 9,7 и по Северу – на 9,0 п., несмотря на то, что с 1 апреля 2012 г. расширились критерии живорождения (регистрации подлежат рождения и смерть новорожденных с массой тела от 500 до 1000 граммов). По северным регионам КМС сильно дифференцирован. В 2000 г. коэффициент младенческой смертности варьировал от 30,0 в Республике Тыва до 10,2‰ в Ханты-Мансийском АО, разница в уровне смертности составила 19,8 п. В 2017 г. вариация между максимальным КМС в Чукотском АО – 10,6 до минимального в Магаданской обл. – 3,7‰ составила 6,9 п. (прилож. 3.3).

Наконец, четвертый показатель продолжительности жизни – *коэффициент смертности от внешних причин*. Под смертностью от внешних причин понимается смертность от причин, вызванных не болезнями, а различными умышленными (убийства и самоубийства) или неумышленными (всякого рода несчастные случаи) внешними воздействиями. Для понимания значения смертности от внешних причин и их места среди других причин смерти очень важно то обстоятельство, что речь идет о единственном классе причин, который обуславливает предотвратимые смерти: убийства, самоубийства, транспортные катастрофы, алкогольные отравления, производственный травматизм, гибель в результате чрезвычайных ситуаций и другие источники внешних воздействий. Высокая смертность от внешних причин свидетельствует о недостаточном развитии общества, низком уровне жизни.

Учитывая характер внешних причин смерти, закономерно, что на Севере она выше, чем по России: в 2000 г. – 250/219, в 2010 г. – 138/121 и в 2017 г. – 122/104 случаев в расчете на 100 тыс. человек. За анализируемый период число смертей от внешних причин сократилось по России на 115 и по Северу – на 128 случаев. В 2000 г. самая высокая смертность от внешних причин была в Республике

Тыва – 435, Ненецком – 334 и Чукотском – 295 АО, а также в Республике Карелия – 294 случая в расчете на 100 тыс. человек. В 2017 г. смертность от внешних причин уменьшилась во всех северных регионах. Высокой она осталась в Чукотском АО – 236, в Республике Тыва – 216, в Ненецком АО – 166, в Сахалинской обл. – 159 и Магаданской обл. – 148 случаев (табл. 3.5).

Третья группа показателей миграции оценивает достижение цели устойчивого развития «достойная работа и экономический рост» и «уменьшение неравенства». Первый показатель миграции – *коэффициент миграционного прироста*. Чем более регион привлекателен для мигрантов, тем больше в нем возможностей для комфортной жизни и самореализации. Миграционный отток на Севере был высоким на протяжении всего XXI в. В 2000 г. коэффициент миграционной убыли составлял 6,7‰. К 2005 г. он увеличился до 9,0‰, в последующие годы миграционный отток постоянно снижался и коэффициент достиг своего минимума 4,4‰ в 2017 г. По России в целом в течение этого периода наблюдался миграционный прирост от 2,5 в 2000 г. до 1,4‰ в 2017 г. (в этот период северные и арктические регионы имели положительное сальдо международной миграции). В 2000 г. только Ханты-Мансийский АО имел положительное сальдо миграции – 12,9‰. В 2017 г. из всех северных регионов миграционный прирост наблюдался только в Сахалинской обл. (4,9) и Камчатском крае (1,7‰). Наиболее интенсивный миграционный отток в 2017 г. был в Республике Коми (-11,2) и Чукотском АО (-13,2‰). Миграционная убыль населения представляет угрозу для устойчивого развития Севера. При сохранении существующих темпов убыли население Севера может сократиться на миллион человек менее чем за три десятилетия. Низкая насыщенность территорий населением приведет к удорожанию инженерной и транспортной инфраструктуры, нехватке трудовых ресурсов.

Второй показатель – *коэффициент миграционного прироста населения, имеющего профессиональное образование*. Отток ква-

лифицированного населения регионов Севера усилился в 2002–2010 гг. в четыре раза, а затем стабилизировался, изменяясь в пределах от 3,3 до 3,9‰. В целом по стране на протяжении всего периода наблюдался рост образованного населения, что в очередной раз говорит о низкой миграционной привлекательности северных территорий. Самый большой отток на Севере в 2017 г. наблюдался в Чукотском АО (-12,0‰), в Республике Коми (-6,8) и в Магаданской обл. (-5,8). Положительное сальдо по уровню образования было только в Сахалинской обл. (0,3‰) (табл. 3.6).

Таблица 3.6

**Показатели фактора миграции
для оценки устойчивого развития северных регионов,
2000–2017 гг.**

Регион	Коэффициент миграционного прироста населения					Коэффициент миграционного прироста населения с профессиональным образованием				
	2000	2005	2010	2015	2017	2002	2005	2010	2015	2017
Российская Федерация	2,5	2,0	1,9	1,7	1,4	0,3	0,4	0,4	1,0	0,6
Северные регионы	-6,7	-9,0	-6,7	-6,2	-4,4	-0,9	-2,2	-3,6	-3,9	-3,3
Республика Карелия	-1,3	-11,5	-5,4	-1,2	-3,1	1,0	-0,2	-1,1	-0,8	-1,9
Республика Коми	-10,8	-16,3	-13,9	-10,2	-11,2	-2,2	-3,8	-5,7	-6,3	-6,8
Республика Саха (Якутия)	-9,2	-2,8	-7,1	-5,6	-4,8	-2,2	-3,0	-3,9	-2,9	-3,0
Республика Тыва	-3,7	-9,3	-12,6	-7,6	-3,3	0,1	-0,2	-0,8	-2,8	-1,6
Камчатский край	-14,3	-19,9	-4,1	-5,3	1,7	-3,9	-3,5	-3,4	-4,6	-4,4
Архангельская обл.	-7,9	-7,2	-8,2	-6,8	-6,9	-1,5	-2,1	-3,5	-4,0	-4,2
Магаданская обл.	-38,4	-18,0	-14,1	-11,8	-9,7	-6,1	-8,3	-7,5	-7,2	-5,8
Мурманская обл.	-16,5	-16,9	-6,9	-5,7	-4,6	-4,4	-3,6	-6,9	-4,2	-3,1
Сахалинская обл.	-12,1	-10,5	-6,3	-2,7	4,9	-3,1	-3,2	-3,8	-1,6	0,3
Ненецкий АО	-6,2	-2,1	-5,0	2,3	-5,3	6,2	0,1	-0,5	2,3	-2,0
Ханты-Мансийский АО	12,9	-2,7	0,8	-1,1	-2,5	4,8	-0,5	-0,5	-1,2	-2,2
Чукотский АО	-70,4	7,3	-17,4	-11,7	-13,2	-8,0	-2,0	-9,7	-10,1	-12,0
Ямало-Ненецкий АО	-2,2	-2,4	-8,8	-22,3	-4,5	1,7	0,3	-7,2	-13,3	-3,6
Регионы, частично входящие в Север	-2,2	-5,2	-2,4	-1,3	-1,4	-0,3	-0,7	-1,0	-0,9	-1,0
Регионы, полностью входящие в АЗРФ	-13,8	-10,6	-7,9	-12,1	-4,9	-2,3	-2,0	-6,9	-7,7	-3,6

Третий показатель – коэффициент миграционного прироста населения трудоспособного возраста. Он характеризует миграци-

онный обмен трудовыми ресурсами с другими регионами и странами. Миграционный отток трудоспособного населения может привести к росту демографической нагрузки и ухудшению социального положения территории. Динамика показателя как по Северу в целом, так и по отдельным регионам, близка к двум другим показателям миграции. В Сахалинской обл. и Камчатском крае в 2017 г. был прирост трудоспособного населения, в то время как в Чукотском АО и Республике Коми убыль была самой интенсивной (прилож. 3.4). Три показателя миграции тесно взаимосвязаны, позволяют учитывать трудоспособное и образованное население, необходимое для устойчивого развития экономики Севера, с более высоким весом.

Четвертая группа показателей состава населения по полу и возрасту характеризует достижение целей устойчивого развития «достойная работа и экономический рост» и «уменьшение неравенства». Первый показатель – *доля лиц в трудоспособном возрасте в общей численности населения*. Сокращение удельного веса населения трудоспособного возраста, наблюдаемое сегодня в России, является неизбежным результатом повышения ожидаемой продолжительности жизни и рождаемости, но его социально-экономические последствия могут носить также и негативный характер.

Доля лиц в трудоспособном возрасте на Севере России показывает разнонаправленную динамику: с 2000 по 2005 г. произошло увеличение доли лиц в трудоспособном возрасте с 64,7 до 67,5%, а затем плавное снижение до 58,7% в 2017 г. В 2017 г. самая низкая доля трудоспособного населения была в республиках Тыва – 54,2 и Карелия – 54,8 и в Архангельской обл. – 54,9%. Однако если в Республике Тыва это связано с высоким удельным весом детей, то в европейских регионах – с высоким удельным весом пожилых. В других северных регионах доля трудоспособных выше среднероссийского уровня – 56,3%. Особенно выделяются автономные округа: Ханты-Мансийский – 61,7, Чукотский – 62,8 и Ямало-Ненецкий – 64,7%. Западная Сибирь и Чукотка осваивались позднее других северных регионов, а их структура экономики не отвечает возможностям населения стар-

ших возрастов. Поэтому этим регионам удалось сохранить более молодую возрастную структуру.

Второй показатель – *коэффициент демографической нагрузки лицами старше трудоспособного возраста*. Население большинства регионов Севера уже нельзя охарактеризовать как молодое. По шкале демографического старения ООН возрастную структуру населения 9 из 13 северных регионов России можно определить, как старую (доля населения в возрасте 65 лет и старше превышает 7%), еще трех – как находящуюся на пороге старости (от 4 до 7%) и только Ямало-Ненецкий АО имеет молодое население – доля лиц 65 лет и старше – 3,4%. Рост демографической нагрузки приводит к уменьшению валового продукта на душу населения, замедлению роста доходов населения. На Севере самая высокая нагрузка молодыми в 2017 г. зафиксирована в Республике Тыва – 642, а самая низкая – в Камчатском крае – 311. Наибольшая нагрузка пожилыми сегодня в Карелии – 498, а наименьшая – в Ямало-Ненецком АО – 180 в расчете на 1000 человек трудоспособного возраста.

В 2000–2017 гг. коэффициент демографической нагрузки населением старше трудоспособного возраста на Севере рос быстрее, чем в России, и увеличился на 154 и 108 соответственно. Несмотря на это, в 2017 г. доля пожилых в населении Севера была существенно ниже, чем в среднем по стране. Население старших возрастов склонно мигрировать из наименее благоприятных районов с точки зрения природно-климатических условий и транспортной доступности. Тем не менее, в Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском и Чукотском АО за 18 лет демографическая нагрузка пожилыми выросла почти втрое и по прогнозу продолжит расти в дальнейшем (табл. 3.7).

Третий показатель характеризует соотношение полов, а именно *число женщин на 1000 мужчин*. Чем выше неравенство в числе мужчин и женщин, тем больше это может вызвать проблем на брачном рынке. Гендерный дисбаланс на Севере непрерывно увеличивается. С 2000 г. значение показателя на Севере выросло с 1053 до 1089. Однако в целом по стране женский перевес еще выше – 1156 женщин на

1000 мужчин. В 2017 г. наибольшие диспропорции на Севере отмечались в Карелии – 1192, а единственным регионом Севера России, где женщин меньше, чем мужчин, остается Чукотский АО – 967. Наиболее сбалансированное население в Ямало-Ненецком АО – 1018 (прилож. 3.5). Справочно: по данным Всемирного банка в зарубежных северных странах нет такого гендерного дисбаланса: Финляндия (1029 женщин на 1000 мужчин), Канада (1015), Швеция (998), Исландия (993), Норвегия (982). Среднее значение по всему миру: 982 (Population, 2017).

Таблица 3.7

Показатели состава населения для оценки устойчивого развития северных регионов, 2000–2017 гг.

Регион	Коэффициент демографической нагрузки лицами старше трудоспособного возраста					Доля лиц в трудоспособном возрасте в общей численности населения, %				
	2000	2005	2010	2015	2017	2000	2005	2010	2015	2017
Российская Федерация	346	326	352	412	454	59,3	62,7	62,0	58,4	56,3
Северные регионы	193	194	238	302	347	64,7	67,5	65,6	61,0	58,7
Республика Карелия	312	303	359	444	498	60,9	64,1	61,9	57,2	54,8
Республика Коми	218	214	260	340	395	64,1	67,4	65,4	60,2	57,5
Республика Саха (Якутия)	158	157	191	249	293	62,0	64,8	64,4	60,5	58,4
Республика Тыва	160	152	160	189	212	57,1	60,6	60,3	56,0	54,2
Камчатский край	159	193	255	308	340	68,6	69,0	66,0	62,7	60,8
Архангельская обл.	299	291	340	429	485	61,1	64,2	62,3	57,3	54,9
Магаданская обл.	142	171	238	318	358	69,3	70,5	67,4	62,0	60,1
Мурманская обл.	195	211	271	337	375	67,3	68,9	66,1	61,6	59,4
Сахалинская обл.	218	230	295	372	409	65,4	67,5	64,3	59,6	57,4
Ненецкий АО	175	179	215	275	325	62,6	65,3	63,7	59,6	57,2
Ханты-Мансийский АО	90	103	144	203	255	68,8	71,7	69,7	64,5	61,7
Чукотский АО	90	95	143	193	236	69,5	71,6	68,0	64,9	62,8
Ямало-Ненецкий АО	63	73	105	137	180	69,6	72,2	70,7	67,6	64,7
Регионы, частично входящие в Север	257	251	288	347	386	61,9	65,0	63,7	59,6	57,5
Регионы, полностью входящие в АЗРФ	148	157	203	253	293	68,0	70,0	67,8	64,0	61,5

3.3. Ранжирование северных регионов России по демографическим факторам

По опросу 26 экспертов в области экономики и социологии труда, демографии из российских научных организаций в 2017 г. каждый фактор и показатель получил свой вес (табл. 3.8).

Таблица 3.8

Распределение средневзвешенных весов демографических факторов и показателей для оценки уровня устойчивого развития

Демографические факторы	Влияние на устойчивое развитие, вес фактора	Демографические показатели	Влияние на устойчивое развитие, вес показателя
Рождаемость	0,255	суммарный коэффициент рождаемости	0,462
		доля родившихся живыми у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке, в общем числе родившихся	0,287
		число аборт на 1000 женщин в репродуктивном возрасте	0,251
Ожидаемая продолжительность жизни	0,253	ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	0,289
		коэффициент младенческой смертности	0,256
		разница в ожидаемой продолжительности жизни между мужчинами и женщинами, лет	0,242
		коэффициент смертности от внешних причин	0,213
Миграция населения	0,243	коэффициент миграционного прироста населения	0,361
		коэффициент миграционного прироста населения трудоспособного возраста	0,343
		коэффициент миграционного прироста населения, имеющего профессиональное образование	0,296
Половозрастной состав населения	0,249	доля лиц в трудоспособном возрасте в общей численности населения	0,370
		коэффициент демографической нагрузки лицами старше трудоспособного возраста	0,332
		женщин приходится на 1000 мужчин в составе населения	0,298

**Ранжирование северных регионов по степени устойчивого развития
по демографическим показателям, 2000–2017 гг.**

Степень ур	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2017 г.
62-69 высокая		↑Ханты-Мансийский АО ↑Ямало-Ненецкий АО	Ханты-Мансийский АО Ямало-Ненецкий АО	Ханты-Мансийский АО	Ханты-Мансийский АО ↑Ямало-Ненецкий АО
54-61 средняя	Ханты-Мансийский АО Ямало-Ненецкий АО		↑Ненецкий АО ↑Мурманская обл. ↑Республика Якутия ↑Камчатский край	Ненецкий АО Мурманская обл. Республика Якутия Камчатский край ↓Ямало-Ненецкий АО	Ненецкий АО Мурманская обл. Республика Якутия Камчатский край
46-53 низкая	Республика Коми Ненецкий АО Мурманская обл. Республика Якутия Камчатский край Сахалинская обл.	Республика Коми Ненецкий АО Мурманская обл. Республика Якутия Камчатский край ↑Магаданская обл. ↑Чукотский АО ↑Россия	Республика Коми ↑Республика Карелия ↑Архангельская обл. ↑Республика Тыва ↑Сахалинская обл. Магаданская обл. Чукотский АО Россия	Республика Коми Республика Карелия Архангельская обл. Республика Тыва Сахалинская обл. Магаданская обл. Чукотский АО Россия	Республика Коми Архангельская обл. Республика Тыва Сахалинская обл. Магаданская обл. Чукотский АО Россия
38-45 критиче- ская	Республика Карелия Архангельская обл. Республика Тыва Чукотский АО Магаданская обл. Россия	Республика Карелия Архангельская обл. Республика Тыва ↓Сахалинская обл.			↓Республика Карелия

* – символом ↓ выделены регионы ухудшившие свое положение, ↑ – улучшившие его

Вначале субъекту Российской Федерации с наилучшим значением показателя за 2000, 2005, 2010 и 2015 гг. присваивалось 100 баллов, а с наихудшим – 1 балл. Затем все северные регионы получали значения на отрезке от 1 до 100 методом линейного масштабирования на основе крайних значений. Это позволяет учитывать степень отставания регионов от лидирующих. На втором этапе определялись значения регионов по группам показателей, соответствующих четырем факторам, как среднее арифметическое взвешенное баллов всех входящих в группу показателей. Аналогичным образом на третьем этапе вычислялся итоговый индекс на основе средних значений по четырем факторам. На всех этапах значения округлялись до целых. Максимально возможное значение индекса составляет 100 баллов и может быть достигнуто лишь в том случае, если субъект РФ является российским лидером по всем показателям, входящим в индекс. Минимально возможное значение индекса равно единице.

Далее рассчитываются интегральные индексы; определяется размах их вариации между наибольшим и наименьшим значениями признака (38-66) в изучаемой совокупности по пяти годам. Определен шаг вариации, равный 8 единицам, используя его, были выделены четыре группы, как и в первом подходе. Применяя шаг, равный 8 единицам, увеличился верхний предел в высокой группе до 69, что позволило распределить все регионы по степени демографической устойчивости более равномерно. Затем по величине интегрального индекса все северные регионы были ранжированы по степени устойчивого развития по демографическим показателям (табл. 3.9).

Следует подчеркнуть, что чем выше значение интегрального индекса, тем выше демографическая устойчивость региона. По степени устойчивого развития в критическую группу в 2000 г. попали: Архангельская обл. (41), республики Карелия (41) и Тыва (38), Магаданская обл. (45) и Чукотский АО (40). В 2005 г. критическую зону покинули Магаданская обл. (48) и Чукотский АО (53), но в нее вошла Сахалинская обл. (45). В 2010 и 2015 гг. не было субъектов с критическим уровнем УР, а в 2017 г. в нее вновь вернулась Респуб-

лика Карелия (45). В 2000 г. не было регионов с высоким уровнем демографической устойчивости и лишь два имели средний уровень: Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский АО. Все годы низкий уровень устойчивого развития имели Республика Коми (46-50) и Сахалинская обл. (46-51) (исключение 2005 г. – 45). С 2005 г. высокую демографическую устойчивость стали иметь Ямало-Ненецкий (61-64) и Ханты-Мансийский (62-66) АО.

В устойчивом развитии, оцененном по демографическим показателям, период с 2015 по 2017 г. стал переломным. Индекс устойчивого развития по демографическим показателям сократился с 55 до 54, по России – с 53 до 51. И только регионы, полностью входящие в АЗРФ, улучшили свою устойчивость с 57 до 58. Из 13 регионов девять ухудшили свою устойчивость, Камчатский край сохранил ее на прежнем уровне и только три улучшили свое положение. В Ямало-Ненецком АО устойчивое развитие по демографическим показателям увеличилось с 61 до 64, в Сахалинской обл. – с 51 до 53 и в Республике Тыва – с 50 до 53 (табл. 3.10).

Рассматривая демографическую устойчивость в динамике, можно отметить следующее. С 2000 по 2017 г. Россия увеличила ее на 8 пунктов (п.), Север России и Арктика – на 5 п. Наибольшее приращение демографической устойчивости отмечено в Республике Тыва – 15 и Чукотском АО – 10 п. В Ненецком АО и Сахалинской обл. демографическая устойчивость увеличилась на 7 п. Объяснить это можно тем, что эти регионы в 2000 г. имели самую низкую демографическую устойчивость. В то же время Ханты-Мансийский АО увеличил демографическую устойчивость всего на один пункт, но в 2000 г. он был лидером по демографической устойчивости. Приводя эти цифры, мы хотели подчеркнуть, что демографическая устойчивость не застывший процесс, она имела позитивную динамику благодаря мерам демографической политики (Демографические и миграционные, 2016; Население северных, 2016; Рыбаковский, 2006). Как только действие мер демографической политики ослабевает, демографическая устойчивость снижается.

Таблица 3.10

**Индексы устойчивого развития северных регионов России,
рассчитанные по демографическим показателям, 2000–2017 гг.**

Регион	I. Индекс УР по демографическим показателям					в том числе по демографическим факторам, 2017 г.			
	2000	2005	2010	2015	2017	рождаемость	продолжительность жизни	миграция	половозрастной состав
Российская Федерация	43	46	52	53	51	55	77	53	20
Северные регионы	49	50	54	55	54	53	75	45	41
Республика Карелия	41	42	46	47	45	51	72	46	10
Республика Коми	46	46	50	50	48	52	72	36	31
Республика Саха (Якутия)	48	51	54	55	54	47	74	45	48
Республика Тыва	38	42	49	50	53	58	63	48	42
Камчатский край	50	51	55	57	57	52	74	48	57
Архангельская обл.	41	41	47	47	46	51	71	41	18
Магаданская обл.	45	48	50	50	49	42	69	39	46
Мурманская обл.	51	51	54	55	54	54	76	45	41
Сахалинская обл.	46	45	48	51	53	52	69	55	36
Ненецкий АО	47	48	54	59	54	55	70	45	44
Ханты-Мансийский АО	61	62	66	65	62	59	83	47	58
Чукотский АО	40	53	49	53	50	49	57	28	64
Ямало-Ненецкий АО	59	63	63	61	64	57	81	45	74
Регионы, частично входящие в Север	44	46	51	53	51	52	73	49	32
Регионы, полностью входящие в АЗРФ	53	55	57	57	58	55	77	44	55

Следует также подчеркнуть, что за все рассматриваемые годы устойчивое развитие, оцененное по демографическим показателям, в среднем по северным регионам было выше российского уровня: в 2000 г. это соотношение составляло 49/43, в 2005 г. – 50/46, в 2010 г. – 54/52, в 2015 г. – 55/53 и в 2017 г. – 54/51. Но, как видно, это преимущество до 2015 г. постоянно уменьшалось, а в 2017 г. незначительно возросло с 2 до 3 пунктов. Сокращение разницы в уровне устойчивого развития за 18 лет можно объяснить продолжающимся

миграционным оттоком населения. В 2000 г. значение индекса «миграция» по Северу составляло 48, а по России – 53; в 2015 г. оно составляло 43/53, а в 2017 г. – 45/53. Преимущество в УР северным регионам обеспечивала более прогрессивная «половозрастная структура населения» – 2000 г. – 68/36, в 2015 г. – 49/27 и в 2017 г. – 41/20. Но видно, что это преимущество постоянно уменьшается. Также можно отметить, что регионы, полностью входящие в арктическую зону России, имеют более высокий уровень УР, чем по стране в целом и ее северным регионам.

Однако, несмотря на более высокую демографическую устойчивость Севера России в целом, в разрезе отдельных регионов по демографическим факторам наблюдается значительная дифференциация и отставание от российского уровня. Есть явные лидеры по всем факторам, а есть и явные аутсайдеры – за весь анализируемый период и по всем факторам.

Анализ четырех демографических факторов за 2000–2017 гг. показывает, что по уровню рождаемости в 2000 г. семь регионов имели худшие показатели по отношению к российскому уровню, в 2005 г. – десять, в 2010–2017 гг. – девять. Все годы высокую рождаемость имели Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский АО, с 2010 г. к ним присоединилась Республика Тыва. Неоднозначную динамику в рождаемости демонстрирует Ненецкий АО: рост индекса с 34 в 2000 г. до 61 в 2015 г. и сокращение до российского уровня в 2017 г. – 55.

По ожидаемой продолжительности жизни в 2000 г. лучшие показатели имели четыре субъекта: Мурманская обл., Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО, Камчатский край. В 2005 г. к группе лидеров присоединилась Республика Саха (Якутия). В 2010 г. в лидерах остались Мурманская обл., Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО, а в 2015 и 2017 гг. – только два АО.

Негативное влияние на уровень демографической устойчивости оказывает миграционный отток населения. В 2000 г. только два региона имели значение индекса лучше среднероссийского – Ненецкий и Ханты-Мансийский АО, Республика Карелия имела индекс равный

российскому. В 2005–2010 гг. все регионы имели худшее значение, в 2015 г. улучшил свое положение Ненецкий АО – 56/53, а в 2017 г. сократила миграционный отток Сахалинская обл. – 55/53.

Следует особо подчеркнуть, что благодаря возрастной структуре Север России все годы имел уровень/индекс демографической устойчивости выше российского уровня. Практически все годы все северные регионы имели индекс «половозрастной состав населения» выше российского. Исключение составили Республика Карелия в 2010–2017 гг. и Архангельская обл. в 2015–2017 гг. (табл. 3.11).

Таблица 3.11

**Индексы устойчивого развития северных регионов России,
рассчитанные по демографическим факторам,
2000–2017 гг.**

Регион	1. Рождаемость					2. Продолжительность жизни населения				
	2000	2005	2010	2015	2017	2000	2005	2010	2015	2017
Российская Федерация	33	38	49	57	55	49	52	66	73	77
Северные регионы	31	34	47	56	53	48	50	64	70	75
Республика Карелия	29	31	43	53	51	42	43	59	66	72
Республика Коми	28	31	44	55	52	48	45	61	66	72
Республика Саха (Якутия)	35	36	46	52	47	47	53	61	69	74
Республика Тыва	30	35	54	60	58	20	28	41	51	63
Камчатский край	28	30	40	56	52	51	53	62	67	74
Архангельская обл.	27	28	41	52	51	43	42	60	69	71
Магаданская обл.	25	28	33	43	42	40	49	59	69	69
Мурманская обл.	36	39	50	56	54	54	53	70	71	76
Сахалинская обл.	25	29	37	51	52	47	38	56	64	69
Ненецкий АО	34	32	46	61	55	30	35	56	68	70
Ханты-Мансийский АО	34	41	55	62	59	56	64	75	79	83
Чукотский АО	33	35	46	50	49	37	41	36	58	57
Ямало-Ненецкий АО	36	41	51	62	57	59	61	72	76	81
Регионы, частично входящие в Север	28	32	45	55	52	43	44	59	68	73
Регионы, полностью входящие в АЗРФ	36	39	50	58	55	54	55	69	73	77

Регион	3. Миграция населения					4. Половозрастной состав населения				
	2000	2005	2010	2015	2017	2000	2005	2010	2015	2017
Российская Федерация	53	52	53	53	53	36	42	38	27	20
Северные регионы	48	45	43	43	45	68	71	63	49	41
Республика Карелия	53	49	48	49	46	41	45	34	19	10
Республика Коми	44	41	38	37	36	64	67	57	41	31
Республика Саха (Якутия)	44	45	42	44	45	68	72	68	55	48
Республика Тыва	50	48	45	43	48	51	56	55	46	42
Камчатский край	40	41	46	43	48	80	83	71	63	57
Архангельская обл.	46	46	42	42	41	48	51	42	26	18
Магаданская обл.	28	32	35	36	39	87	83	71	53	46
Мурманская обл.	39	41	38	43	45	76	72	59	47	41
Сахалинская обл.	42	43	43	48	55	69	69	56	42	36
Ненецкий АО	57	51	48	56	45	69	74	65	52	44
Ханты-Мансийский АО	64	50	52	50	47	91	93	84	68	58
Чукотский АО	10	48	29	32	28	81	86	84	71	64
Ямало-Ненецкий АО	52	51	37	21	45	91	99	92	85	74
Регионы, частично входящие в Север	50	49	49	49	49	54	58	51	39	32
Регионы, полностью входящие в АЗРФ	43	45	38	34	44	81	82	72	63	55

3.4. Демографические структуры населения Севера России

Подтвердить влияние половозрастной структуры на демографическую устойчивость можно следующими данными. Под влиянием миграций на Севере выше доля детей и лиц в трудоспособном возрасте и ниже доля лиц старших, нетрудоспособных возрастов. Однако преимущество 1970–1980-х гг. становится сегодня менее выраженным (табл. 3.12).

Если в среднем по России доля лиц старше трудоспособного возраста в 2010 г. составляла 22,2%, то в районах Севера – 15,9%. В относительно обжитых районах Севера, где постепенно формируется стабильное в миграционном отношении население, видна тен-

денция приближения к российским возрастным пропорциям. Так, в Архангельской обл. и Республике Карелия доля пожилого населения превышает 20%. Доля пожилых людей выше, чем в среднем по районам Крайнего Севера, в таких субъектах, как: Магаданская, Мурманская и Сахалинская обл.; Камчатский край и Республика Коми. Доля лиц старше трудоспособного возраста колеблется от 16,7 до 19,6%. К числу самых молодых относятся регионы Азиатского Севера: Ямало-Ненецкий (7,8%), Чукотский (10,3%), Ханты-Мансийский (10,6%) АО и Республика Тыва (9,8%).

Таблица 3.12

Удельный вес возрастных групп в общей численности населения северных регионов по данным переписей населения за 1989–2010 гг., %

Регион	1989 г.			2002 г.			2010 г.		
	Население в возрасте								
	моложе трудоспособного	трудоспособном	старше трудоспособного	моложе трудоспособного	трудоспособном	старше трудоспособного	моложе трудоспособного	трудоспособном	старше трудоспособного
Российская Федерация	24,5	57,0	18,5	18,2	61,3	20,5	16,2	61,6	22,2
Север России	29,3	61,8	8,9	21,2	66,2	12,6	19,2	64,9	15,9
Европейский Север	27,0	60,6	12,4	18,7	64,9	16,4	16,7	63,2	20,1
Республика Карелия	25,6	58,4	16,0	18,0	62,9	19,1	16,0	61,2	22,8
Республика Коми	28,0	62,1	9,9	19,8	66,1	14,1	17,7	64,7	17,6
Архангельская обл.	26,6	58,0	15,4	18,7	62,7	18,6	16,7	61,6	21,7
Ненецкий АО	30,9	61,4	7,7	25,4	63,0	11,6	22,7	63,0	14,3
Мурманская обл.	27,4	64,0	8,6	18,1	68,4	13,5	16,2	65,5	18,3
Азиатский Север	31,5	63,1	5,4	23,5	67,5	9,0	21,2	66,4	12,4
Республика Саха (Якутия)	32,6	61,0	6,4	26,5	63,5	10,0	23,3	64,0	12,7
Республика Тыва	37,3	54,9	7,8	31,9	59,0	9,1	30,5	59,7	9,8
Камчатский край	28,2	66,5	5,3	18,8	68,9	12,3	17,1	65,6	17,3
Магаданская обл.	28,8	66,7	4,5	19,1	69,8	11,1	16,8	66,5	16,7
Сахалинская обл.	27,2	62,7	10,1	18,6	66,5	14,9	16,7	63,7	19,6
Ханты-Мансийский АО	33,2	63,3	3,5	22,8	70,4	6,8	20,4	69,0	10,6
Ямало-Ненецкий АО	32,8	65,2	2,0	24,9	70,5	4,6	22,0	70,2	7,8
Чукотский АО	30,6	67,5	1,9	23,2	70,1	6,7	22,4	67,3	10,3

В районах Севера намного выше российского уровня доля трудоспособного населения. Она составляет 64,9% против 61,6% для России в целом (перепись населения 2010 г.). Максимальна доля трудоспособного населения в районах Азиатского Севера (66,4%). В число территорий, где доля трудовых ресурсов выше среднего уровня, входит Магаданская обл., а также Ханты-Мансийский, Чукотский и Ямало-Ненецкий АО. В период с 1989 по 2010 г. в населении северных территорий доля детей уменьшилась с 29,3 до 19,2%, или на 10,1 п.п. По России доля детей уменьшилась с 24,5 до 16,2%, или на 8,3 п.п. (Демографические и миграционные, 2016, с. 77–80).

На Севере России в период с 1979 по 2010 г. доля мужчин была незначительно, но выше, чем по стране в целом. Такое положение можно объяснить интенсивностью миграционных потоков всех предшествующих лет. На Азиатском Севере, где сохраняется высокая миграционная подвижность населения и по прибытию, и по убытию, выше удельный вес мужчин (табл. 3.13).

Таблица 3.13

Удельный вес мужчин в общей численности населения северных регионов по данным переписей населения за 1979–2010 гг. и на начало 2018 г., %

Регион	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.	2018 г.
Российская Федерация	46,0	46,7	46,6	46,2	46,4
Север России	49,8	50,2	48,5	47,9	48,0
Европейский Север	48,9	49,3	47,6	46,9	47,0
Республика Карелия	47,0	47,6	46,3	45,6	45,6
Республика Коми	50,6	50,6	47,9	47,2	47,2
Архангельская обл.	47,9	48,7	47,1	46,7	46,9
Ненецкий АО	51,8	51,7	49,5	48,7	48,7
Мурманская обл.	49,7	49,8	48,8	47,7	48,0
Азиатский Север	51,1	51,0	49,4	48,8	48,7
Республика Саха (Якутия)	50,3	50,4	48,9	48,6	48,5
Республика Тыва	49,2	49,1	47,4	47,4	47,9
Камчатский край	52,4	52,1	50,9	49,6	49,9
Магаданская обл.	51,3	51,5	49,1	48,7	48,4
Сахалинская обл.	50,2	50,2	48,5	48,1	48,2
Ханты-Мансийский АО	52,2	51,3	49,7	49,0	48,7
Ямало-Ненецкий АО	53,5	52,4	50,3	49,6	49,6
Чукотский АО	52,5	52,6	52,6	50,1	50,8

В разрезе отдельных северных регионов можно отметить, что если в 1979 г. мужской перевес в численности населения имели девять регионов: республики Коми и Саха (Якутия); Камчатская, Магаданская и Сахалинская обл.; Ненецкий, Ханты-Мансийский, Чукотский и Ямало-Ненецкий АО, то в 2010 г. мужчин было больше только в Чукотском АО. В 2018 г. мужской перевес сохранился на Чукотке, а в Республике Карелия доля мужчин стала ниже, чем в среднем по России (45,6%).

Глава 4.

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ: ТРУДОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

4.1. Показатели устойчивого развития социально-трудовых отношений

Трудовые факторы оценки устойчивого развития, как правило, рассматриваются в социальном блоке систем индикаторов устойчивого развития, либо в рамках отдельных исследований социальной устойчивости, т.е. исследований, акцент в которых делается на социальных, а не экономических и экологических составляющих устойчивого развития. Различные теоретические подходы к социальной устойчивости выдвигают на первый план разные индикаторы (Widok, 2009, с. 46). Так, теории справедливости нацелены на измерение различных видов неравенства: территориального, отраслевого, гендерного, между поколениями и др. Сторонники капитального подхода измеряют показатели человеческого, трудового и социального капитала: качественные характеристики населения, инвестиции в знания, навыки и здоровье, меры сплоченности общества. Приверженцы институциональной теории применяют индикаторы функционирования социальных институтов. Исследователи корпоративных отношений используют показатели социальной ответственности бизнеса. В ра-

боте К. ван Треек предлагается оценить устойчивое развитие с позиции трудовых факторов. Подход состоит в оценке доли доходов от трудовой деятельности в валовом внутреннем продукте, т.е. доли дохода, связанной с трудом. Показатель нацелен на достижение цели устойчивого развития «достойная работа для всех». Высокодоходная работа рассматривается в качестве пути выхода из нищеты и сокращения неравенства в доходах. Однако такой доход не лишен недостатков. Он рассматривает устойчивость лишь с одной стороны, игнорируя и отраслевую структуру занятости, и гендерное неравенство, и многие другие важные факторы устойчивости (Katharina van Treeck, 2017).

Система глобальных показателей достижения целей в области устойчивого развития ООН (Система глобальных, 2016) включает 14 показателей, отражающих социально-трудовые отношения. На три показателя меньше использует Межгосударственный статистический комитет Содружества Независимых Государств – 11 (Перечень показателей, 2016). По десять показателей включают системы Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) (Measuring Distance, 2017) и России (Календарь публикации, 2017). Всемирный банк (ВБ) (World Development, 2017) предлагает девять показателей. И всего шесть показателей рекомендовала Конференция европейских статистиков по измерению устойчивого развития. За исключением показателей КЕС (Рекомендации Конференции, 2014), все показатели пяти систем призваны количественно оценить ту или иную цель «Повестки дня – 2030» (табл. 4.1).

Анализируя шесть представленных систем показателей устойчивого развития социально-трудовой сферы, можно отметить следующее. Только один показатель имеет сквозное значение – ежегодные темпы роста реального ВВП на каждого занятого (индекс производительности труда). Четыре показателя представлены в пяти системах. К их числу относятся: а) доля времени, затрачиваемого на неоплачиваемый труд по уходу и работу по дому, в разбивке по полу, возрасту и месту проживания; б) уровень безработицы в разбивке по

полу, возрасту и признаку инвалидности; в) доля молодежи (в возрасте от 15 до 24 лет), которая не учится, не работает и не приобретает профессиональных навыков; г) доля женщин на руководящих должностях. Еще пять показателей: а) доля неформальной занятости в несельскохозяйственных секторах в разбивке по полу; б) доля и число детей в возрасте от 5 до 17 лет, занятых детским трудом, в разбивке по полу и возрасту; в) уровень участия взрослых и молодежи в формальных и неформальных видах обучения и профессиональной подготовки в последние 12 месяцев в разбивке по полу; г) занятость в обрабатывающей промышленности в процентах от общей занятости; д) количество исследователей (в эквиваленте полной занятости) на миллион жителей представлены в четырех системах. Одиннадцать показателей присутствуют только в одной из шести систем.

Таблица 4.1

**Системы показателей устойчивого развития
социально-трудовой сферы**

Код	Показатель	Система показателей					
		ООН	ВБ	ОЭСР	СНГ	РФ	КЕС
4.3.1	Уровень участия взрослых и молодежи в формальных и неформальных видах обучения и профессиональной подготовки в последние 12 месяцев в разбивке по полу	+	+	+	+		
5.4.1	Доля времени, затрачиваемого на неоплачиваемый труд по уходу и работу по дому, в разбивке по полу, возрасту и месту проживания	+	+	+ ³	+	+ ⁷	
5.5.2	Доля женщин на руководящих должностях	+	+ ¹	+ ⁴	+	+	
8.2.1	Ежегодные темпы роста реального ВВП на каждого занятого (индекс производительности труда)	+	+	+ ⁵	+	+	+
8.3.1	Доля неформальной занятости в несельскохозяйственных секторах в разбивке по полу	+	+		+	+	
8.5.2	Уровень безработицы в разбивке по полу, возрасту и признаку инвалидности	+	+	+	+	+	
8.6.1	Доля молодежи (в возрасте от 15 до 24 лет), которая не учится, не работает и не приобретает профессиональных навыков	+	+	+	+	+	

Код	Показатель	Система показателей					
		ООН	ВБ	ОЭСР	СНГ	РФ	КЕС
8.7.1	Доля и число детей в возрасте от 5 до 17 лет, занятых детским трудом, в разбивке по полу и возрасту	+	+ ²		+	+	
8.8.1	Производственный травматизм со смертельным и несмертельным исходом в разбивке по полу и миграционному статусу	+			+	+ ⁸	
8.8.2	Ситуация с соблюдением трудовых прав на национальном уровне в разбивке по полу и миграционному статусу	+					
8.8.2	Индекс напряженности работы (превышение требований работы над ресурсами: нехватка времени, риски для здоровья, невозможность обучения)			+			
8.b.1	Наличие разработанной и осуществляемой национальной стратегии молодежной занятости	+					
8.b.1	Доля государственных расходов на программы социальной защиты и трудоустройства в государственном бюджете и ВВП стран				+		
9.2.2	Занятость в обрабатывающей промышленности в процентах от общей занятости	+		+	+	+	
9.5.2	Количество исследователей (в эквиваленте полной занятости) на миллион жителей	+	+	+ ⁶		+	
10.7.1	Затраты работника на трудоустройство в процентах от его годового дохода в стране назначения	+					
10.7.1	Разница в уровне безработицы между мигрантами и местным населением			+			
	Уровень занятости						+
	Уровень занятости среди женщин						+
	Уровень занятости среди молодежи						+
	Отработанные часы (среднее число часов работы в неделю)						+
	Средний возраст выхода с рынка труда						+

Внесены уточнения: ¹ включая долю женщин в национальных парламентах, ² в возрасте от 7 до 14 лет, ³ разница между мужчинами и женщинами, ⁴ доля мест в советах крупнейших компаний, занятых женщинами, ⁵ на час работы, ⁶ в составе рабочей силы, ⁷ неоплачиваемый труд по уходу за ребенком и работу по дому, ⁸ без разбиения по миграционному статусу

Практически все существующие системы включают показатели социально-трудовых отношений и уровня жизни. Провести между ними четкую грань довольно сложно, сделать это можно лишь условно. Однако в силу того, что каждая группа показателей оценивает разные социально-экономические процессы и стороны жизнедеятельности человека, целесообразно рассмотреть их отдельно. Близкой точки зрения придерживаются и авторы (Рябова, Торопушина, Корчак и др., 2016; Шабунова, Леонидова, 2011; Ускова, Копасова, 2008).

4.2. Показатели устойчивого развития уровня жизни

Система глобальных показателей достижения целей в области устойчивого развития ООН и Межгосударственный статистический комитет Содружества Независимых Государств включили по семь показателей, отражающих уровень бедности и показатели рынка труда. По пять показателей включают Организация экономического сотрудничества и развития и Россия. Всемирный банк предлагает четыре показателя. И всего два показателя рекомендовала Конференция европейских статистиков по измерению устойчивого развития уровня жизни (табл. 4.2).

Рассматривая представленные системы показателей устойчивого развития уровня жизни, можно отметить следующее. Два показателя представлены в пяти системах: а) доля населения, живущего за международной чертой бедности, в разбивке по полу, возрасту, статусу занятости и месту проживания (городское/сельское население); б) темпы роста расходов домохозяйств или доходов на душу населения среди наименее обеспеченных 40% населения и среди населения в целом (их не включила КЕС). Три показателя в разном сочетании представлены в четырех системах. Еще один показатель используется в трех системах: доля мужчин, женщин и детей всех возрастов, живущих в нищете во всех ее проявлениях, согласно национальным оп-

ределениям. Три показателя используются только отдельными системами. Два показателя применяет лишь ОЭСР: отношение дохода к уровню бедности и качество заработка (взаимосвязь доходов и благополучия работников). Достаточно универсальный коэффициент Джини рекомендован лишь КЕС.

Таблица 4.2

Системы показателей устойчивого развития уровня жизни

Код	Показатель	Система показателей					
		ООН	ВБ	ОЭСР	СНГ	РФ	КЕС
1.1.1	Доля населения, живущего за международной чертой бедности, в разбивке по полу, возрасту, статусу занятости и месту проживания (городское/сельское)	+	+ ¹	+ ³	+	+	
1.2.1	Доля населения страны, живущего за официальной чертой бедности, в разбивке по полу и возрасту	+	+ ²		+	+	
1.2.1	Отношение дохода к уровню бедности			+			
1.2.2	Доля мужчин, женщин и детей всех возрастов, живущих в нищете во всех ее проявлениях, согласно национальным определениям	+	+ ²		+		
8.5.1	Средний почасовой заработок женщин и мужчин в разбивке по роду занятий, возрасту и признаку инвалидности	+			+	+ ⁴	+
8.5.1	Качество заработка (взаимосвязь доходов и благополучия работников)			+			
10.1.1	Темпы роста расходов домохозяйств или доходов на душу населения среди наименее обеспеченных 40 процентов населения и среди населения в целом	+	+	+	+	+	
10.2.1	Доля людей с доходом ниже 50 процентов медианного дохода в разбивке по полу, возрасту и признаку инвалидности	+			+		
10.4.1	Доля доходов трудящихся в ВВП, в том числе заработная плата и выплаты по линии социальной защиты	+		+	+	+	
	Коэффициент Джини						+

Внесены уточнения: ¹ менее \$1.25 в день, ² всего, городское и сельское население, ³ менее \$1.90 в день, ⁴ без разбиения по признаку инвалидности

4.3. Методика расчета индекса устойчивого развития по трудовым показателям

Выбраны четыре трудовых фактора: величина доходов населения, дифференциация доходов, безработица и структура занятости. Каждый фактор включает ряд показателей.

Первая группа – трудовые показатели величины доходов оценивает достижение целей «достойная работа и экономический рост», «хорошее здоровье и благополучие», «ликвидация нищеты» и «уменьшение неравенства». Устойчивое развитие предполагает высокий уровень жизни населения, которого нельзя добиться без роста доходов населения.

Первый показатель – *отношение среднего дохода к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг*. Он характеризует не только объем денежных доходов населения, но и его покупательную способность. Показатель чрезвычайно сильно варьируется на Севере по годам и по регионам. Так в 2000 г. в десяти регионах он был меньше единицы, а самым низким в Республике Тыва – 0,416. Только в двух регионах его величина приблизилась к двум: в Ханты-Мансийском – 1,775 и Ямало-Ненецком – 1,774 АО. В 2005 г. отношение среднего дохода к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг меньше единицы имела лишь Республика Тыва – 0,884, а больше трех – Ямало-Ненецкий АО – 3,025. К 2015 г. практически все северные регионы улучшили свое материальное положение, только три региона имели коэффициент меньше двух. С 2015 по 2017 г. коэффициент уменьшился как по России, так и по Северу и каждому его региону. Свои лидерские позиции сохранили Ямало-Ненецкий – 3,635 и Ненецкий – 3,559 АО.

Учитывается один показатель структуры расходов – *доля потребительских расходов домохозяйств на покупку продуктов питания*. Этот показатель имеет важное значение для оценки уровня жизни населения. В XIX в. на основе обследований семейных бюджетов немецким экономистом Э. Энгелем была описана закономерность сни-

жения доли расходов на питание по мере роста общих доходов домохозяйств. Современная мировая практика полностью подтверждает справедливость выводов Энгеля (Корчак, 2016, с. 84). Так, доля расходов на продукты питания в странах с высоким уровнем жизни, как правило, составляет 10–15% от расходов домохозяйств (Россияне тратят, 2013), в странах с низким уровнем жизни эта доля превышает 50% (Ибрагимов, 2012). В 2017 г. в среднем по регионам Севера России расходы на питание занимали 31,7% в структуре потребительских расходов домохозяйств. Наибольший удельный вес такие расходы составляют в первой, наименьшие – в пятой группе населения. Например, в Республике Коми в 2017 г. 45,2% потребительских расходов первой группы с наименьшими располагаемыми ресурсами тратилось на питание, а в домохозяйствах с наибольшими среднедушевыми располагаемыми ресурсами – только 29,2% (Доходы, расходы, 2018, с. 16).

По нашим расчетам в 2000 г. доля потребительских расходов домохозяйств на покупку продуктов питания по России составляла 49,4, а по Северу – 46,0%. Выше доля расходов на продукты питания отмечена в Чукотском АО – 68,6, Магаданской обл. – 55,4, республиках Тыва – 53,9 и Карелия – 53,0%. К 2017 г. все регионы снизили долю расходов на продукты питания: Ханты-Мансийский АО – до 26,1 и Мурманская обл. – до 29,4%. По-прежнему высокие расходы на продукты питания несут жители Чукотского АО – 40,0 и республик Тыва – 38,7 и Карелия – 37,9%. По России на продукты питания тратилось 34,3, по Северу – 31,7 и по АЗРФ – 31,1% (табл. 4.3).

Третий показатель – *отношение средней заработной платы в регионе к средней заработной плате по стране* – сопоставляет заработную плату в отдельных регионах с российским уровнем, демонстрирует конкурентоспособность рынка труда региона. Разумеется, размер заработной платы зависит от региона, в котором проживает работник, действия систем гарантий и компенсаций, отраслевой специализации, территориальной структуры экономики. Это – основной фактор. Еще на конечную сумму влияет уровень образования и профессиональные навыки.

Таблица 4.3

**Показатели фактора величины доходов для оценки
устойчивого развития северных регионов, 2000–2017 гг.**

Регион	Отношение среднего дохода к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг					Доля потребительских расходов домохозяйств на покупку продуктов питания, %				
	2000	2005	2010	2015	2017	2000	2005	2010	2015	2017
Российская Федерация	0,811	1,722	2,175	2,273	2,138	49,4	36,1	32,9	35,3	34,3
Северные регионы	1,093	1,970	2,298	2,449	2,280	46,0	36,0	31,0	32,4	31,7
Республика Карелия	0,859	1,580	1,793	1,782	1,679	53,0	40,8	33,8	36,6	37,9
Республика Коми	1,051	2,057	2,164	2,280	1,935	49,4	30,2	35,1	34,7	35,6
Республика Саха (Якутия)	0,995	1,702	2,070	2,260	2,150	49,7	34,6	36,9	36,7	35,2
Республика Тыва	0,416	0,884	1,252	1,241	1,050	53,9	34,5	35,4	38,7	38,7
Камчатский край	0,791	1,325	1,752	1,789	1,692	46,2	35,6	31,9	35,3	29,9
Архангельская обл.	0,765	1,587	1,993	2,204	2,046	50,2	33,4	30,1	34,0	31,0
Магаданская обл.	0,929	1,719	2,239	2,552	2,352	55,4	37,3	37,2	42,4	37,7
Мурманская обл.	0,973	1,650	2,174	2,271	2,145	48,6	34,1	30,8	30,7	29,4
Сахалинская обл.	0,680	1,688	2,464	2,921	2,740	46,3	39,5	29,8	33,5	31,0
Ненецкий АО	0,816	2,764	3,780	3,712	3,559	41,5	31,1	24,3	32,9	34,0
Ханты-Мансийский АО	1,775	2,797	2,773	2,745	2,545	33,6	43,7	24,6	26,1	26,1
Чукотский АО	0,802	1,999	2,468	2,937	2,789	68,6	35,1	48,1	39,1	40,0
Ямало-Ненецкий АО	1,774	3,025	3,364	3,805	3,635	33,3	27,4	28,1	27,8	32,2
Регионы, частично входящие в Север	0,853	1,663	2,050	2,185	2,015	45,2	31,3	31,4	33,3	32,2
Регионы, полностью входящие в АЗРФ	1,238	2,183	2,677	2,938	2,801	44,0	31,7	30,3	30,0	31,1

В 2000 г. отношение средней заработной платы Севера к средней заработной плате по стране составляло 211,9, в 2010 г. – 152,8 и в 2017 г. – 148,4%. То есть можно заключить, что средняя заработная плата по стране росла быстрее, чем в северных регионах. В 2000 г. в Республике Тыва средняя зарплата была ниже российской – 71,2% (как и в последующие годы), а в двух субъектах незначительно ее превышала – в Республике Карелия – 115,1 и Архангельской обл. – 117,9%. Самую высокую зарплату имели работники в Ханты-Мансийском – 381,9 и Ямало-Ненецком – 403,2% АО от российского уровня. К 2017 г. дифференциация в оплате труда на Севере и в российских регионах стала не такой существенной. В Республике Карелия она стала ниже российского уровня – 87,9, в Архангель-

ской обл. – 109,7 и Республике Коми – 116,7% незначительно превышает средний уровень. Двукратное превышение демонстрируют два региона: Чукотский – 234,9 и Ямало-Ненецкий – 229,6% АО. Регионы, полностью входящие в Арктику, имеют лучшее соотношение зарплат: в 2000 г. – 254,3, в 2010 г. – 187,3 и в 2017 г. – 176,8% (прилож. 4.1).

Вторая группа – трудовые показатели дифференциации доходов характеризует достижение тех же целей, что и предыдущая группа. Рост неравенства носит глобальный характер. Он вызван сокращением работников со средней заработной платой в результате механизации труда и внедрения аутсорсинга (Дитон, 2016, с. 290–291). В России и на российском Севере неравенство усугубляется разрывом в уровне доходов между работниками отраслей экономики, между городом и селом, мужчинами и женщинами.

Первый показатель характеризует бедность – *доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума*. С 2000 по 2017 г. уровень бедности сократился как по стране в целом, так и по ее северным регионам: с 29,0 до 13,2 и с 26,2 до 14,8%, соответственно. Следует обратить внимание, что в 2000 и 2005 гг. уровень бедности на Севере был ниже российского уровня, в последующие годы он стал его превосходить. Также можно отметить, что с 2010 г. уровень бедности стал расти как по северным регионам, так и по России в целом. В 2000 г. самая высокая доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума была в Республике Тыва – 77,9, в Чукотском АО – 50,1, Сахалинской обл. – 39,6 и Ненецком АО – 37,9%. Меньше всего бедных было в Ханты-Мансийском – 11,8 и Ямало-Ненецком – 11,1% АО. К 2017 г. Республика Тыва сократила уровень бедности до 41,5 (на 36,4 п.п.), Чукотский АО – до 10,2 (на 39,9 п.п.) и Сахалинская обл. – до 9,7% (на 29,9 п.п.), что ниже уровня в Ханты-Мансийском АО (12,6%), в котором произошло увеличение доли на 0,8 п.п. по сравнению с 2000 г. В регионах, полностью входящих в АЗРФ, доля населения с денежными доходами ниже величины про-

житочного минимума все годы была ниже, чем по Северу и стране в целом: 2000 г. – 21,5 и 2017 г. – 10,4%.

Отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин показывает степень гендерного равенства/неравенства на рынке труда. В последние годы женщинам платят значительно меньше, чем мужчинам. Разница в заработках мужчин и женщин, как правило, объясняется неравенством в распределении мужчин и женщин по отдельным профессиям и отраслям (горизонтальной сегрегацией), неравенством в заработной плате в рамках профессий и видов деятельности (вертикальной сегрегацией) и низкой оценкой той работы, которой занимаются женщины. Если бы основной причиной неравного вознаграждения были различия в качественных характеристиках рабочей силы мужчин и женщин, то можно было бы ожидать, что одинаковые показатели уровня экономической активности и уровня образования приведут и к одинаковому уровню заработной платы. Но этого не происходит.

За весь анализируемый период (2001–2015 гг.) женщины получали заработную плату значительно меньше мужчин – от 30 до 40%. При этом эта разница существеннее в АЗРФ, затем на Севере и менее выражена в целом по России. В 2001 г. наиболее значимой разница в заработной плате женщин к заработной плате мужчин была в Ямало-Ненецком АО – 51,6, в Республике Коми – 56,5 и в Ненецком АО – 56,8. Имели практически одинаковую заработную плату жители Республики Тыва – 95,2, не так сильно выраженную разницу в зарплате жители Чукотского АО – 79,2%. К 2015 г. разница в зарплате мужчин и женщин уменьшилась по России на 9,4 п.п., по Северу – на 6,3 и по АЗРФ – на 11,7 (табл. 4.4).

Ликвидация нищеты выступает одной из центральных целей устойчивого развития. Для оценки уровня неравенства используют *коэффициент Джини (Gini coefficient)* – это количественный показатель, показывающий степень неравенства различных вариантов распределения доходов, разработанный итальянским экономистом, статистиком и демографом Коррадо Джини (1884–1965 гг.). Чем

выше неравенство в распределении доходов, тем больше коэффициент приближается к единице (абсолютное неравенство – все достается одному человеку). И чем выше равенство в распределении доходов, тем меньше данный коэффициент. При абсолютном равенстве он достигает нуля (идеальное равенство – все получают поровну). Опыт развитых стран свидетельствует, что неравенство в распределении доходов со временем сокращается.

Таблица 4.4

**Показатели фактора дифференциации доходов
для оценки устойчивого развития северных регионов,
2000–2017 гг.**

Регион	Доля населения с денежными доходами ниже региональной величины прожиточного минимума в общей численности населения субъекта РФ, %					Отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин, %			
	2000	2005	2010	2015	2017	2001	2005	2009	2015
Российская Федерация	29,0	17,8	12,5	13,3	13,2	63,2	60,7	65,3	72,6
Северные регионы	26,2	16,1	13,8	14,7	14,8	62,5	61,4	64,7	68,8
Республика Карелия	22,3	15,9	14,9	16,4	17,3	67,3	61,4	69,4	67,1
Республика Коми	26,3	14,9	15,6	15,0	17,1	56,5	58,4	60,8	63,6
Республика Саха (Якутия)	28,3	20,0	19,0	19,0	20,0	64,0	63,5	58,1	71,4
Республика Тыва	77,9	44,4	29,6	38,3	41,5	95,2	98,0	96,3	81,2
Камчатский край	32,1	25,2	19,5	17,9	18,4	59,7	75,7	72,9	85,4
Архангельская обл.	33,5	17,5	14,0	15,8	13,4	65,0	54,1	57,1	63,3
Магаданская обл.	30,9	18,6	13,6	13,2	13,4	66,0	63,5	66,5	77,9
Мурманская обл.	24,9	19,1	13,2	12,7	12,6	58,0	59,3	57,2	68,3
Сахалинская обл.	39,6	18,2	11,0	9,7	9,7	68,6	54,8	60,8	63,4
Ненецкий АО	37,9	9,0	7,5	9,7	11,4	56,8	58,0	76,6	74,6
Ханты-Мансийский АО	11,8	7,7	10,3	12,8	12,6	61,4	64,0	71,0	70,3
Чукотский АО	50,1	15,1	10,3	9,0	10,2	79,2	68,8	72,3	62,1
Ямало-Ненецкий АО	11,1	8,4	7,3	7,5	7,5	51,6	58,7	71,3	68,5
Регионы, частично входящие в Север	34,9	20,5	16,1	16,3	16,6	61,8	61,3	63,4	70,1
Регионы, полностью входящие в АЗРФ	21,5	14,9	10,7	10,4	10,4	56,6	59,4	63,6	68,3

Самый высокий уровень неравенства в 2000 г. был отмечен в Ханты-Мансийском – 0,436, Ямало-Ненецком – 0,433 и Ненецком – 0,412 АО, в Республике Коми – 0,402. В 2017 г. высокий уровень неравенства сохранился в Ямало-Ненецком – 0,423 и Ненецком – 0,414 АО, Сахалинской обл. – 0,412. Меньшей дифференциация в доходах была в Республике Карелия – 0,335, Камчатском крае – 0,344 и Мурманской обл. – 0,363. Если посмотреть на коэффициент Джини в динамике, то можно отметить следующее: 1) и в России, и на Севере шло дальнейшее увеличение неравенства, 2) в регионах, полностью входящих в АЗРФ, степень неравенства снижалась, 3) во все выделенные даты степень неравенства в АЗРФ была выше, чем по Северу России (прилож. 4.2), 4) выше предельно критического значения (0,3) как в целом по стране, так и по северным регионам (Глазьев, Локосов, 2012, с. 26).

Третья группа – трудовые показатели безработицы – отражает цели «достойная работа и экономический рост», «ликвидация нищеты». Два показателя характеризуют одно и то же явление, но по разной методике: *уровень безработицы по данным выборочных обследований* и *уровень зарегистрированной безработицы*. Первый показатель используют большинство стран мира, который рассчитывается по методологии МОТ, второй применяет Росстат. Понятие «уровень безработицы» служит для измерения степени недоиспользования наличной рабочей силы в экономике и связанную с этим потерю возможного роста ВРП. Проанализируем каждый показатель, отдавая предпочтение показателю, предложенному МОТ.

По данным выборочных обследований ситуация с безработицей за 18 лет кардинально изменилась/улучшилась. По России уровень безработицы по данным выборочных обследований сократился на 5,3 п.п. с 10,5 в 2000 г. до 5,2% в 2017 г., по Северу соответственно с 12,0 до 6,1, или на 5,9 п.п., но он превышает предельно критический уровень (5,0%), установленный научным советом Совета безопасности РФ (Глазьев, Локосов, 2012, с. 26, 28). Самой острой в 2000 г. ситуация с безработицей была в Республике Тыва – 22,9,

Камчатском крае – 16,0, Сахалинской – 13,0 и Мурманской – 12,8% обл. В 2017 г. Республика Тыва имела критический уровень безработицы – 18,3%, еще в восьми регионах уровень безработицы выше российского уровня. И только в четырех регионах он минимальный: в Чукотском – 2,9, Ямало-Ненецком – 3,2, Ханты-Мансийском – 3,3 АО и Камчатском крае – 4,3% (табл. 4.5).

Таблица 4.5

Показатели фактора безработицы для оценки устойчивого развития северных регионов, 2000–2017 гг.

Регион	Уровень безработицы по данным выборочных обследований, %					Среднее время поиска работы безработными, месяцев				
	2000	2005	2010	2015	2017	2002	2005	2010	2015	2016
Российская Федерация	10,5	7,1	7,3	5,6	5,2	8,6	8,6	7,5	7,3	7,6
Северные регионы	12,0	8,5	8,2	6,5	6,1	8,1	7,8	6,8	6,6	7,2
Республика Карелия	11,5	8,8	9,3	8,8	8,6	8,7	8,8	7,6	7,2	8,0
Республика Коми	12,1	11,1	10,1	7,0	7,8	8,7	7,9	6,7	6,4	6,8
Республика Саха (Якутия)	11,3	9,2	8,9	7,3	7,1	7,6	8,8	7,1	6,4	7,4
Республика Тыва	22,9	21,9	21,7	18,6	18,3	11,2	11,1	10,5	10,4	12,0
Камчатский край	16,0	8,4	7,0	4,5	4,3	9,9	7,8	6,8	6,5	6,3
Архангельская обл.	12,2	5,5	6,9	6,8	6,5	7,7	6,4	6,0	5,7	7,1
Магаданская обл.	10,8	6,9	5,6	4,3	5,3	8,6	7,4	8,0	6,1	7,8
Мурманская обл.	12,8	8,7	8,6	7,8	7,0	9,3	8,4	6,4	6,8	7,4
Сахалинская обл.	13,0	7,7	8,9	6,3	6,0	7,7	9,3	6,6	7,2	7,5
Ненецкий АО	10,9	10,6	6,5	7,9	8,0	9,4	8,5	7,2	6,0	7,2
Ханты-Мансийский АО	11,2	7,9	7,5	4,4	3,3	6,4	6,8	7,0	6,7	6,7
Чукотский АО	10,0	4,2	4,5	4,0	2,9	7,7	8,3	7,8	7,0	7,4
Ямало-Ненецкий АО	7,9	7,2	4,3	3,6	3,2	8,6	7,1	5,9	6,1	5,9
Регионы, частично входящие в Север	12,0	8,5	8,3	6,7	6,2	8,4	8,3	7,5	7,5	7,9
Регионы, полностью входящие в АЗРФ	11,0	8,0	6,8	6,0	5,4	9,0	7,9	6,3	6,5	6,8

Уровень зарегистрированной безработицы демонстрирует такую же динамику, что и предыдущий показатель. Уровень зарегистрированной безработицы в северных регионах и Арктике все годы был выше российского уровня. Худшие показатели демонстрирует Республика Тыва – 4,1, лучшие Ханты-Мансийский – 0,5 и Ямало-Ненецкий – 0,7 АО, Сахалинская обл. – 0,7% (прилож. 4.3).

Следующий (третий) показатель отражает степень напряженности на рынке труда – *среднее время поиска работы безработными (месяцев)*. Безработица, помимо экономических последствий (падение уровня жизни населения, повышение расходов на социальную защиту от безработицы и т.д.), вызывает и глубокие социальные изменения, т.к. депрессия приводит к бездеятельности, а бездеятельность – к снижению уровня квалификации и далее к потере самоуважения работника, вызывая психологический дискомфорт в семьях, повышая уровень заболеваемости и смертности населения. По мнению П.Э. Самуэльсона и В.Д. Нордхауса: «Вынужденная незанятость отрицательно влияет на нравственный облик человека, вредит его психике. Потеря работы – это психическая травма, уступающая по уровню вызванного стресса только смерти ближайшего родственника или заключению в тюрьму» (Самуэльсон, Нордхаус, 1997). Поэтому время поиска работы является одной из важнейших характеристик рынка труда.

В 2002 г. среднее время поиска работы по России составляло 8,6, по северным регионам – 8,1 и по АЗРФ – 9,0 месяцев. К 2016 г. оно сократилось по России на 1,0, по Северу – на 0,9 и по Арктике – на 2,2 месяца. В течение периода можно отметить следующую закономерность: продолжительность поиска работы постоянно снижалась до 2015 г., а потом она увеличилась, за исключением трех регионов – Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого АО, Камчатского края. Самое длительное время поиска работы было в Республике Тыва: 2002 г. – 11,2, 2015 г. – 10,4 и 2016 г. – 12,0 месяцев. В 2016 г. продолжительность безработицы минимальная в Ямало-Ненецком АО – 5,9, Камчатском крае – 6,3, Ханты-Мансийском АО – 6,7 и Республике Коми – 6,8 месяцев (табл. 4.5).

Четвертая группа – трудовые показатели структуры занятости характеризует достижение целей «качественное образование», «гендерное равенство», «уменьшение неравенства». Первый показатель – *средний образовательный уровень занятого населения*, вычисляемый в годах обучения по наиболее распространенной образовательной траектории (Смирнов, 2016, с. 149) на основе данных

выборочных обследований. Он одновременно учитывает все уровни образования. Устойчивый рынок труда должен поощрять образованность населения. Согласно докладу ОЭСР, образование коррелирует с такими важными факторами устойчивого развития, как улучшение здоровья, снижение преступности и правонарушений, рост объемов благотворительности и волонтерства. Образованные люди чувствуют себя более счастливыми и поощряют образование в следующем поколении, а соблюдение интересов будущих поколения является важнейшей целью устойчивого развития (Measuring Sustainable, 2008, с. 52).

Уровень образования занятого населения с 2001 по 2016 г. увеличился как по России, так и по ее северным регионам: 2001 г. – 12,73/12,73, 2010 г. – 13,09/13,04 и 2016 г. – 13,32/13,25 лет обучения. В 2016 г. самый высокий образовательный уровень занятого населения, выше российского уровня, был в Ямало-Ненецком АО – 13,70, Камчатском крае – 13,62 и Ханты-Мансийском АО – 13,42 лет обучения (прилож. 4.4).

В подтверждение вышесказанного приведем следующие данные. По уровню профессионального образования население, занятое в экономике в 2002 г., в регионах Севера России было выше, чем по России в целом: 775 против 773 человека на 1000 человек в возрасте старше 15 лет. В 2010 г. наблюдаем обратную картину, по России в целом уровень профессионального образования стал выше: 787 против 785. В качестве позитива можно отметить то, что по Северу России и его двум частям произошло увеличение образовательного потенциала за счет увеличения «образованности» лицами, имеющих послевузовское, высшее и неполное высшее образование, а также среднее профессиональное образование при одновременном уменьшении имеющих начальное профессиональное образование. Рост доли лиц, имеющих профессиональное образование, сократило долю тех, кто имеет лишь общее образование. Также можно отметить, что уже две последние переписи населения фиксируют минимальное количество людей, не имеющих начального общего образования (табл. 4.6).

Таблица 4.6

**Уровень образования населения, занятого в экономике,
в возрасте 15 лет и более, северных регионов
по данным переписей населения 2002 г. и 2010 г.,
на 1000 человек соответствующего возраста**

Образование	Российская Федерация		Север России		Европейский Север		Азиатский Север	
	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.
Всего из указавших уровень образования имеют образование	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000	1000
профессиональное	773	787	775	785	784	792	767	778
из них								
послевузовское, высшее и неполное высшее	263	359	227	329	211	299	241	352
среднее	357	366	384	387	377	399	390	377
начальное	153	62	164	69	196	94	136	49
общее	227	213	225	215	216	208	233	222
из них								
среднее (полное)	162	159	164	162	147	147	180	174
основное	56	48	54	48	61	56	47	43
начальное	9	6	7	5	8	5	6	5
Не имеют начального общего образования	0	0	0	0	0	0	0	0

Среди регионов Севера имеют самые высокие показатели по уровню профессионального образования Ямало-Ненецкий АО – 803, Мурманская обл. – 798, Камчатский край – 797, Архангельская обл. – 794 и 5-6 места занимают Республика Коми и Ханты-Мансийский АО – 788 человек. Худший показатель был в Чукотском АО – 705. Самые высокие показатели по послевузовскому, высшему и незаконченному высшему образованию имел Ямало-Ненецкий АО – 382 человека, а самые низкие Архангельская обл. – 278 человек (табл. 4.7).

Таблица 4.7

**Уровень образования населения, занятого в экономике
в возрасте 15 лет и более, северных регионов России
по данным переписи населения 2010 г.,
на 1000 человек соответствующего возраста**

Регион	Образование									
	Всего из указавших уровень образования имеют образование	профессиональное				общее				Не имеют начального общего образования
		всего	в т.ч.			всего	в т.ч.			
			послевузовское, высшее и неполное высшее	среднее	начальное		среднее (полное)	основное	начальное	
Европейский Север	1000	792	299	399	94	208	147	56	5	0
Республика Карелия	1000	787	303	393	91	213	150	58	5	0
Республика Коми	1000	788	294	405	89	212	144	62	6	0
Архангельская область	1000	794	278	405	111	206	134	67	5	0
Мурманская область	1000	798	333	390	75	202	167	32	3	0
Азиатский Север	1000	778	352	377	49	222	174	43	5	0
Республика Саха (Якутия)	1000	766	347	366	53	234	188	41	5	0
Республика Тыва	1000	774	308	394	72	226	162	57	7	0
Камчатский край	1000	797	359	389	49	203	145	53	5	0
Магаданская область	1000	750	367	330	53	250	198	48	4	0
Сахалинская область	1000	748	302	381	65	252	182	63	7	0
Ханты-Мансийский АО	1000	788	363	384	41	212	175	4	3	0
Ямало-Ненецкий АО	1000	803	382	380	41	197	156	36	5	0
Чукотский АО	999	705	306	339	60	294	196	87	11	1

Второй показатель – *доля работающих в добыче полезных ископаемых в общей численности занятых*. Высокое значение этого показателя на Севере России препятствует устойчивому развитию из-за эксплуатации природной среды, создания социального неравенства, воздействия на образ жизни коренных народов Севера. Кроме того, полезные ископаемые невозобновимы и рано или поздно будут исчерпаны, что вызовет проблемы с занятостью, трудоустройством населения. Поэтому снижение зависимости рынка

труда от добычи полезных ископаемых рассматривается как цель устойчивого развития Севера России. За весь рассматриваемый период в среднем по стране значение показателя почти не изменялось и варьировало в диапазоне – 1,6–1,7%. По Северу России шло постоянное увеличение доли работающих в добыче полезных ископаемых: 2000 г. – 7,5, 2010 г. – 9,4 и 2016 г. – 10,0%. В 2000 г. доля работающих в добыче полезных ископаемых самой низкой (ниже российского уровня – 1,7%) была в Архангельской обл. – 0,3, Камчатском крае – 0,5 и Республике Тыва – 1,2%. К 2016 г. такое положение сохранил только Камчатский край – 1,3% (Россия – 1,7%). Сократилась она в республиках Коми и Карелия, Мурманской и Сахалинской обл. Высокой доля работающих в добыче полезных ископаемых была в Ненецком – 26,6, Ханты-Мансийском – 21,6, Ямало-Ненецком – 20,0 и Чукотском – 19,4% АО. Таким образом, зависимость региональных рынков труда северных регионов от добычи полезных ископаемых увеличилась.

Третий показатель – *разница в уровне занятости между мужчинами и женщинами в трудоспособном возрасте*. Сокращение гендерного неравенства на рынке труда выступает целью устойчивого развития. За рассматриваемый период нет устойчивого тренда в разнице занятости между полами как в России, так и по северным регионам, а также между северными регионами и страной в целом. В 2001 г. разница по России и Северу составляла 4,4/6,3, в 2005 г. – 4,4/4,3, в 2009 г. – 9,1/7,3 и в 2015 г. – 6,3/3,8 п.п. В 2001 г. в трех регионах разница в уровне занятости между полами была весьма существенна: в Сахалинской обл. – 12,1, в Камчатском крае – 10,3 и Ханты-Мансийском АО – 8,1 п.п. К 2017 г. разница в занятости между полами по всем северным регионам была уже не такой существенной. Она сохранилась в Ямало-Ненецком – 8,4, Ханты-Мансийском – 7,4 и Ненецком – 5,5% АО; и стала незначительной в Архангельской обл. – 0,3%. В целом можно отметить, что дифференциация в уровне занятости между полами практически исчезла (табл. 4.8).

**Показатели фактора структуры занятости
для оценки устойчивого развития северных регионов,
2000–2016 гг.**

Регион	Доля работающих в добыче полезных ископаемых в общей численности занятых, %					Разница в уровне занятости между мужчинами и женщинами, п.п.			
	2000	2005	2010	2015	2016	2001	2005	2009	2015
Российская Федерация	1,7	1,7	1,6	1,6	1,7	4,4	4,4	9,1	6,3
Северные регионы	7,5	9,2	9,4	9,9	10,0	6,3	4,3	7,3	3,8
Республика Карелия	3,1	3,0	2,8	2,6	2,8	0,4	6,0	6,1	1,5
Республика Коми	9,5	8,6	7,1	6,8	7,1	6,4	1,6	5,8	1,9
Республика Саха (Якутия)	9,2	9,5	9,3	9,4	10,8	4,6	1,4	4,1	2,0
Республика Тыва	1,2	2,2	2,3	3,2	3,0	6,0	3,2	1,7	3,1
Камчатский край	0,5	0,9	1,1	1,1	1,3	10,3	10,2	8,4	3,6
Архангельская обл.	0,3	1,1	1,3	1,7	2,3	4,1	1,3	7,7	0,3
Магаданская обл.	10,2	12,1	10,3	13,3	13,3	6,9	6,3	8,1	3,9
Мурманская обл.	6,2	5,3	4,6	3,5	3,9	7,2	2,4	9,0	3,9
Сахалинская обл.	5,4	4,8	4,2	4,2	3,9	12,1	9,3	8,1	3,5
Ненецкий АО	4,9	17,3	18,7	22,8	26,6	0,5	0,1	0,2	5,5
Ханты-Мансийский АО	12,8	19,7	21,7	23,2	21,6	8,1	6,0	8,7	7,4
Чукотский АО	5,2	11,2	16,6	18,1	19,4	2,2	2,3	3,4	2,4
Ямало-Ненецкий АО	20,1	24,0	20,2	19,1	20,0	7,1	8,4	8,6	8,4
Регионы, частично входящие в Север	3,6	4,3	4,4	4,6	4,7	5,4	5,1	9,0	6,7
Регионы, полностью входящие в АЗРФ	10,9	12,5	11,3	10,7	11,4	6,8	4,5	8,4	5,6

4.4. Ранжирование северных регионов России по трудовым факторам

По опросу 26 экспертов в области экономики и социологии труда, демографии из российских научных организаций в 2017 г. каждый фактор и показатель получил свой вес (табл. 4.9).

Вначале субъекту России с наилучшим значением показателя за 2000, 2005, 2010 и 2015 гг. присваивалось 100 баллов, а с наихудшим – 1 балл. Затем все северные регионы получали значения на шкале от 1 до 100 методом линейного масштабирования на основе крайних значений. Это позволяет учитывать степень отстава-

ния регионов от лидирующих. На втором этапе определялись значения регионов по группам показателей, соответствующих четырем факторам, как среднее арифметическое взвешенное баллов всех входящих в группу показателей. Аналогичным образом на третьем этапе вычислялся итоговый индекс на основе средних значений по четырем факторам. На всех этапах значения округлялись до целых. Максимально возможное значение индекса составляет 100 баллов и может быть достигнуто лишь в том случае, если субъект РФ является российским лидером по всем показателям, входящим в индекс. Минимально возможное значение индекса равно единице.

Таблица 4.9

Распределение средневзвешенных весов трудовых показателей и факторов для оценки уровня устойчивого развития

Трудовые факторы	Влияние на устойчивое развитие, вес фактора	Трудовые показатели	Влияние на устойчивое развитие, вес показателя
Величина доходов населения	0,284	отношение среднего дохода к стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг	0,363
		доля потребительских расходов домохозяйств на покупку продуктов питания	0,343
		отношение средней заработной платы в регионе к средней заработной плате по стране	0,294
Дифференциация доходов	0,253	доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума	0,386
		коэффициент Джини	0,333
		отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин	0,281
Безработица	0,216	уровень безработицы по данным выборочных обследований	0,362
		среднее время поиска работы безработными	0,353
		уровень зарегистрировано безработицы	0,285
Структура занятости	0,247	средней образовательный уровень занятого населения, лет обучения	0,391
		доля работающих в добыче полезных ископаемых в общей численности занятых	0,342
		разница в уровне занятости между мужчинами и женщинами в трудоспособном возрасте	0,267

**Ранжирование северных регионов по степени устойчивого развития по трудовым показателям,
2000–2017 гг.**

Степень ур	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2017 г.
71-78 высокая			↑ Ямало-Ненецкий АО	Ямало-Ненецкий АО ↑ Архангельская обл. ↑ Мурманская обл. ↑ Сахалинская обл. ↑ Камчатский край	Ямало-Ненецкий АО Мурманская обл. Сахалинская обл. Камчатский край
63-70 средняя	Ханты-Мансийский АО	Ханты-Мансийский АО ↑ Чукотский АО ↑ Архангельская обл. ↑ Ямало-Ненецкий АО	Ханты-Мансийский АО Чукотский АО Архангельская обл. ↑ Мурманская обл. ↑ Сахалинская обл. ↑ Камчатский край ↑ Республика Карелия ↑ Республика Коми ↑ Ненецкий АО ↑ Магаданская обл. ↑ Россия	Ханты-Мансийский АО Чукотский АО Республика Карелия Республика Коми Ненецкий АО Магаданская обл. ↑ Республика Якутия Россия	Ханты-Мансийский АО Чукотский АО Республика Карелия Республика Коми Ненецкий АО Магаданская обл. Республика Якутия ↓ Архангельская обл. Россия
55-62 низкая	Ямало-Ненецкий АО Республика Карелия Архангельская обл. Ненецкий АО Республика Якутия Чукотский АО Магаданская обл. Сахалинская обл. Россия	Сахалинская обл. Республика Карелия Ненецкий АО Магаданская обл. Республика Якутия ↑ Камчатский край ↑ Мурманская обл. ↑ Республика Коми Россия	Республика Якутия ↑ Республика Гыва	Республика Гыва	Республика Гыва

Окончание табл. 4.10

Степень ур	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2017 г.
47-54 критиче- ская	Республика Коми Мурманская обл. Камчатский край Республика Тыва	Республика Тыва			

* – символом ↓ выделены регионы ухудшившие свое положение, ↑ – улучшившие его

Далее рассчитываются интегральные индексы, определяется размах их вариации как разность между наибольшим и наименьшим значением признака (47-77) в изучаемой совокупности по пяти годам. Определен шаг вариации, равный 8 единицам, используя его, все регионы распределены на четыре группы. Применяя шаг, равный 8 единицам, увеличился верхний предел в высокой группе на единицу до 78, что не повлияло на ранжирование северных регионов России по степени устойчивого развития по трудовым показателям. Затем по величине интегрального индекса все северные регионы ранжированы по степени устойчивого развития по трудовым показателям (табл. 4.10).

По степени устойчивого развития в критическую группу в 2000 г. попали: Камчатский край (54), Мурманская обл. (54), республики Коми (51) и Тыва (47). В средней группе был один субъект: Ханты-Мансийский АО (66). Остальные восемь субъектов заняли свое место в низкой группе.

В 2005 г. устойчивость северных регионов по трудовым показателям значительно улучшилась. В критической группе осталась только Республика Тыва (53). Из низкой группы в среднюю с индексом 65 перешли: Чукотский и Ямало-Ненецкий АО и Архангельская обл. Остальные пять сохранили свое место в низкой группе.

В 2010 г. северные регионы увеличили свою устойчивость. В низкой группе осталась Республика Саха (Якутия) (62) и из критической сюда перешла Республика Тыва (59). Ямало-Ненецкий АО перешел в группу высокой устойчивости (72), а еще семь субъектов – в среднюю группу – она стала самой многочисленной, включающей десять регионов.

В 2015 г. положение северных регионов по трудовой устойчивости значительно возросло. Высокая группа пополнилась четырьмя субъектами, в нее вошли: Камчатский край (75), Мурманская (72), Сахалинская (72) и Архангельская (71) обл. Из низкой в среднюю группу переместилась Республика Саха (Якутия) (68). Республика Тыва (57) – единственный регион, который остался в низкой группе по трудовой устойчивости.

В 2017 г. больших изменений в трудовой устойчивости не произошло. Четыре из пяти регионов сохранили свое место в высокой группе. При этом Камчатский край увеличил свой индекс устойчивого развития по трудовым показателям с 75 до 77, а Мурманская обл. снизила с 72 до 71. Архангельской обл. снижение индекса с 71 до 70 стоило перемещение в среднюю группу. Республика Тыва сохранила свое место в низкой группе, снизив индекс на единицу с 57 до 56 (табл. 4.11).

Таблица 4.11

Индексы устойчивого развития северных регионов, рассчитанные по трудовым показателям, 2000–2017 гг.

Регион	II. Индекс УР по трудовым показателям					в том числе по трудовым факторам, 2017 г.			
	2000	2005	2010	2015	2017	величина доходов	дифференциация доходов	безработица	структура занятости
Российская Федерация	56	62	66	70	70	52	68	86	77
Северные регионы	57	62	66	70	69	59	68	85	67
Республика Карелия	58	60	65	67	66	44	71	77	76
Республика Коми	51	61	63	67	65	51	64	84	67
Республика Саха (Якутия)	58	62	62	68	67	57	66	81	66
Республика Тыва	47	53	59	57	56	37	66	42	78
Камчатский край	54	62	69	75	77	56	80	91	85
Архангельская обл.	57	65	67	71	70	54	66	85	79
Магаданская обл.	55	60	64	70	69	60	74	83	61
Мурманская обл.	54	61	66	72	71	58	71	83	75
Сахалинская обл.	55	59	68	72	72	67	64	87	73
Ненецкий АО	56	62	70	68	65	74	69	79	36
Ханты-Мансийский АО	66	63	67	69	69	68	68	94	49
Чукотский АО	55	65	63	65	66	66	65	86	48
Ямало-Ненецкий АО	62	65	72	74	74	79	67	96	55
Регионы, частично входящие в Север	56	61	64	67	66	53	67	83	64
Регионы, полностью входящие в АЗРФ	57	63	68	72	72	67	69	88	65

Рассматривая трудовую устойчивость в динамике, можно отметить следующее. С 2000 по 2017 г. Россия увеличила ее на 14 п.,

Север России – на 12 и Арктика – на 15 п. Наибольшее приращение индекса трудовой устойчивости отмечено в Камчатском крае – 23, в Мурманской и Сахалинской обл. – по 17 п. Два северных региона улучшили свою устойчивость на величину российского увеличения: Магаданская обл. и Республика Коми – по 14 п. Другие регионы имели меньший прирост индекса трудовой устойчивости. Но здесь следует обратить внимание на то, что Ханты-Мансийский АО увеличил трудовую устойчивость меньше всех, всего на три пункта, поскольку в 2000 г. он был лидером по трудовой устойчивости.

За анализируемый период времени устойчивое развитие, оцененное по трудовым показателям, по северным регионам в целом, только в 2000 г. было выше российского уровня, это соотношение составляло 57/56. С 2005 по 2015 г. индекс трудовой устойчивости был одинаковым, а в 2017 г. он стал ниже российского уровня – 69/70. В 2017 г. из четырех факторов Север России имел преимущество только по величине доходов – 59/52, по остальным факторам он уступал. Здесь также можно отметить, что трудовая устойчивость арктических регионов все годы была незначительно, но выше российского уровня – в 2000 г. – 57/56, в 2010 г. – 68/66, а в 2017 г. – 72/70.

Выше было отмечено, что Север России в 2000 г. имел индекс устойчивого развития выше российского уровня, затем в 2005–2010–2015 гг. равный, а в 2017 г. стал на один пункт меньше. Однако в разрезе отдельных регионов по трудовым факторам наблюдается значительная дифференциация и отставание от российского уровня. Можно выделить постоянных лидеров и явных аутсайдеров, как за весь анализируемый период, так и по всем факторам. Остановимся подробнее на динамике четырех трудовых факторов за 2000–2017 гг.

Рассматривая фактор *«Величина доходов населения»*, можно отметить следующее. С 2000 по 2017 г. индекс фактора величины доходов по Российской Федерации увеличился с 29 до 52, или на 23 п., по северным регионам – с 43 до 59, или на 16 п. Из этого

можно заключить, что, начиная с 2000-х гг., уровень доходов на Севере рос медленнее, чем в среднем по стране. Такое положение вещей явно не способствует устойчивому развитию северных территорий. В то же время нельзя не отметить, что у подавляющего большинства северных регионов индекс величины доходов выше российского уровня. Исключение составляют два региона: республики Карелия и Тыва, а в отдельные периоды и Республика Коми. В 2017 г. высший индекс величины доходов имели Ямало-Ненецкий АО – 79, Ханты-Мансийский АО – 68 и Сахалинская обл. – 67.

В 2000–2010 гг. *«Дифференциация доходов»* на Севере России была выражена не так существенно, как по РФ, но это различие свелось на нет: 2000 г. – 61/57, 2005 г. – 62/60, 2010 г. – 64/63. В 2015 г. дифференциация доходов на Севере стала выше, чем по стране в целом – 67/68, а в 2017 г. различия не стало – 68/68. В 2000 г. в трех регионах имела место ярче выраженная дифференциация в доходах по отношению к российскому уровню: в Ямало-Ненецком АО – 55/57, в Республике Коми – 54/57 и в Ненецком АО – 48/57. В 2005 г. таких регионов было также три: Сахалинская обл. – 58/60, Республика Коми – 57/60 и Ненецкий АО – 58/60. В 2010 г. число регионов, имеющих повышенную дифференциацию в доходах, стало пять: Сахалинская, Мурманская и Архангельская обл., республики Саха (Якутия) и Коми. В 2015 г. таких регионов было восемь, а в 2017 г. семь: Ямало-Ненецкий – 67/68, Сахалинская обл. – 64/68, Архангельская обл. – 66/68, Республика Саха (Якутия) – 66/68, Чукотский АО – 65/68, Республика Тыва – 66/68, Республика Коми – 64/68. За весь рассматриваемый период Республика Коми имела повышенную дифференциацию в доходах, а с 2005 по 2017 г. – Сахалинская обл.

По фактору *«Безработица»* нет однозначной сравнительной динамики. В 2000 г. положение с безработицей на Севере было хуже, чем по России – 71/74, в 2005 г. одинаковым – 75/75, в 2010 и 2015 гг. оно стало лучше, соответственно 82/80 и 87/86, а в 2017 г. безработица опять возросла – 85/86. В 2000 г. только два региона

имели лучшую ситуацию по отношению к российскому уровню: Ханты-Мансийский АО – 79/74 и Республика Саха (Якутия) – 78/74. Ямало-Ненецкий АО имел схожую ситуацию с Россией – 74/74. В 2005 г. улучшили положение с безработицей Архангельская обл. – 86/75 и Чукотский АО – 75/75, одновременно ухудшила свои позиции Республика Саха (Якутия) – 72/75. В 2010 и 2015 гг. регионов с худшей ситуацией с безработицей было шесть и пять. К 2017 г. стало уже восемь регионов, имеющих проблемы с безработицей. Наиболее благоприятную ситуацию в 2017 г. имели: Камчатский край – 91/86, Ямало-Ненецкий АО – 96/86, Сахалинская обл. – 87/86, Ханты-Мансийский АО – 94/86 и равную с российским уровнем Чукотский АО – 86/86. К числу регионов, имеющих худшие показатели за весь анализируемый период, можно отнести республики Тыва и Карелия. Но в целом надо отметить, что с 2000 по 2015 г. ситуация с безработицей постоянно улучшалась как в целом по стране, так и по северным регионам.

И наконец, последний фактор трудовой устойчивости *«Структура занятости населения»*. Не будем вдаваться в дискуссию о необходимости развития на севере перерабатывающих и инфраструктурных отраслей и расширения сферы занятости. Это достаточно подробно сделано в (Лаженцев, 2014; Особенности и сценарии, 2010; Север: проблемы, 2007; Фаузер, Климашевская, 2004; Фаузер, 2007; Фаузер В.В., Назарова, Фаузер Вл.В., 2010). Проанализируем структуру народного хозяйства Севера России, используя интегральный индекс «структура занятости населения». Первое, что можно отметить по этому фактору. По структуре занятости населения Север постоянно проигрывает РФ и намного существеннее, чем по другим факторам в отдельные годы. Разница составляет от 9 п. в 2015 г. до 11 п. в 2005 г. Так же можно констатировать, что индекс трудовой устойчивости по фактору «структура занятости населения» по России и по Северу в целом вырос на восемь пунктов. Динамика одна, а результат разный. Экономике Севера необходима масштабная модернизация.

Теперь рассмотрим динамику трудовой устойчивости по структуре занятости в разрезе отдельных регионов. По этому фактору положение самое критическое. Количество регионов, имеющих худший индекс по сравнению с российским уровнем, варьирует от восьми (2015 г.) до одиннадцати (2005 г.) на 24 п. в 2000 г. до 41 п. в 2017 г. За весь анализируемый период только два региона имели значение выше российского уровня: Архангельская обл. и Республика Тыва. Здесь также можно выделить позитивную динамику у Камчатского края с 2010 по 2017 г. и хорошие показатели у Республики Карелия в 2000 и 2015 гг. Что касается АЗРФ, то по этому фактору она уступает как Северу, так и России в целом (табл. 4.12).

Таблица 4.12

Индексы устойчивого развития северных регионов России, рассчитанные по трудовым факторам, 2000–2017 гг.

Регион	5. Величина доходов населения					6. Дифференциация доходов				
	2000	2005	2010	2015	2017	2000	2005	2010	2015	2017
Российская Федерация	29	47	54	53	52	57	60	63	68	68
Северные регионы	43	56	60	61	59	61	62	64	67	68
Республика Карелия	28	43	49	46	44	71	67	71	71	71
Республика Коми	36	57	54	55	51	54	57	59	63	64
Республика Саха (Якутия)	39	52	53	57	57	61	61	58	66	66
Республика Тыва	20	38	41	39	37	60	73	78	65	66
Камчатский край	39	50	56	54	56	60	69	69	78	80
Архангельская обл.	29	49	54	54	54	64	60	62	66	66
Магаданская обл.	33	52	57	59	60	64	63	65	73	74
Мурманская обл.	37	51	58	59	58	59	61	61	70	71
Сахалинская обл.	35	51	64	67	67	62	58	62	64	64
Ненецкий АО	45	74	86	78	74	48	58	69	69	69
Ханты-Мансийский АО	72	66	73	70	68	60	63	67	67	68
Чукотский АО	28	64	56	68	66	60	67	69	64	65
Ямало-Ненецкий АО	74	84	81	84	79	55	60	67	67	67
Регионы, частично входящие в Север	36	52	55	54	53	55	59	61	66	67
Регионы, полностью входящие в АЗРФ	49	64	67	69	67	57	61	64	69	69

Регион	7. Безработица					8. Структура занятости населения				
	2000	2005	2010	2015	2017	2000	2005	2010	2015	2017
Российская Федерация	74	75	80	86	86	69	70	70	76	77
Северные регионы	71	75	82	87	85	59	59	60	67	67
Республика Карелия	69	68	75	79	77	69	65	68	77	76
Республика Коми	68	71	79	87	84	49	59	62	69	67
Республика Саха (Якутия)	78	72	79	85	81	61	63	63	69	66
Республика Тыва	40	28	38	47	42	70	71	78	76	78
Камчатский край	58	71	81	89	91	63	63	75	84	85
Архангельская обл.	73	86	86	89	85	70	72	70	79	79
Магаданская обл.	68	70	79	90	83	58	56	58	62	61
Мурманская обл.	62	69	81	83	83	61	66	65	78	75
Сахалинская обл.	72	74	85	87	87	54	58	63	73	73
Ненецкий АО	64	67	77	86	79	69	45	46	39	36
Ханты-Мансийский АО	79	82	85	92	94	52	45	44	48	49
Чукотский АО	71	75	80	84	86	65	56	51	47	48
Ямало-Ненецкий АО	74	80	92	94	96	45	38	49	54	55
Регионы, частично входящие в Север	72	73	79	83	83	64	64	63	68	64
Регионы, полностью входящие в АЗРФ	67	73	85	88	88	56	55	58	66	65

4.5. Оценка устойчивого развития по демографическим и трудовым факторам

В вышеприведенном материале и в главе 3 представлен отдельный анализ демографической и трудовой устойчивости, однако не меньший интерес представляет их одновременный анализ. Рис. 4.1 отражает траектории изменений индексов: на горизонтальной оси – по демографическим показателям, на вертикальной – по трудовым. Линии соответствуют разным группам регионов: северные, арктические и РФ в целом, а точки показывают значения индексов в разные временные периоды.

Хорошо видно, как менялось устойчивое развитие северных регионов в системе демографических и трудовых координат: 2000–

2005 г. – низкая/низкая, 2010–2017 гг. – средняя/средняя. То есть устойчивое развитие, начав движение из низкой зоны, достигло средней и, не преодолев порог высокой зоны, кривая начала движение в противоположном направлении. Причем демографическая и трудовая устойчивости стали снижаться одновременно. По степени демографической устойчивости регионы Севера вернулись к значению 2010 г., по трудовой – снижение пока не столь существенно.

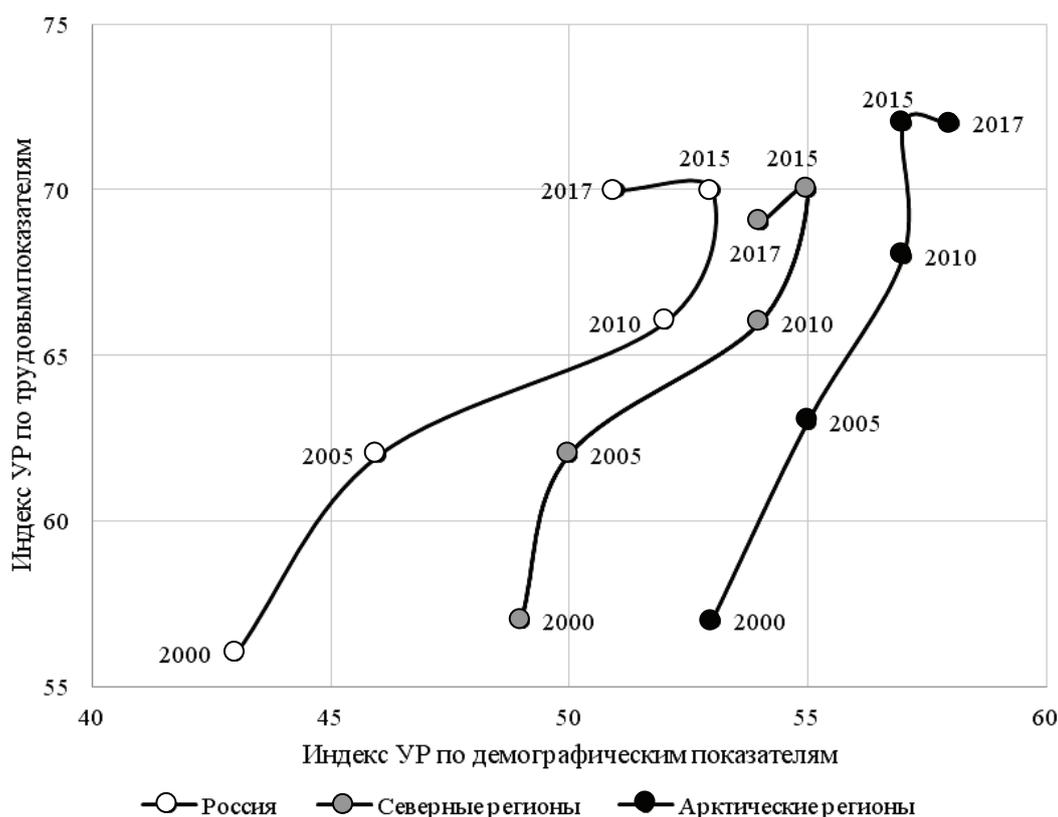

Рис. 4.1 – Траектории изменения индексов устойчивого развития по демографическим и трудовым показателям, 2000–2017 гг.

Похожая динамика характерна и для России в целом. Однако российские индексы, несмотря на худшее стартовое положение, росли быстрее, что позволило из группы критическая/низкая в 2000 г. перейти в группу низкая/средняя к 2015 г., почти достигнув значений группы средняя/высокая. Однако после 2015 г. трудовые показатели стабилизировались, а демографические начали снижаться. Таким образом, Россия, в отличие от Севера, ухудшила свои позиции только по одной из осей.

В то же время арктические регионы целенаправленно улучшали свое положение. Их старт начинается в 2000 г. – низкая/низкая и в 2015 г. достигает зоны средняя/высокая, которая сохраняется и в 2017 г. Можно сделать вывод, что в 2000–2015 гг. наблюдался рост обоих индексов для всех рассмотренных групп регионов. Однако в 2015–2017 гг. для России характерно ухудшение демографических показателей, для Арктической зоны – стабилизация трудовых, а Север ухудшил свое положение в обоих измерениях. В 2017 г. арктические регионы выглядят наиболее предпочтительными как в демографическом, так и в трудовом измерении.

Как менялась направленность движения и величина индексов устойчивого развития в разрезе субъектов в переломный период с 2015 по 2017 г. видно на рис. 4.2.

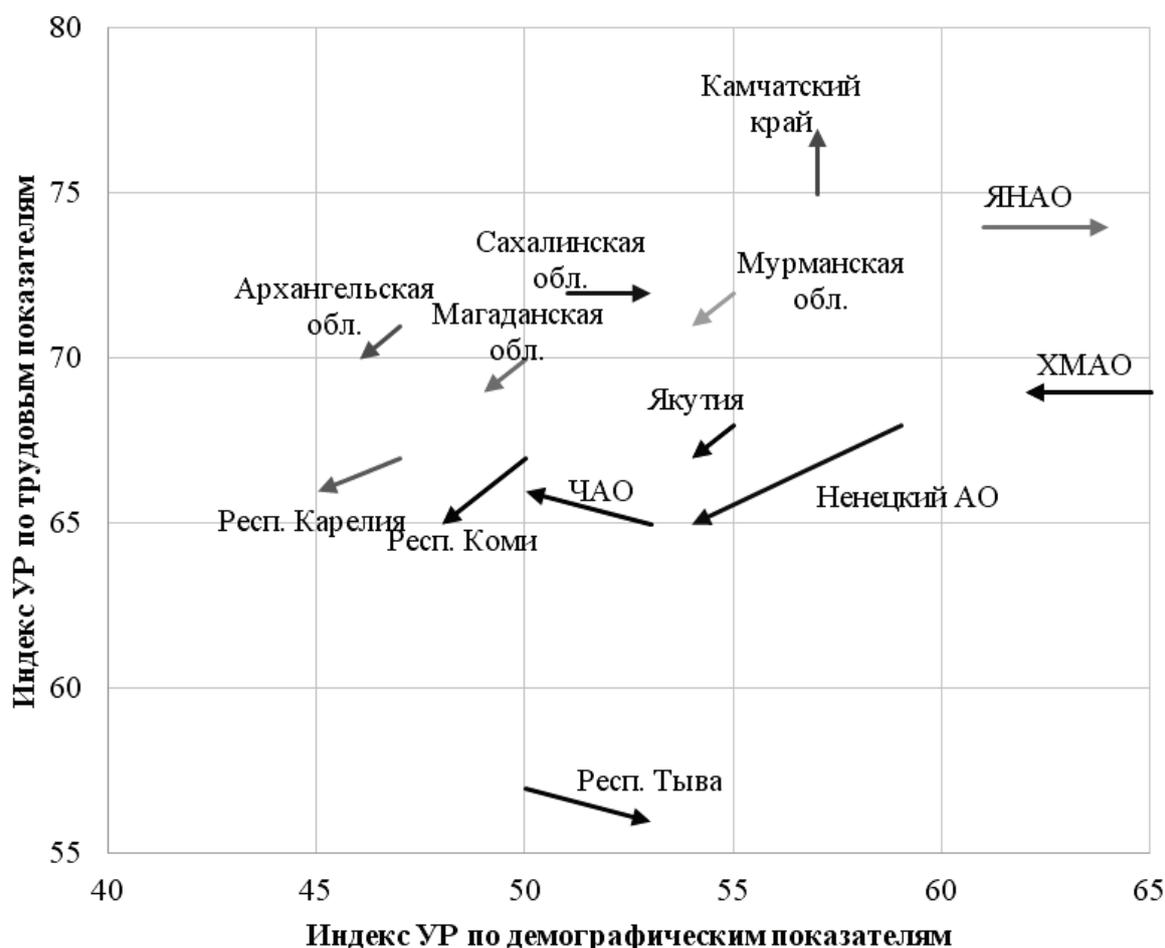

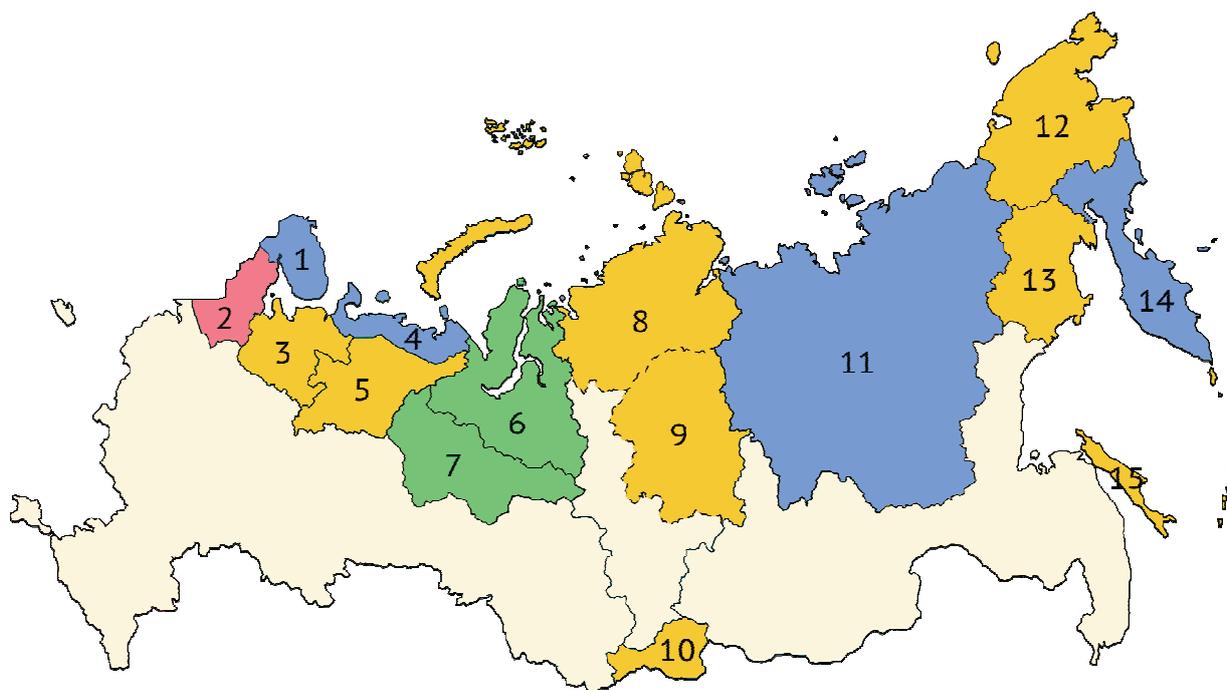
Рис. 4.2 – Изменение индексов устойчивого развития северных регионов по демографическим и трудовым показателям, 2015–2017 гг.

Рисунок убедительно демонстрирует, что в большинстве северных субъектов России произошло снижение значений демографических и трудовых показателей в 2015–2017 гг. Исключение составляют: Республика Тыва (по демографическим); Ханты-Мансийский и Чукотский АО (по трудовым); а также Камчатский край, Сахалинская обл. и Ямало-Ненецкий АО (по обоим группам показателей).

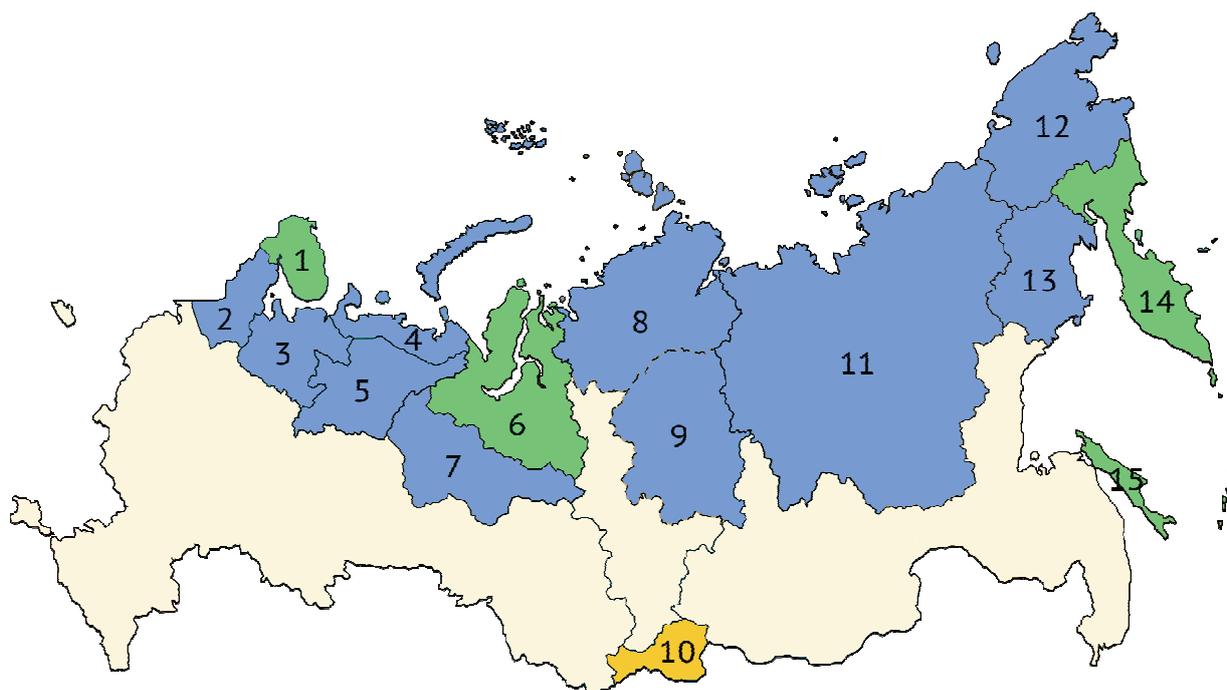
Пространственную дифференциацию индексов устойчивого развития регионов Севера продемонстрируем с помощью карт (рис. 4.3). Наибольшую демографическую устойчивость имеют регионы Западной Сибири, которые исторически заселялись позднее и сохранили более молодой возрастной состав. Республика Карелия имеет критический уровень устойчивости, поскольку там сочетаются высокая доля пожилого населения, низкая рождаемость и высокая смертность. Остальные регионы вошли в низкую и среднюю группу. Причем для арктических регионов (кроме Чукотского АО) характерна высокая устойчивость по демографическим показателям. По трудовым показателям дифференциация на Севере не столь сильна. Северные субъекты на 2017 г. входят в две группы, за исключением Республики Тыва. Однако, при сохранении существующих тенденций, в ближайшие годы высокую группу покинет Мурманская обл.

На рис. 4.4 представлена динамика всех факторов за 2000–2017 гг. Хорошо видно, какие факторы обеспечивали рост устойчивого развития, а какие «тянули» вниз.

В завершение можно отметить, что предложенная методика оценки устойчивого развития по демографическим и трудовым показателям позволила все северные регионы дифференцировать по степени демографической и трудовой устойчивости, выявить проблемные составляющие устойчивого развития и возможность определить приоритеты достижения устойчивости в каждом регионе.

Степень устойчивого развития по демографическим показателям
критическая низкая средняя высокая

Степень устойчивого развития по трудовым показателям
критическая низкая средняя высокая

Рис. 4.3 – Карты устойчивого развития Севера России по демографическим и трудовым показателям, 2017 г.:

1 – Мурманская область, 2 – Республика Карелия, 3 – Архангельская область; 4 – Ненецкий АО, 5 – Республика Коми, 6 – Ямало-Ненецкий АО, 7 – Ханты-Мансийский АО, 8 и 9 Таймырский Долгано-Ненецкий и Эвенкийский районы Красноярского края, 10 – Республика Тыва, 11 – Республика Саха (Якутия), 12 – Чукотский АО, 13 – Магаданская область, 14 – Камчатский край, 15 – Сахалинская область.

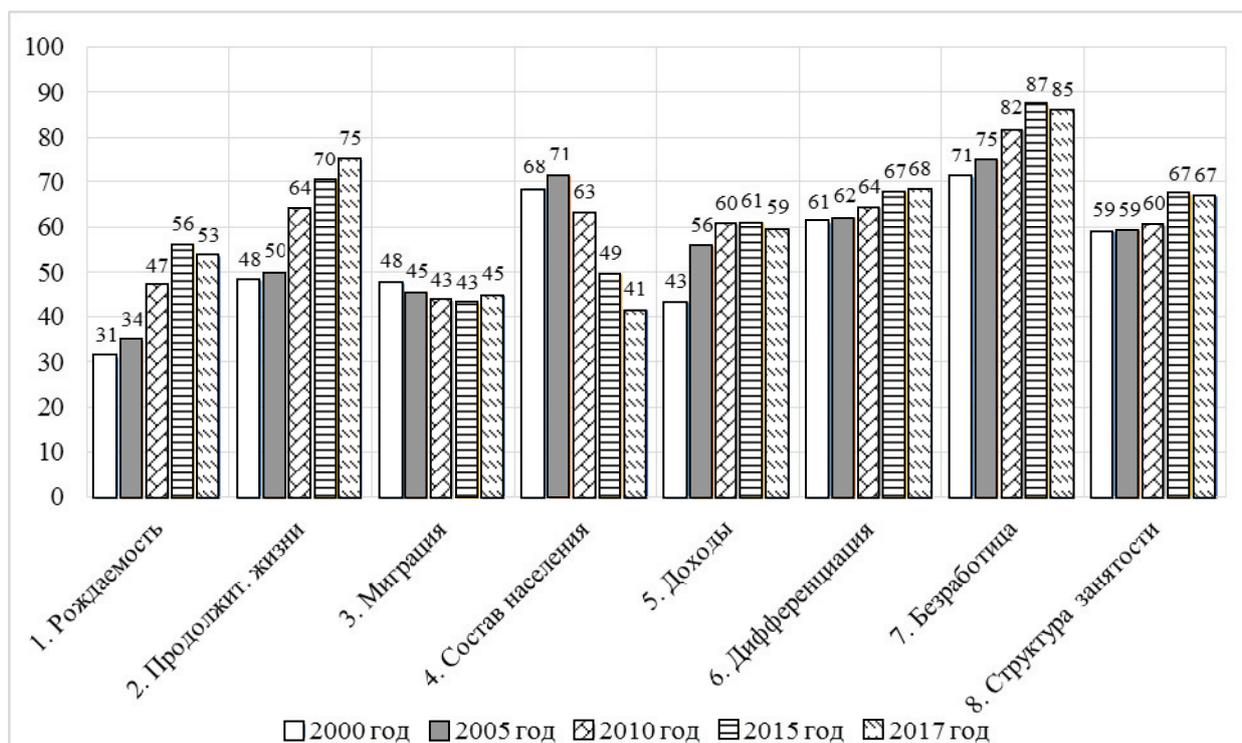

Рис. 4.4 – Изменение индексов устойчивого развития северных регионов по группам показателей, 2000–2017 гг.

Оценка демографической устойчивости показала, что уровень рождаемости в большинстве северных регионов был ниже российского уровня, уступают они и по ОПЖ. Миграционный отток населения дестабилизирует социально-экономическое положение всех северных регионов, и только половозрастной состав населения позволяет поддерживать демографическую устойчивость выше российского уровня.

По трудовой устойчивости можно отметить, что в рассмотренный период уровень доходов на Севере рос медленнее, чем в среднем по стране. Уровень бедности северных регионов сократился, но социальное неравенство при этом усилилось. Выросла доля работающих в добыче полезных ископаемых в общей численности занятых. После 2010 г. начался рост доли расходов на продукты питания и уровня бедности. Увеличение интегрального индекса объясняется, прежде всего, сокращением гендерного неравенства, ростом образовательного уровня занятых, снижением безработицы, ростом отношения доходов к стоимости потребительской корзины.

Глава 5.

МИГРАЦИОННЫЙ ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

5.1. Сущность и понятие категории «миграция населения»

Миграции всегда были присущи человеку. В поисках пищи, новых пастбищ и лесных угодий, выбора лучшей среды обитания человек кочевал по планете Земля, заселяя и осваивая все новые и новые территории. Потребность в перемене места жительства и познания новых миров сопровождали человека во все времена. Для каждого исторического периода были свои факторы и причины, побуждавшие человека мигрировать. Первым природным фактором, вызвавшим миграции в планетарном масштабе, был Ледниковый период (Жеребцов, 2010). Затем многочисленные войны, засухи, эпидемии приводили к массовым перемещениям миллионов людей. С XIX в. на миграции населения начинают оказывать все большее влияние экономические факторы, а со второй половины XX и начала XXI вв. на первый план выходят личностные мотивы, стремление человека удовлетворить свои не только экономические, но и социально-психологические потребности.

Миграция населения занимает особое место среди социальных трансформаций XXI в. Она меняет рисунок расселения, вносит «возмущения» в социально-демографические структуры, создает

или разрушает трудовой и демографический потенциал населения отдельных стран или целых континентов.

Для Севера России миграции населения всегда играли решающую роль в освоении территорий и формировании населения. Стоит подчеркнуть, что вплоть до 1990-х гг. они способствовали количественному росту населения, заселению и освоению новых территорий. С приходом рынка и распадом Союза ССР произошла трансформация направленности миграционных потоков – из фактора роста они стали фактором убыли населения. На первый план вышли задачи изучения факторов и причин – почему население в массовом порядке покидает Север. Не все однозначно и в теоретическом плане (Фаузер, 2008). Ученые различных направлений и школ вносят свое понимание в этот процесс.

В течение нескольких столетий развитие научных взглядов на миграцию происходило в рамках тех или иных научных подходов: экономического, географического, исторического, демографического, системного, политического и др. Выбор подхода зависел от тех задач, которые стояли перед исследователем, и от характера исходного материала (Ионцев, 2001, с. 18).

Один из первых теоретиков глубоких исследований в области миграции – англичанин Э.Г. Равенштейн (1885) – определил миграцию как постоянное или временное изменение места жительства человека, как непрерывный процесс, обусловленный взаимодействием четырех основных групп факторов: 1) действующих в начальном месте (стране) жительства мигранта; 2) действующих на стадии перемещения мигранта; 3) действующих в месте (стране) въезда мигранта; 4) факторов личного характера, под которыми понимается, прежде всего, система предпочтений личности, вся совокупность ее демографических характеристик и т.п.

Им же были сформулированы одиннадцать миграционных законов, ставшие определяющими для многих теорий в области миграции: 1) больше всего миграций осуществляется на короткие расстояния; 2) миграция происходит постепенно, шаг за шагом; 3) миграции

на большие расстояния направляются в основном в крупные торговые или промышленные центры; 4) каждому миграционному потоку соответствует свой контрпоток; 5) городские жители менее подвижны в миграционном плане, нежели население в сельских районах; 6) во внутренних миграциях более активны женщины, в международной миграции – мужчины; 7) большинство мигрантов представляют взрослое население, семьи редко мигрируют за пределы своей страны; 8) рост крупных городов в большей степени обусловлен миграцией населения, нежели естественным в них приростом; 9) масштабы миграции возрастают с развитием промышленности и торговли и, особенно, с развитием транспорта; 10) большинство мигрантов из сельской местности направляются в крупные промышленные и торговые центры; 11) экономические причины миграции являются определяющими (Ravenstein, 1885, p. 167–227).

Не потеряло своей актуальности изучение миграции населения и сегодня, поскольку она занимает особое место среди социальных трансформаций современного мира. Миграционные процессы являются на сегодняшний день одними из главных причин и факторов социальных изменений как в обществах-донорах, так и в обществах-реципиентах мигрантов (Блинова, 2009, с. 13).

Существуют, по крайней мере, две точки зрения на миграцию населения. Сторонники первой к миграции относят все территориальные перемещения, сторонники второй включают и социальные.

Придерживаясь первой точки зрения, к территориальным перемещениям можно отнести: 1) все многообразие пространственного движения населения, независимо от его характера и целей; 2) пространственные перемещения, совершающиеся между населенными пунктами и которые ведут к постоянной или временной смене места жительства; 3) такой процесс пространственного движения населения, который, в конечном счете, ведет к его территориальному перераспределению.

Если исходить из того, что перемещение и переселение не синонимы – миграцию можно определить в узком и широком смысле

слова. В узком смысле миграция представляет собой законченный вид территориального перемещения, завершающийся сменой постоянного места жительства, что в буквальном смысле слова означает переселение.

В широком значении миграция представляет собой любое территориальное перемещение, совершающееся между разными населенными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц, независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности. Трудовые миграции являются определяющими в общей совокупности территориальных перемещений; переселения – это конечный, законченный вид миграции.

В 1980-х гг. была сформулирована концепция, согласно которой миграция населения, как сложный социально-экономический процесс, состоит из трех стадий: 1) исходной, или подготовительной, представляющей процесс формирования территориальной подвижности населения; 2) основной стадии, или собственно переселения населения; 3) заключительной, или завершающейся, стадии, выступающей как приживаемость мигрантов на новом месте (Рыбаковский, 1987, с. 21–22, 26, 34).

Два десятилетия спустя эта связь/зависимость была уточнена, а три стадии миграционного процесса изложены в иной редакции – стремлении индивида улучшить свое материальное положение, удовлетворить возрастающие потребности. Исходя из этого, миграция определяется как естественное проявление мобильности человека, мотивированное его стремлением к улучшению условий своего существования, к более полному и надежному удовлетворению своих потребностей. При этом существенную роль играет уровень притязаний индивида, и изначальная его способность вообще быть удовлетворенным чем-либо. Миграцию населения определяют, как пространственную активность (перемещение) индивида, направленную на овладение ресурсами новых территорий и связанную с переменой места жительства. Последнее важно, так как материальные блага можно обретать и посредством иных видов мобильности.

Таким образом, у миграции, как общественного явления, есть три параметра: 1) перемена индивидом координат своего пребывания (фактор мобильности); 2) намерение индивида улучшить свое материальное и (или) социальное положение (фактор потребностей); 3) стремление индивида обжиться на новом месте и считать его своей «второй родиной» (фактор стабильности) (Бондырева, Колесов, 2004, с. 38–39).

Миграция населения воздействует на общественное развитие посредством осуществления своих функций. Функции – это те конкретные роли, которые играют миграции населения в жизнедеятельности общества. Выделяют три функции миграции населения.

Первой функцией миграции является перераспределение населения, связанное с размещением производительных сил, распределением производственных мощностей и инвестиций между отдельными территориями страны.

Вторая функция миграции – селективная. Суть ее в том, что неравномерное участие в миграции различных социально-демографических групп ведет к изменению качественного состава населения разных территорий.

Третья функция – ускорительная. Территориальные перемещения способствуют изменению социально-психологических характеристик людей, расширению их кругозора, накоплению знаний о различных областях жизни, обмену трудовыми навыками и производственным опытом, развитию личности, ее материальных, социальных и духовных потребностей, интеграции национальных культур (Рыбаковский, 2003, с. 29–31).

Исследуя миграционную подвижность населения, необходимо рассмотреть факторы и причины миграции населения. Одним из первых наиболее полно понятие «фактор миграции» определил Л.Л. Рыбаковский, взяв за основу три термина, характеризующих три определенных явления: 1) вся окружающая нас среда (естественная и социальная) может быть объединена одним понятием – условия жизни; 2) среди них он выделяет условия, которые воздей-

ствуют на тот или иной процесс, и назвал их *факторами*; 3) наконец, то, что вызывает конкретное действие, есть *причина*. Получается трехчленная схема: условия – факторы – причины.

В свою очередь все факторы могут быть разбиты на три группы. К первой группе относятся факторы, состоящие из таких компонентов условий жизни, которые либо невозможно изменить, либо, если и можно, то в течение очень длительного времени или с огромными затратами средств. Обычно второе и третье условия совпадают. Это характерно для природных условий, географического положения. Вторая группа включает факторы, которые могут быть изменены постепенно, в течение 10–15 лет. Третья группа – это факторы оперативного регулирования. Они могут меняться в течение одного-нескольких лет (Рыбаковский, 1987, с. 134, 144).

Заслуживает внимание подход к классификации факторов миграции, предложенный американскими исследователями Ф. Мартин и Дж. Уайдгрэн. Они выделяют три разновидности факторов в зависимости от типа миграции: притягивающие факторы, отталкивающие и факторы сети (Marin, Widgren, 2002, p. 8).

Проводится различие между понятием «фактор» и «причина» и в отечественной «социологии миграции». Факторы представляют собой объективные условия жизни, побуждающие человека мигрировать, а причины являются результатом субъективной оценки личностью данных условий. Эти две составляющие, а также третья – личностные психологические характеристики потенциального мигранта, являются неотъемлемой частью миграционного процесса, а точнее начальной его стадии – формирования территориальной подвижности населения (Блинова, 2009, с. 38).

Что касается причин миграции, то они изучаются на макро- и микроуровнях. На макроуровне причины миграции изучаются на основе характеристик районов выхода и входа мигрантов. На этом уровне анализируются объем, интенсивность, направления миграционных потоков, их результативность. Задача изучения причин миграции на макроуровне состоит в том, чтобы оценить влияние

различных причин – урбанизации, территориальной дифференциации и концентрации экономического роста. На макроуровне анализируется влияние территориальной дифференциации заработной платы, безработицы, стоимости жилья и услуг, климатических и экологических условий и др. (Моисеенко, 2004, с. 166). Как правило, причины миграции населения изучаются с помощью анкетного опроса.

5.2. Взаимосвязь миграции и устойчивого развития территорий

В последнее время значительное внимание в международных соглашениях по проблематике устойчивого развития стало уделяться исследованиям взаимодействия устойчивого развития и миграции. «Повестка дня на XXI век (Agenda XXI)» Саммита Земли (Earth Summit) в Рио-де-Жанейро в 1992 г. была посвящена расширению знаний о взаимосвязи между миграцией и окружающей средой и разработке миграционной политики, нацеленной на решение проблем экологических мигрантов. Программа действий, принятая на Международной конференции по народонаселению и развитию в Каире в 1994 г. (International Conference on Population and Development), включала раздел по международной миграции. Особое внимание было уделено вопросам, связанным с международной миграцией и развитием, легальными мигрантами, нелегальными мигрантами, беженцами и перемещенными лицами (Программа действий, 1994).

Глобальная комиссия по международной миграции пришла к выводу, что «международная миграция должна стать неотъемлемой частью национальных, региональных и глобальной стратегий для экономического роста как развитых, так и развивающихся стран» (Глобальная комиссия, 2005). Центральной темой диалога ООН в сентябре 2006 г. по вопросам международной миграции и развитию

стало рассмотрение взаимодействия миграции и устойчивого развития. Особое внимание было уделено оценке экономических выгод развивающихся стран от международной миграции.

В других соглашениях, таких как программы действий для наименее развитых стран, Монтеррейском консенсусе Международной конференции по финансированию развития также анализируются различные аспекты взаимодействия миграции и развития, в том числе необходимости более эффективного применения приобретенных в эмиграции знаний и навыков возвращающимися на родину мигрантами. И это далеко не полный список международных соглашений.

Новая повестка дня тесно связана с проводящейся международной и национальной миграционной политикой. Она предназначена для всего населения мира, в том числе для 232 млн. мигрантов, их семей и общин и базируется на научных исследованиях влияния миграции на устойчивое развитие. В научных исследованиях представлены три основные позиции по вопросу взаимосвязи миграции и развития. В соответствии с «девелопменталистским оптимизмом» предполагается, что международная миграция положительно влияет на развитие территорий. Анализ негативных последствий миграции составляет ядро второго подхода – «структуралистского пессимизма или скептицизма», предполагающего исследование негативных последствий миграции. Несмотря на концептуальную противоположность этих подходов, их объединяет общая посылка, согласно которой миграция населения происходит из-за недостаточного уровня развития территорий. Третья позиция нацелена на формирование более сбалансированной оценки взаимосвязи миграции и развития, что предполагает двоякое (амбивалентное) понимание этой связки (De Haas, 2008).

Схематично эволюцию научных взглядов по оценке влияния миграции на формирование потенциала управляемого устойчивого развития можно представить четырьмя этапами (табл. 5.1).

**Основные этапы развития исследований взаимосвязи
миграции, развития в единстве с политикой
(De Haas, 2007)**

Период	Характеристика исследований	Политические установки
До 1973 г.	Оптимизм по отношению к взаимодействию развития и миграции	Девелопменталистской оптимизм; трансфер капитала и знаний мигрантов содействует переходу развивающихся стран к устойчивому развитию
1973–1990 гг.	Пессимизм по отношению к взаимодействию развития и миграции (девелопменталистский пессимизм)	Растущий скептицизм. Учет возрастающих рисков «утечки мозгов» и интеграции возвращающихся мигрантов
1990–2001 гг.	Теория новой экономики трудовой миграции, подход жизнеобеспечения, транснационализм	Устойчивый скептицизм; ужесточение иммиграционной политики
После 2001 г.	Публикационный бум, неоднозначное, но, в основном, позитивное отношение к взаимодействию развития и миграции	Возрастающий поток денежных переводов мигрантов на родину рассматривается как источник инвестиций в развивающихся экономиках. Сбережения национальных диаспор в развитых экономиках также определяются как источник инвестиций

Сформулируем обстоятельства, в соответствии с которыми в настоящее время оценка влияния миграции так важна для устойчивого развития, что находит отражение в новых целях устойчивого развития (Sustainable Development Goals, SDGs) (Юрков, 2017, с. 63):

- Демография: миллиард человек живут и работают за пределами своей родины. В сегодняшнем мобильном мире миграционные процессы затрагивают практически все страны, внося свой вклад в многообразие способов развития во всем мире.
- Экономика: мигранты и национальные диаспоры заняты в экономике и создании рабочих мест. В настоящее время одна из семи новых компаний в США и Великобритании регистрируется мигрантами. Мигранты отправляют полтриллиона USD в год в виде денежных переводов своим семьям и диас-

порам, что более чем в три раза превышает официальные трансферты, выделяемых на цели развития. К тому же в среднем мигранты тратят и сберегают в общей сложности сумму в четыре раза большую официальных трансфертов в странах их проживания. Используя личные международные связи, трудовые мигранты способствуют открытию новых рынков для экспорта товаров. В мегаполисах сообщества мигрантов содействуют экономическому развитию определенных видов экономической деятельности: гостиничный и ресторанный бизнес, туризм, риэлтерские и информационные услуги.

- В социальном плане: соблюдение прав человека является положительным следствием миграции не только для самих мигрантов, но и для устойчивого развития общества в целом. Массовость трудовой миграции активизирует профсоюзное движение, расширяет его границы и масштабы. Обострение проблем прав человека вследствие миграции актуализирует социальную значимость диалога между правительством и гражданским обществом.
- Универсальность: в то время как цели развития тысячелетия преимущественно нацелены на слаборазвитые страны, концепция SDGs включает все страны (эмиграции, транзита и иммиграции). Это относится к настоящим и будущим поколениям. Признание универсальности SDGs мировым сообществом повлечет включение их в системы доступа к образованию, здравоохранению, охране труда, безопасности и т.д.

В июне 2014 г. 309 общественных организаций и сетей подписали «Стокгольмскую Повестку о включении мигрантов и миграции в глобальные и национальные программы развития в период после 2015 года» («Stockholm Agenda on the inclusion of Migrants and Migration in post-2015 global and national development agendas») (The Stockholm Programme, 2009). Стокгольмская Программа осно-

вана на решениях глобального Форума по миграции и развитию (Global Forum on Migration and Development, GFMD) в 2014 г. и представляет собой набор из 9 целей, связанных с миграцией, и 21 цели, которые вносят вклад в развитие стран, где мигранты и их семьи родились или проживают. В результате был разработан итоговый документ, включающий релевантные миграции цели:

- цель 4b (в рамках цели 4 по образованию) включает в себя ссылку на растущее число стипендий из развивающихся стран в области высшего образования;
- цель 5.2 (в рамках цели 5 по вопросам гендерного равенства) относится к торговле людьми и другим формам эксплуатации (преимущественно женщин);
- цель 8.8 (в рамках цели 8 по экономическому росту) относится к правам всех работников, в том числе трудовых мигрантов и особенно женщин-мигрантов;
- цель 10.7 (в рамках цели 10 по неравенству) нацелена на облегчение упорядоченной, безопасной, регулярной и ответственной миграции, в том числе через разработку территориальной миграционной политики;
- цель 10-10с (также в рамках цели 10) относится к снижению операционных издержек на отправление денежных переводов. Определяется снижение не менее чем на 3% затрат по отправлению денежных переводов и устранение каналов денежных переводов с комиссиями больше, чем 5% от суммы денежного перевода;
- цель 16.2 (в рамках цели 16) относится к борьбе с торговлей детьми. Утверждается установка на прекращение эксплуатации, насилия, торговли людьми и всех форм насилия в отношении детей;
- цель 17.18 (также по цели 17) определяет режим раскрытия информации по мигрантам.

Шесть месяцев спустя, 4 декабря, Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун представил сводный доклад «Дорога к достоин-

ству к 2030 году» («The Road to Dignity by 2030») (Osborn, Cutter, Ullah, 2014). В докладе представлена позиция Генерального секретаря по проблеме устойчивого развития, дающая импульс межправительственным переговорам. Примечательно, что он рассматривает различные аспекты миграции:

- пункт 30 определяет, что новые демографические тенденции изменяют мир, в т.ч. одна из наиболее заметных и динамично развивающихся – миграция, текущий потенциал которой составляет 232 миллиона мигрантов и почти один миллиард внутренне перемещенных лиц (ВПЛ) – тенденция, прямо воздействующая на ЦРТ;
- пункт 46 устанавливает необходимость сбора и мониторинга все более детализированных данных по миграции;
- пункт 51 определяет принцип учета всех имеющихся факторов по миграции: трудовые мигранты, беженцы, перемещенные лица, социальные меньшинства;
- пункт 72 устанавливает, что все люди, в том числе мигранты, должны быть обеспечены достойной занятостью, социальной защитой, а также доступом к финансовым сервисам независимо от статуса национальной экономики;
- пункт 117 (в разделе «Финансирование будущего») устанавливает необходимость активизации усилий по сокращению расходов на отправление денежных переводов мигрантами.

Для достижения этих целей предполагается осуществление следующих мероприятий:

1. Любое национальное правительство является частью переговорного процесса по SDG. Поэтому в кабинете министров должна быть рабочая группа, ответственная за достижение целей развития тысячелетия (с 2000 по 2015 г.). Кроме того, необходимо установить контактных членов в парламенте и обсудить, как парламент может контролировать и влиять на переговоры.

2. Организация доступа к данным по миграции, а также разработка альтернативного отчета о результатах политики по мигра-

ции и развитию. Использование этого отчета для влияния на правительства в части укрепления переговорных позиций по SDG.

3. Предстоящие цели и задачи SDG будут дополняться показателями, необходимыми для измерения прогресса в реализации. Это технический, но очень важный процесс: какие показатели будут выбраны, как они будут измеряться?

4. Присоединение к открытой рабочей группе Управления по вопросам миграции и развития, которая координирует усилия по лоббированию и обмену информацией.

В резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 2015 г. «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» эти цели декларируются повторно. В документе также отмечается, что страны мира:

- признают позитивный вклад мигрантов в обеспечение всеохватного роста и устойчивого развития;
- признают, что международная миграция представляет собой многоплановое явление, имеющее большое значение для развития стран происхождения, транзита и назначения и требующее применения согласованного и всеобъемлющего подхода;
- будут сотрудничать на международном уровне в деле обеспечения безопасной, упорядоченной и законной миграции, предполагающей полное уважение прав человека и гуманное обращение с мигрантами, независимо от их статуса, с беженцами и перемещенными лицами. Такое сотрудничество должно также укреплять жизнестойкость общин, принимающих беженцев, особенно в развивающихся странах;
- обращают особое внимание на право мигрантов на возвращение в страну своего гражданства и напоминают, что государства должны обеспечить надлежащий прием своих возвращающихся граждан (Преобразование нашего, 2015).

Методологический подход, согласующийся с методологией ООН, развиваемый учеными, исследующими взаимосвязь миграции и устойчивого развития, состоит в оценке и использовании в эконо-

мическом анализе степени взаимозаменяемости антропогенного (человеческого (HC), физического (FC), социального (SC), интеллектуального (IC)) капитала и природного капитала. Миграционные потоки оказывают существенное влияние на взаимозаменяемость этих видов капитала.

В перспективе и международная, и внутренняя миграция могут внести значительный вклад в устойчивое развитие территории: на их основе могут быть построены социальные и политические сети, способствующие решению проблем нехватки квалифицированных специалистов, обеспечения источниками капитала, инвестиций и трансферта знаний и технологий. Эти возможности могут быть не реализованы вследствие отсутствия релевантной политики регулирования миграционных процессов. Хронические дисбалансы на рынке труда, фискальные дисбалансы и неравенство в доходах – это все следствия несбалансированной демографической и миграционной политики, усиливающей риски социально-экономической деятельности.

Учет взаимодействия миграции и развития в политике УР территории является необходимым условием использования преимуществ миграции и смягчения ее потенциально негативных последствий. Актуализация учета взаимодействия направлена на обеспечение решения проблем миграции и развития в таких секторах, как занятость, социальная защита, медицинское обслуживание, а также предоставление финансовых услуг и интегрирована во все этапы планирования, включая проектирование, внедрение, мониторинг и оценку результативности разрабатываемой политики.

Механизм реализации политики обеспечения эколого-экономической устойчивости развития территории должен быть построен на принципе информационной эффективности коллективного принятия решений. Поэтому, в частности, принятие таких решений выведено на международный уровень ООН. Устойчивое развитие локализованной территории невозможно без реализации общемировой и национальной стратегии устойчивого развития.

Разработка концепции механизма устойчивого развития национальной экономики обуславливает применение территориального подхода, так как реализация социально-экономических инициатив развития осуществляется посредством разработки и реализации комплекса мер на локализованных территориальных единицах, отличающихся не только ресурсным потенциалом, но и генетическими особенностями развития, в том числе спецификой миграционных процессов. Неоднородность в уровнях социально-экономического развития территорий РФ, бюджетообразовании обуславливает фрагментарность структуры отечественной экономики и дифференцированные по интенсивности и направленности миграционные потоки. Дифференциация по бюджетообразующему признаку и ресурсному обеспечению закладывают необходимость учета территориальной специфики при разработке и реализации установок политики устойчивого развития.

Стратегическая цель политики управления миграционными процессами состоит в создании механизмов координации миграционных потоков и потребностей экономики в рабочей силе. Сегодня можно выделить два концептуально отличающихся подхода к решению этой проблемы: механизм, «приводимый в движение» работодателями или спросом (*is employer or demand driven*) и механизм, «приводимый в движение» политикой (*is policy driven*). При всем отличии этих механизмов их объединяет то, что эффективность их деятельности определяется функционирующей институциональной матрицей, концептуальные основы которой были разработаны С.Г. Кирдиной. В развитие данной концепции предлагается модель институциональной матрицы, ядро которой составляют институты развития (рис. 5.1).

Институциональная матрица – это форма общественной интеграции в основных сферах жизнедеятельности социума – экономике, политике и идеологии (Кирдина, 2001). Именно поэтому институциональная матрица обеспечивает и сопровождает интеграцию мигрантов во все сферы жизнедеятельности социума. Но может

случиться и обратное: интеграции мигрантов не происходит. Исходя из общепринятого понимания институтов как исторических инвариантов, позволяющих обществу выживать, развиваться и сохранять самодостаточность и целостность в ходе исторической эволюции независимо от воли и желания конкретных социальных субъектов (Социальная траектория, 1999, с. 56), можно выдвинуть следующую гипотезу. Господствующие институты страны (территории) реципиента оказываются генетически не воспринимаемы и поэтому не востребоваемы мигрантами. Возникает институциональное противоречие, которое возможно разрешить путем трансформации устойчивых инвариантов мигрантов на основе активизации институтов развития. Развитие, прогресс в известной степени меняет исторические устойчивые инварианты не только мигрантов, но и местного населения. Актуализация институциональной матрицы территории-реципиента происходит с активным участием мигрантов, которые в процессе развития начинают принимать трансформируемые ими, но все же сохраняющие свою качественную специфику, институты территории-реципиента.

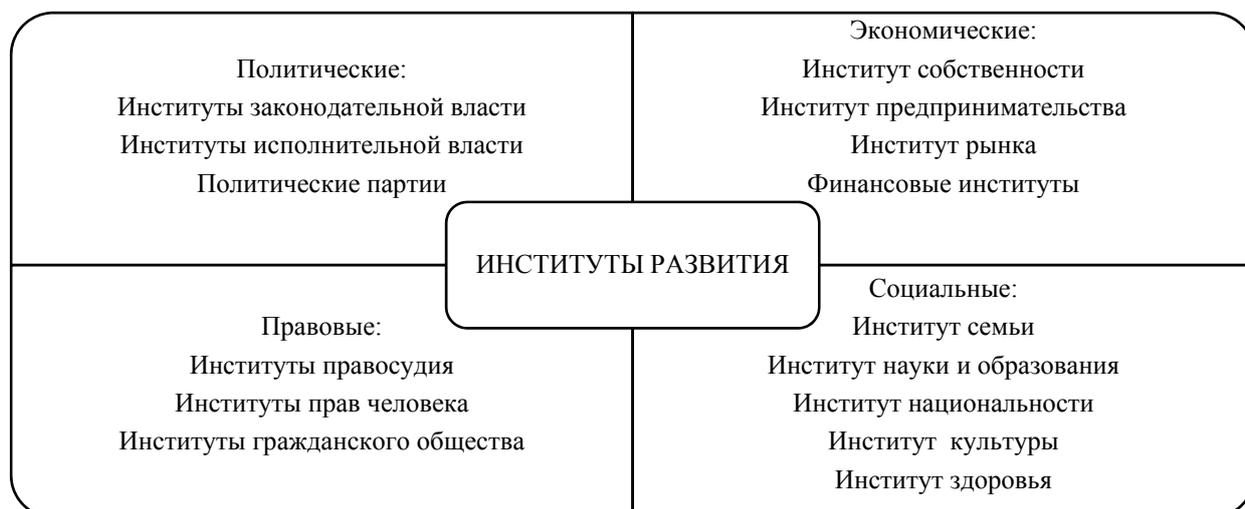

Рис. 5.1 – Институциональная матрица механизмов управления миграционными процессами

Новый создаваемый субъектами территории в процессе развития институциональный порядок и составляет, по нашему мнению,

цель стратегического развития любой территории. Система стратегического управления территориями Российской Федерации разрабатывается с целью обеспечения устойчивого социально-экономического развития страны. Основу институционального нормативного регулирования государственного стратегического управления составляют базовые положения стратегии социально-экономического развития Российской Федерации, стратегии пространственного развития России, стратегий социально-экономического развития макрорегионов, отраслевые документы стратегического управления страной. Предметом правового регулирования данных законодательных инициатив являются общественные отношения в сфере планирования, прогнозирования и стратегического контроля устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации, составляющие целостную систему государственного стратегического планирования.

Бесспорно, что результаты взаимовлияния трудовой миграции и устойчивого развития асимметричны. Если устойчивость развития территории однозначно вызывает рост притока (уменьшение оттока) мигрантов на этой территории, то обратная каузальная зависимость не так однозначна, зависит от многих параметров и варьируется от страны к стране.

Экономическая (трудовая) миграция может иметь разные последствия для устойчивого развития, обусловленные количественными параметрами, качественным составом и специальными характеристиками миграционных потоков. Воздействие миграции также может варьироваться в зависимости от уровня квалификации, географического происхождения, вида деятельности, возраста и пола мигрантов. Другими переменными данного воздействия являются длительность пребывания мигрантов, организованный или стихийный характер миграции, а также этапы развития демографической ситуации и рынка труда на территориях-донорах и территориях-реципиентах.

Оценка влияния экономической (трудовой) миграции и устойчивого социально-экономического развития территорий любой

страны предполагает определение оптимальных формальных характеристик, которым должны отвечать государственные (территориальные) программы трудовой миграции в целях удовлетворения потребностей власти, работодателей, местного социума и трудовых мигрантов. Объективные трудности измерения эффективности результатов влияния на практике обуславливают сложность оценки как при проектировании государственных (территориальных) программ трудовой миграции, так и в процессе их реализации. Так, практически невозможно достоверно оценить влияние нелегальной миграции на рынок труда.

Внутренняя и внешняя миграция имеет огромный потенциал для устойчивого развития территорий Российской Федерации, как с позиции территорий-реципиентов, так и с позиции территорий-доноров. Для последних в дополнение к возможности снижения уровня безработицы, миграция может предоставить форму поддержки территориального развития, особенно через денежные переводы, трансферты передовых технологий, создание финансовых, бизнес- и торговых сетей. Для принимающих территорий, столкнувшихся с нехваткой рабочей силы, иммиграция способствует преодолению дефицита рабочей силы, содействует профессиональной мобильности и росту капитализации человеческого капитала.

Влияние миграции на устойчивость социально-экономического развития России во многом определяется способностью иммигрантов и возможностями территории по интеграции иммигрантов. Интеграция иммигрантов – это не только вопрос социальной ответственности и сплоченности, но и экономической эффективности. Прием трудовых иммигрантов требует существенного укрепления политики интеграции иммигрантов. Доступ к социальным льготам обычно зависит от продолжительности пребывания, квалификации, уровня образования и трудового стажа работника-мигранта. Может потребоваться создание специального механизма частичной компенсации мигрантами получаемых из системы социального обеспечения трансфертов.

Результативность воздействия трудовой иммиграции в значительной степени определяется качественными характеристиками миграционных трудовых потоков. В зависимости от того, к какому типу относится иммиграционный трудовой поток, будет определяться его результативность и социально-экономические последствия.

Одним из важнейших признаков потенциальной эффективности мигранта является наличие у него образования. Чем выше уровень образования, тем выше его производительность, более широкие возможности его экономической занятости в производствах высоких переделов, а, следовательно, и выше вклад в устойчивое развитие территории. Кроме того, замечено, что образованные мигранты менее склонны к асоциальным поступкам и быстрее интегрируются в социум. К тому же принимающая сторона в определенной степени освобождается от бремени инвестиций в человеческий капитал, поскольку они уже осуществлены на территории бывшего проживания мигранта.

Миграция высококвалифицированных специалистов уже была предметом бурных научных дискуссий в области устойчивого развития в 1970-х гг., но фокус этих дискуссий был сконцентрирован на проблеме «утечки мозгов». Вновь обретенный интерес к миграции высококвалифицированных работников является более сбалансированным по структуре исследований, более прикладным, например, в попытках разработать селективную политику отбора, привлечения и интеграции высококвалифицированных мигрантов (через системы набора баллов (points systems) или через систему «Зеленой Карты» (Green Card)). Возросший интерес в связи с высокой динамикой эмиграции квалифицированной рабочей силы отражен в обостряющейся проблеме потери квалифицированных кадров территориями-донорами.

Не удивительно, что миграция высококвалифицированных специалистов также вызывает интерес у ученых и на уровне международных организаций. В последние годы множество исследований по данной теме были проведены такими организациями, как ОЭСР,

Международная Организация Труда и Конференция ООН по торговле и развитию (UNCTAD).

Модель устойчивого развития территории с учетом миграции базируется на создании эффективных экономических институтов и соответствующей институциональной среды. Однако, исходя из практического опыта, можно выделить ряд барьеров, препятствующих достижению устойчивости территориальной экономической системой, а именно:

- несовершенство территориальных рынков труда;
- нечетко определенные права мигрантов;
- разобщенность государственного управления и институционального регулирования миграционных потоков;
- несбалансированное развитие территориальных институтов управления миграционными потоками.

Специфика управления миграцией как механизма устойчивого развития территории определяет его основные функции: мониторинг и координацию взаимодействия основных стейкхолдеров, заинтересованных в миграции, разработку единых целевых приоритетов, стратегии и тактики хозяйствующих субъектов; обеспечение эффективного перераспределения трудовых, финансовых, инвестиционных ресурсов в потенциально перспективные структуры территориальной хозяйственной системы; формирование качественных рабочих мест; развитие социальной инфраструктуры (жилищной, транспортной, здравоохранения и т.п.), содействие развитию рынка арендного жилья, улучшение качества городской среды, улучшение условий для деятельности малого бизнеса.

К приоритетным направлениям создания подобного механизма относятся: совершенствование территориального законодательства с учетом императива накопления человеческого капитала, развитие рынка работ и услуг, требующих высокой квалификации на основе воспроизводства соответствующего спроса и предложения, внедрение в практику территориального управления обязательного страхования миграционных рисков, развитие системы нормирова-

ния миграционных потоков с учетом территориальной специфики, мониторинг дисбалансов на рынке труда и координация целей устойчивого развития территорий, развитие системы профессионального образования и переквалификации.

5.3. Население Севера России

Из 17,1 млн. кв. км площади страны на территории российского Севера приходится 11,9 млн. кв. км (69,7%), а на территории, полностью относимые к Крайнему Северу и местности, приравненные к нему, приходится 7,6 млн. кв. км, или 44,5%. На 1 января 2018 г. численность населения российского Севера составила 9 млн. 920,9 тыс. человек, или 6,75% населения России. В регионах, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям – 7 млн. 850,8 тыс. человек, или 5,35% населения страны. Основная часть населения Севера проживает в субъектах, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям (79,13% от численности населения Севера). Два региона имеют численность населения свыше одного миллиона человек: Архангельская обл. – 1 млн. 155,0 тыс. и Ханты-Мансийский АО – 1 млн. 655,1 тыс. человек. Два субъекта не дотягивают до 50 тысяч: Ненецкий АО – 44,0 тыс. и Чукотский АО – 49,4 тыс. человек. Численность населения Азиатского Севера (4 млн. 478,9 тыс.) превосходит население Европейского Севера (3 млн. 371,9 тыс.) на 1 млн. 107 тыс. человек. Российский Север высоко урбанизирован, на сельское население приходится 1 млн. 488,4 тыс. (19,0%), а на городское – 6 млн. 362,4 тыс. человек (81,0%, в целом по России – 74,4%).

Четырнадцать городов имеют численность населения свыше 100 тыс.: Сургут – 366,2, Архангельск – 349,7, Якутск – 311,8, Мурманск – 295,4, Петрозаводск – 279,2, Нижневартовск – 275,4, Сыктывкар – 245,1, Южно-Сахалинск – 199,0, Северодвинск – 183,3, Пе-

тропавловск-Камчатский – 181,2, Нефтеюганск – 127,0, Кызыл – 117,0, Новый Уренгой – 114,8 и Ноябрьск – 106,9 тыс. человек.

На Севере России расположено восемь национально-территориальных образований: республики – Карелия, Коми, Саха (Якутия), Тыва и автономные округа – Ненецкий, Ханты-Мансийский (Югра), Чукотский и Ямало-Ненецкий. В них проживают титульные этносы: карелы, коми, манси, ненцы, тувинцы, ханты, чукчи и якуты.

Таблица 5.2

**Численность населения северных регионов,
переписи населения 1989 г. и 2002 г.,
текущие данные на начало 2018 г., тыс. человек**

Регион	1989 г.			2002 г.			2018 г.		
	всего	город	село	всего	город	село	всего	город	село
Северные регионы	9692,9	7654,6	2038,3	8300,6	6588,3	1712,3	7850,8	6362,4	1488,4
в т.ч. в национальных образованиях	5438,7	4169,4	1269,3	5024,9	3858,1	1166,8	5036,4	4010,6	1025,8
Европейский Север	4775,3	3810,5	964,8	3964,0	3126,8	837,2	3371,9	2754,1	617,8
Республика Карелия	790,2	643,5	146,7	716,3	537,4	178,9	622,5	500,6	121,9
Республика Коми	1250,8	944,4	306,4	1018,7	766,6	252,1	840,9	656,8	184,1
Архангельская область	1569,7	1151,6	418,1	1336,5	999,6	336,9	1155,0	900,9	254,1
Ненецкий АО	53,9	34,3	19,6	41,5	26,2	15,3	44,0	32,1	11,9
Мурманская область	1164,6	1071,0	93,6	892,5	823,2	69,3	753,5	695,8	57,7
Азиатский Север	4917,6	3844,1	1073,5	4336,6	3461,5	875,1	4478,9	3608,3	870,6
Республика Саха (Якутия)	1094,1	732,0	362,1	949,3	610,0	339,3	964,3	632,8	331,5
Республика Тыва	308,6	144,3	164,3	305,5	157,3	148,2	321,7	173,8	147,9
Камчатский край	471,9	384,4	87,5	358,8	290,8	68,0	315,6	246,9	68,7
Магаданская область	391,7	328,3	63,4	182,7	168,7	14,0	144,1	138,2	5,9
Сахалинская область	710,2	584,2	126,0	546,7	474,1	72,6	490,2	402,1	88,1
Ханты-Мансийский АО – Югра	1282,4	1166,3	116,1	1432,8	1301,9	130,9	1655,1	1528,3	126,8
Ямало-Ненецкий АО	494,8	385,6	109,2	507,0	422,8	84,2	538,5	451,4	87,1
Чукотский АО	163,9	119,0	44,9	53,8	35,9	17,9	49,4	34,8	14,6

Последнее десятилетие XX в. стало переломным в политической и экономической системе России (Север: проблемы, 2007). Это обстоятельство не могло не коснуться и миграционных настроений северян. С 1989 по 2018 г. численность населения северных регионов уменьшилась с 9 млн. 692,9 тыс. до 7 млн. 850,8 тыс.,

или на 1 млн. 842,1 тыс. человек, в т.ч. в национальных регионах она уменьшилась с 5 млн. 438,7 тыс. до 5 млн. 36,4 тыс., или на 402,3 тыс. человек. Сокращение коснулось как городского, так и сельского населения (табл. 5.2).

В десяти регионах из тринадцати произошло уменьшение численности населения, и только в трех – рост. К числу преуспевающих регионов в демографической динамике относятся: Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО, Республика Тыва (табл. 5.3).

Таблица 5.3

Группировка северных регионов по степени влияния показателей естественного движения и миграции на изменение численности населения в 1990–2017 гг.

Регионы, в которых население увеличилось	
в т.ч. за счет	
– естественного и миграционного приростов	Ханты-Мансийский АО
– превышение естественного прироста над миграционным оттоком	Республика Тыва Ямало-Ненецкий АО
Регионы, в которых население сократилось	
в т.ч. за счет	
– естественной убыли и миграционного оттока	Республика Карелия Республика Коми Архангельская область Магаданская область Мурманская область Сахалинская область
– превышения миграционного оттока над естественным приростом	Республика Саха Камчатский край Ненецкий АО Чукотский АО

5.4. Результативность миграционного обмена северных регионов России

В формировании населения северных территорий до начала 1990-х гг. исключительно важную роль играли миграции. Сегодня их влияние также существенно, но уже в другом аспекте. Если в

период экстенсивного освоения Севера миграции способствовали росту населения, то сегодня они, наоборот, «съедают» значительную часть населения северных территорий (Фаузер, Лыткина, 2017, с. 142–143). Что касается естественного движения, то он, в отличие от миграций, в отдельных регионах Севера стал иметь положительную динамику (Фаузер, 2017).

По России в целом и ее северным регионам наблюдается разнонаправленная динамика. В России уже четверть века идет миграционный прирост населения и скорее всего он сохранится в ближайшие годы, поскольку демографический потенциал ближнего зарубежья еще до конца не исчерпан (Гришанова, Кожевникова, Рыбаковский, 2016). За 1991–2017 гг. механический прирост в России составил 9 млн. 557,3 тыс. человек, но естественная убыль была значительно больше – 13 млн. 301 тыс., что дало отрицательный прирост населения – 3 млн. 743,7 тыс. человек.

На Севере России демографическая динамика и результативность миграционного обмена отличаются от российских трендов. В четырех из шести выделенных периодов естественный прирост (ЕП) был положительным, что обеспечило общий ЕП в 309,9 тыс. человек, или в среднем 11,5 тыс. человек в год. Миграции, наоборот, уменьшали численность населения Севера России. За 1991–2017 гг. механическая убыль составила 2 млн. 176,9 тыс. человек. Но это в целом по Северу. Если рассмотреть тренды отдельно по азиатской и европейской части, то динамика будет у них различаться. На Европейском Севере и естественный, и механический приросты имели все периоды отрицательную величину. При этом если в естественном приросте нет определенного тренда, то в механической убыли он четко прослеживается – идет постоянное снижение среднегодовой убыли населения с 65,6 в 1991–1995 гг. до 20,9 тыс. человек в 2016–2017 гг.

Азиатский Север благодаря автономным округам, где экономика ориентирована на нефтегазовый сектор, имел положительное воспроизводство населения и ниспадающую миграционную убыль

населения. Так если в 1991–1995 гг. среднегодовая миграционная убыль по Азиатскому Северу составляла 112,0, то в 2016–2017 – 10,0 тыс. человек. Это обеспечило Азиатскому Северу с 2001 г. общий прирост населения (табл. 5.4).

Таблица 5.4

**Прирост (убыль) населения северных регионов
за 1991–2017 гг., человек**

Регион	Период	Прирост (убыль)			Среднегодовой прирост (убыль)	
		общий	естественный	механический	естественный	механический
Российская Федерация*	1991–1995	17892	-2599396	2617288	-519879	523458
	1996–2000	-1988027	-4127058	2139031	-825412	427806
	2001–2005	-3067029	-4406566	1339537	-881313	267907
	2006–2010	-371149	-2007821	1636672	-401564	327334
	2011–2015	1355908	-36159	1392067	-7232	278414
	2016–2017	308690	-124016	432706	-62008	216353
	1991–2017	-3743715	-13301016	9557301	-492630	353974
Север России	1991–1995	-831771	56634	-888405	11327	-177681
	1996–2000	-499390	-24132	-475258	-4826	-95052
	2001–2005	-303318	-33950	-269368	-6790	-53874
	2006–2010	-168742	82960	-251702	16592	-50340
	2011–2015	-55428	174891	-230319	34978	-46064
	2016–2017	-8261	53538	-61799	26769	-30900
	1991–2017	-1866910	309941	-2176851	11479	-80624
Европейский Север	1991–1995	-379853	-51645	-328208	-10329	-65642
	1996–2000	-345550	-86151	-259399	-17230	-51880
	2001–2005	-303426	-110443	-192983	-22088	-38597
	2006–2010	-199506	-46013	-153493	-9203	-30698
	2011–2015	-137797	-5738	-132059	-1148	-26412
	2016–2017	-51015	-9212	-41803	-4606	-20902
	1991–2017	-1417147	-309202	-1107945	-11452	-41035
Азиатский Север	1991–1995	-451918	108279	-560197	21656	-112039
	1996–2000	-153840	62019	-215859	12404	-43172
	2001–2005	108	76493	-76385	15298	-15277
	2006–2010	30764	128973	-98209	25795	-19642
	2011–2015	82369	180629	-98260	36126	-19652
	2016–2017	42754	62750	-19996	31375	-9998
	1991–2017	-449763	619143	-1068906	22931	-39589

* без учета Республики Крым и г. Севастополь

В целом можно отметить, что с 1991 по 2017 г. Россия имела среднегодовой механический прирост в 354,0 тыс. человек. В этот же период Север России терял в год 80,6 тыс. человек, в том числе Европейский – 41,0 и Азиатский Север – 39,6 тыс. человек.

5.5. Влияние миграции на половозрастную структуру и образовательный уровень населения Севера России

Миграции помимо прямого влияния на численность населения выполняют селективную функцию, как в местах вселения мигрантов, так и в местах их исхода. Кроме этнической – это относится к возрастной и половой структурам. Если посмотреть в статике, то можно отметить, что на Севере выше доля детей и лиц в трудоспособном возрасте, но ниже доля лиц старших возрастов. Это преимущество особенно заметно на Азиатском Севере, на Европейском Севере это преимущество постепенно сводится на нет. Рассматривая возрастную структуру в динамике, видно, что идет увеличение доли детей и лиц старших возрастов за счет уменьшения трудоспособной части. Также можно отметить, что возрастная структура населения Европейского Севера близка к российской, что свидетельствует о завершенности здесь процесса формирования населения (табл. 5.5).

Анализируя возрастную структуру в разрезе регионов Севера, можно отметить следующее. Во-первых, в северных регионах выше доля лиц моложе трудоспособного возраста – 21,7% (РФ – 18,6%). Здесь можно выделить Республику Тыва – 34,6, Республику Саха (Якутия) – 24,9 и Ненецкий АО – 24,7%. Во-вторых, выделяются повышенные доли трудоспособных – 58,3% (РФ – 56,0%). Особенно высока она в Ямало-Ненецком – 64,3, Чукотском – 62,3 и Ханты-Мансийском – 61,2% АО. В-третьих, на Севере ниже российского уровня доля лиц старших возрастов – 20,0% (РФ – 25,4%). Только в

Республике Карелия (27,1%) и Архангельской обл. (26,4%) она выше российского уровня. Меньше всего пожилых людей в Ямало-Ненецком АО – 11,6, в Республике Тыва – 11,4, в Чукотском АО – 14,7, в Ханты-Мансийском АО – 15,6 и Республике Саха (Якутия) – 17,0%.

Таблица 5.5

**Распределение населения по возрастным группам
в общей численности населения северных регионов
в 2005, 2010 и 2018 гг., %**

Год	Население в возрасте	Российская Федерация	Север России	Европейский Север	Азиатский Север
2005	моложе трудоспособного	16,9	19,6	17,1	21,8
	трудоспособном	62,7	67,5	66,1	68,7
	старше трудоспособного	20,4	12,9	16,8	9,5
2010	моложе трудоспособного	16,2	19,0	16,6	21,1
	трудоспособном	62,0	65,6	63,8	67,0
	старше трудоспособного	21,8	15,4	19,6	11,9
2018	моложе трудоспособного	18,3	21,7	19,1	23,6
	трудоспособном	56,0	58,3	56,2	59,9
	старше трудоспособного	25,4	20,0	24,7	16,5

Наряду с негативным влиянием на численность населения миграции в то же время способствовали поддержанию на Севере более молодой возрастной структуры. Анализ миграционных потоков показывает, что в период с 2005 по 2017 г. среди прибывших шло увеличение доли молодых возрастов с 14,5 до 16,7%. В структуре выбывших увеличилась доля старших возрастов с 10,2 до 12,6%. Структура миграционной убыли по возрастным группам также показывает свое положительное влияние на возрастную структуру населения. Так в миграционной убыли уменьшилась доля молодежи с 9,0 до 6,6% и возросла убыль лиц старших возрастов – с 22,4 до 41,1% (табл. 5.6).

В миграционных потоках, направленных на освоение новых территорий, удовлетворение социально-экономических потребностей, поиска престижной работы и получение образования, как правило, преобладают лица молодых возрастов и имеющих высокий уровень образования. В потоках вынужденного убытия все наоборот, преобладают старшие возраста, менее квалифицированные работники.

Таблица 5.6

**Возрастной состав мигрантов северных регионов
в 2005, 2010 и 2017 гг., %**

Регион	2005 г.			2010 г.			2017 г.		
	Мигранты в возрасте								
	моложе трудоспособного	трудоспособном	старше трудоспособного	моложе трудоспособного	трудоспособном	старше трудоспособного	моложе трудоспособного	трудоспособном	старше трудоспособного
	<i>Прибывшие</i>								
Российская Федерация	13,8	73,8	12,4	13,5	74,9	11,6	18,1	71,5	10,4
Север России	14,5	78,0	7,5	15,4	77,2	7,4	16,7	73,5	9,8
Европейский Север	12,5	78,7	8,8	14,6	75,9	9,5	17,5	72,9	9,6
Азиатский Север	15,7	77,6	6,7	15,7	77,9	6,4	16,1	74,0	9,9
	<i>Выбывшие</i>								
Российская Федерация	13,8	74,2	12,0	13,8	74,4	11,8	18,2	71,2	10,6
Север России	13,5	76,3	10,2	12,8	74,9	12,3	15,8	71,6	12,6
Европейский Север	12,3	77,2	10,5	12,2	75,0	12,8	16,3	72,0	11,7
Азиатский Север	14,3	75,7	10,0	13,2	74,8	12,0	15,5	71,4	13,1
	<i>Общий миграционный прирост (убыль)</i>								
Российская Федерация	12,7	66,7	20,6	10,0	81,0	9,0	14,6	77,6	7,8
Север России	-9,0	-68,6	-22,4	-3,6	-66,5	-29,9	-6,6	-52,3	-41,1
Европейский Север	-11,7	-72,3	-16,0	-7,5	-73,2	-19,3	-8,6	-66,7	-24,7
Азиатский Север	-6,0	-64,7	-29,3	2,2	-56,7	-45,5	-2,6	-23,0	-74,4

Сальдо миграции показывает, что северные территории получают в последнее время менее квалифицированные кадры, а отдают более образованные. В 2005 г. отрицательное сальдо миграции в обмене мигрантами, имеющих неполное и высшее образование, составляло 25,7, а в 2017 г. – уже 57,5%, в т.ч. Европейский – 27,8 и 50,3%, Азиатский Север – 23,5 и 68,5% соответственно (поиск достойной работы и высокой зарплаты). В миграционном обмене незначительно возрос удельный вес лиц, имеющих основное и начальное общее, и не имеющих образования с 3,4 до 5,3% (политика переселений, отъезд пенсионеров). Одновременно меньше стало уезжать молодежи, имеющей среднее общее (полное) образование – с 39,2 до 8,3% (отток на учебу) и населения со средним и начальным профессиональным образованием – с 31,7 до 28,9% (табл. 5.7).

Таблица 5.7

Сальдо миграции населения в возрасте 14 лет и старше северных регионов по уровню образования, 2005 и 2017 гг., %

Уровень образования	Общий миграционный прирост (убыль)							
	Российская Федерация		Север России		Европейский Север		Азиатский Север	
	2005 г.	2017 г.	2005	2017	2005	2017	2005	2017
Всего имели образование	100,0	100,0	-100,0	-100,0	-100,0	-100,0	-100,0	-100,0
– высшее профессиональное (высшее)	18,0	26,2	-20,5	-53,3	-24,4	-45,9	-16,5	-64,6
– неполное высшее профессиональное	3,3	2,7	-5,2	-4,2	-3,4	-4,4	-7,0	-3,9
– среднее профессиональное (среднее специальное)	33,2	35,7	-31,7	-27,9	-34,2	-26,5	-29,2	-30,0
– начальное профессиональное	-	1,0	-	-1,0	-	-1,3	-	-0,6
– среднее общее (полное)	30,7	27,5	-39,2	-8,3	-27,7	-15,0	-50,8	1,9
– основное общее (среднее общее неполное)	11,6	5,2	-2,8	-4,3	-8,9	-5,4	3,3	-2,6
– начальное общее (начальное) и не имеющие образование	3,2	1,7	-0,6	-1,0	-1,4	-1,5	0,2	-0,2

Таким образом, можно подвести некоторые итоги. С 1989 по 2018 г. численность населения северных регионов уменьшилась с 9 млн. 692,9 тыс. до 7 млн. 850,8 тыс., или на 1 млн. 842,1 тыс. человек, уменьшилась и доля северян в структуре населения России – с 6,59% до 5,35%. Этому в большей мере способствовал миграционный отток населения – из фактора роста миграция стала фактором убыли населения российского Севера. С улучшением экономической ситуации, стабилизацией политической ситуации в стране и регионах в разы уменьшилась миграционная убыль населения. Если в 1991–1995 гг. в среднем в год Север терял 177,7, то в 2016–2017 – 30,9 тыс. человек. Учитывая дискуссии начала 1990-х гг. о неэффективности централизованной политики советского государства, о перенаселенности Севера можно было бы предположить,

что Север избавляется от излишнего населения. Однако, по мнению экспертов, российский Север в настоящее время недонаселен постоянным населением – 57,5%, имеет оптимальную численность постоянного населения – 29,3%, перенаселен постоянным населением – 10,9% (Население северных, 2016).

Массовый отток русскоязычного населения и возвратные миграции на этническую родину коренных народов Севера способствовали тому, что их основная часть стала жить в национальных республиках и автономных округах. В пяти субъектах из восьми доля коренных народов, проживающих на этнической родине, от их общей численности в России выше 80%. В Якутии доля якутов составляет 97,6%, а в Республике Тыва доля тувинцев – 94,5%. Политика экстенсивного заселения северных территорий не прошла бесследно. Если до XX в. коренное население составляло абсолютное и относительное большинство, то в XX–XXI вв. их доля незначительна. Так доля манси и хантов в населении Ханты-Мансийского АО составляет всего 0,8 и 1,3% соответственно. Исключение составляют якуты и тувинцы, где доля коренного этноса самая высокая, соответственно 49,9 и 82,0% (2010 г.).

Миграции внесли «возмущения» во все социально-демографические структуры: выросла доля лиц моложе трудоспособного возраста, больше стало пожилых, но сократилась доля трудоспособной части. Качество населения подверглось образовательной эрозии – северные территории получают в последнее время менее квалифицированные кадры, а отдают более образованные.

Заключение

Все больше стран мира, независимо от экономического потенциала, численности населения и занимаемой площади, присоединяются к достижению целей устойчивого развития. Среди наиболее важных целей политики регионального развития – повышение благосостояния, а также уровня жизни во всех типах регионов. В «Повестке дня – 2030» подчеркивается глобальный характер современного развития, и многие вопросы развития (изменение климата, здравоохранение, миграция и т.д.) были сформулированы как глобальные проблемы, требующие глобальных ответных мер. С 2015 г. страны всего мира начали строить свои планы работ по мониторингу целей устойчивого развития и стремиться достичь целевых значений системы показателей. Так же поступила и Россия.

Понятие «устойчивого развития», получившее свое классическое определение уже более трех десятилетий назад, и поныне вызывает ожесточенные споры, как в теоретическом, так и прикладном аспекте. В первую очередь это связано с трудностью перехода от понятия к конкретным параметрам и критериям. Действительно, «обеспечение необходимого уровня жизни сегодняшних поколений» весьма затруднительно уже в том плане, что сам этот уровень отличается в передовых и отсталых странах в десятки раз и этот разрыв в последние десятилетия практически не меняется. Возникает проблема определения критериев уровня жизни в глобальном масштабе, которые были бы приняты мировым сообществом к долгосрочной реализации.

В «Повестке дня на XXI век» всем странам и международным организациям было рекомендовано разработать концепцию показате-

лей устойчивого развития. В 40 главе этого документа отмечено, что в целях создания надежной основы для процесса принятия решений на всех уровнях и содействия обеспечению саморегулируемой устойчивости комплексных экологических систем и систем развития необходимо разработать показатели устойчивого развития. А координация работ по широкому использованию ПУР должна осуществляться под руководством Статистического управления Секретариата ООН, поскольку в этом Управлении происходит накопление нового опыта в данной области (Доклад Конференции, 1993, с. 504–505).

В мире активно идет разработка критериев и индикаторов устойчивого развития. Этим занимаются ведущие международные организации: ООН, Всемирный Банк, Организация стран экономического сотрудничества и развития, Европейская комиссия, Научный комитет по проблемам окружающей среды (SCOPE) и др. Обобщая накопленный опыт, авторы сформулировали свои критерии к показателям оценки устойчивого развития. Их применение позволит проводить сравнительные исследования на межгосударственном и внутристрановом уровне:

1. Соответствие целям устойчивого развития. Каждая группа показателей должна отражать все наиболее существенные аспекты демографического и трудового развития страны или отдельных территорий и быть связанной с устойчивым развитием. Демографические показатели должны характеризовать как естественное, так и миграционное движение населения, а также состав населения с точки зрения диспропорций, которые могут привести к снижению УР.

2. Неизбыточность. Набор демографических и трудовых показателей должен соответствовать методологическому принципу У. Оккама: «не следует вводить новые сущности без крайней на то необходимости». Показатели не должны дублировать смысловую нагрузку друг друга, характеризовать одни процессы.

3. Доступность данных. Достоверные значения всех статистических показателей или результатов социологических исследований, необходимых для определения значений показателей, должны быть доступны.

4. *Учет международного и российского опыта.* Для обеспечения сопоставимости с результатами международных исследований необходимо применять те показатели, которые уже успешно используются крупными международными организациями, исследующими устойчивое развитие.

Также необходимо подчеркнуть, что важным критерием для выбора показателей УР является их соответствие стандартам качества официальных статистических данных, предоставляемых национальными статистическими службами.

В работе проанализированы существующие подходы и наборы показателей/индикаторов. Из всего многообразия отобраны те, что раскрывают демографические процессы и характеризуют рынок труда. На их основе выбраны показатели, оценивающие демографическую и трудовую устойчивость. По авторской методике с учетом экспертных оценок значимости факторов и показателей рассчитаны интегральные индексы демографической и трудовой устойчивости северных регионов России. Затем все регионы ранжированы по степени устойчивости: высокая, средняя, низкая и критическая. Проведенный анализ показал, что с 2000 по 2015 г. все северные регионы улучшали свою устойчивость, в последующие два года устойчивость либо стабилизировалась, либо стала снижаться.

Более высокие показатели устойчивого развития демонстрируют регионы, экономическое освоение которых происходило позднее. Самая низкая устойчивость зафиксирована на давно обжитых территориях Европейского Севера, а наивысшая – в Западной Сибири, активное вовлечение которой пришлось на последнюю четверть XX в., что позволило, сохранив высокие показатели рождаемости, сформировать достаточно молодой возрастной состав населения. Высокая доходность добывающих отраслей в Западной Сибири сдерживает миграционный отток из этих регионов и позволяет поддерживать уровень жизни, необходимый для долголетия.

Среди северных субъектов России наиболее проблемными по демографическим и трудовым показателям устойчивого развития

по итогам 2017 г. являются: республики Тыва, Карелия и Коми, Архангельская обл., Чукотский АО. В целом можно сказать, что только Ямало-Ненецкий АО обладает высокими показателями устойчивого развития в обоих рассмотренных измерениях.

Изучив роль и влияние демографических показателей на устойчивое развитие, в работе предложено считать, что демографическая устойчивость северных территорий достигается при следующих условиях, когда:

- соотношение уровней рождаемости и смертности обеспечивает слегка расширенное воспроизводство населения;
- трудоспособная часть населения является достаточной для обеспечения отраслей народного хозяйства человеческими ресурсами;
- имеется запас прочности ресурсов труда для экономики: количество вступающих в трудовую деятельность превосходит выбывающие трудовые ресурсы;
- половозрастные пропорции оптимальны, они способствуют созданию полных семей, рождению детей в браке, превышению демографической нагрузки лицами младшего возраста, над нагрузкой «сверху» – лицами пожилого возраста;
- идет постоянное сокращение разницы в ожидаемой продолжительности жизни между полами, между городом и селом, между отдельными этносами и национальностями;
- отрицательный миграционный баланс территории складывается в результате того, что количество выбывающих лиц старше трудоспособного возраста и потерявших трудоспособность по разным причинам превышает прибывающие миграционные потоки из лиц трудоспособного возраста.

В завершение можно отметить, что ранжирование северных регионов по степени УР с использованием демографических и трудовых показателей раскрывает развитие общества с одной из важнейших его сторон – социальной и дает новый инструмент по управлению развитием регионов.

Литература

1. Андрианов В.Д. Эволюция основных концепций регулирования экономики (от теории меркантилизма до теории функциональных экономических систем) // Общество и экономика. 2005. № 4. С. 3–47.
2. Арктическая энциклопедия: в 2-х томах – дополненное и переработанное издание «Северной энциклопедии». М.: Издательство «Паулсен», 2017. Т. 2. 664 с.
3. Блинова М.С. Современные социологические теории миграции населения: монография / под ред. В.И. Добренькова. М.: КДУ, 2009. 160 с.
4. Бобылев С.Н., Соловьев С.В. Цели устойчивого развития для будущего России // Проблемы прогнозирования. 2017. № 3. С. 26–33.
5. Бондырева С.К., Колесов Д.В. Миграция (сущность и явление). М.: Издательство Московского психолого-социального института, 2004. 296 с.
6. Вебер А.Б. Политика мирового развития: между реальностью глобализации и императивом устойчивости // Полис. Политические исследования. 2003. № 5. С. 38–45.
7. Вебер А.Б. Рынок и общество: Экономическое и социальное в общественных процессах. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 464 с.
8. Выступление советника Президента Российской Федерации, специального представителя Президента Российской Федерации по вопросам климата А.И. Бедрицкого на Международной научно-практической конференции «Повышение статистического потенциа-

ла для мониторинга целей устойчивого развития» (30 ноября 2017 г., Москва, Росстат). URL: <http://www.gks.ru/publish/cur/open/bedrizki.pdf> (дата обращения: 31.10.2018).

9. Гайнанов Д.А., Кириллова С.А., Кузнецова Ю.А. Российская Арктика в контексте устойчивого развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 6 (30). С. 79–89.

10. Гизатуллин Х.Н., Троицкий В.А. Концепция устойчивого развития: новая социально-экономическая парадигма // Общественные науки и современность. 1998. № 5. С. 124–130.

11. Глазьев С.Ю., Локосов В.В. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 4 (22). С. 22–41.

12. Глазьев С.Ю., Фетисов Г.Г. О стратегии устойчивого развития экономики России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 1 (25). С. 23–35.

13. Глобальная комиссия по международной миграции призывает к международному сотрудничеству в области миграционной политики. URL: <http://iipdigital.usembassy.gov/st/russian/texttrans/2005/10/20051006073031cpataruk0.4667627.html#axzz46XB5jech> (дата обращения: 06.11.2018).

14. Гришанова А.Г., Кожевникова Н.И., Рыбаковский Л.Л. Миграционный потенциал России в новом зарубежье. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2016. 183 с.

15. Грызунова Н.В., Дудин М.Н., Кайльб В.В. Оценка финансовой устойчивости предприятий химического комплекса на примере ОАО «Невиномысский азот» // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2015. № 2. С. 34–39.

16. Гуриева Л. Стратегия устойчивого развития региона // Проблемы теории и практики управления. 2007. № 2. С. 46–57.

17. Гутман С.С., Басова А.А. Индикаторы устойчивого развития Арктической зоны Российской Федерации: проблемы выбора и

измерения // Арктика: экология и экономика. 2017. № 4. С. 32–48. DOI: 10.25283/2223-4594-2017-4-32-48.

18. Данилов-Данильян В.И. Устойчивое развитие (теоретико-методологический анализ) // Экономика и математические методы. 2003. Том 39. № 2. С. 123–135.

19. Декларация тысячелетия ООН: Принята резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 08.09.2000. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения: 25.09.2018).

20. Демографические и миграционные процессы на Российском Севере: 1980–2000 гг.: монография / В.В. Фаузер, Т.С. Лыткина, Г.Н. Фаузер; отв. ред. д-р экон. наук, профессор В.В. Фаузер. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. 168 с. (Б-ка демографа; Вып. 18).

21. Дитон А. Великий побег: Здоровье, богатство и истоки неравенства. М. Изд-во Института Гайдара, 2016. 368 с.

22. Дмитриева Т.Е. Экологизация биоресурсной экономики северного региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Том 11. № 4. С. 160–172.

23. Додин Д.А. Устойчивое развитие российской Арктики // Разведка и охрана недр. 2005. № 6. С. 53–60.

24. Доклад Конференции ООН по окружающей среде и развитию. Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года. Том I. Резолюции, принятые на Конференции. ООН: Нью-Йорк, 1993. 520 с.

25. Доклад о Целях в области устойчивого развития 2017 г. Нью-Йорк: ООН, 2017.

26. Доходы, расходы и показатели качества жизни домашних хозяйств в 2017 году (по итогам обследования бюджетов домашних хозяйств) / Статистический бюллетень. Сыктывкар, 2018. 68 с.

27. Жеребцов И.Л. Изменение климата и демографическая история европейского Севера // Российские и славянские исследования. 2010. Т. 5. С. 64–72.

28. Жиделева В.В. Устойчивое развитие региона: новые тенденции в политике, экономике, социальной сфере / Сыктывкарский университет. Сыктывкар, 1995. 99 с.

29. Жиделева В.В. Формирование рыночного механизма социально-устойчивого развития северных регионов: автореф. дис. ... докт. экон. наук. М., 1998. 32 с.

30. Ибрагимов М. – Т.А., Дохолян С.В., Халималов В.В. Теоретико-методологические аспекты продовольственной безопасности // Региональные проблемы преобразования экономики. 2012. № 4. С. 238–249.

31. Индикаторы устойчивого развития Томской области. Вып. 3 / Под ред. В.М. Кресса. Томск: Изд-во «Печатная мануфактура», 2007. 44 с.

32. Ионцев В.А. Классификация основных научных подходов в изучении миграции населения // Миграция населения. Вып. 1: Теория и практика исследования. М., 2001. С. 18–34.

33. Истомин А.В., Павлов К.В., Селин В.С. Устойчивое развитие Арктической зоны как условие эффективного функционирования российской экономики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2008. № 7. С. 4–13.

34. Календарь публикации официальной статистической информации по показателям достижения целей устойчивого развития Российской Федерации. Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/m-sotrudn/CUR/cur_calendar.htm (дата обращения: 17.01.2018).

35. Катровский А.П. Демографические угрозы устойчивому развитию Смоленской области // Региональные исследования. 2004. №2. С. 65–71.

36. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. М: ТЕИС, 2000; 2-е изд, перер. и доп., Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001.

37. Кононова Е.С. Особенности устойчивого социально-экономического развития северных территорий и система оценки устойчивости их социально-экономического развития // Экономические науки. 2016. № 2 (135). С. 71–73.

38. Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 04.02.2009 г. №132-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

39. Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 г.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30.11.2010 г. № 2136-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

40. Корчак Е.А. Динамика социальной устойчивости и уровень жизни населения регионов Севера России // ЭКО. 2016. № 3. С. 80–95.

41. Коряков А.Г. Методологические вопросы устойчивого развития предприятий // Вопросы экономики и права. 2012. № 4. С. 110–114.

42. Лаженцев В.Н. Содержание, системная организация и планирование территориального развития. Екатеринбург-Сыктывкар, 2014. 236 с.

43. Лыткина Т.С. Социальный потенциал северного города: от игнорирования к признанию // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17. № 3. С. 33–47.

44. Лыткина Т.С. Экономическое поведение «новых бедных» в условиях социальной трансформации: дис. ... канд. социол. наук. М., 2005.

45. Майбуров И. Устойчивое развитие как коэволюционный процесс // Общество и экономика. 2004. № 4. С. 124–143.

46. Макаров И. Устойчивое развитие: как победить бедность и сохранить природные ресурсы // ПостНаука. URL: <https://postnauka.ru/faq/72761#!> (дата обращения: 15.08.2017).

47. Медоуз Д. Пределы роста, 30 лет спустя: пер. с англ. / Д. Медоуз, Й. Рандерс, Д. Медоуз. М.: Академкнига, 2007. 342 с.

48. Моделирование устойчивого развития как условие повышения экономической безопасности территории / А.И. Татаркин, Д.С. Львов, А.А. Куклин и др. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 276 с.

49. Моисеенко В.М. Внутренняя миграция населения. М.: «ТЕИС», 2004. 285 с.

50. Население северных регионов: от количественных показателей к качественному измерению / Отв. ред. д.э.н., профессор В.В. Фаузер. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. 240 с. (Б-ка демографа; вып. 17).

51. Наше общее будущее. Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития. ООН. 1987. URL: <http://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (дата обращения: 05.11.2018).

52. Об утверждении стратегии социально-экономического развития Ненецкого АО на перспективу до 2030 г.: Постановление Собрания депутатов Ненецкого АО от 22.06.2010 г. № 134-сд.

53. О внесении изменений в распоряжение Правительства РФ от 06.05.2008 № 671-р: Распоряжение Правительства РФ от 23.09.2017 № 2033-р. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/m-sotrudn/CUR/cur_news.htm (дата обращения: 17.01.2018).

54. О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию: Указ Президента Российской Федерации №440 от 1 апреля 1996 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

55. О проекте стратегии социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) на период до 2030 года с определением целевого видения до 2050 года: Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 26.12.2016 г. № 455.

56. Осипова М.Ю. Разработка статико-динамического подхода к оценке и управлению устойчивым развитием региона: дис. ... канд. экон. наук. Пермь, 2017. 263 с.

57. Основные демографические показатели по всем странам мира в 2018 г. // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/app/world2018_0.php (дата обращения: 17.10.2018).

58. Особенности и сценарии социально-экономического развития современного Севера России. М.: Экономика, 2010. 238 с.

59. О стратегии социально-экономического развития Республики Коми на период до 2020 года: Постановление Правительства Республики Коми от 27.03.2006 г. № 45.

60. О стратегии социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа до 2020 года: Постановление законодательного собрания Ямало-Ненецкого автономного округа от 14.12.2011 г. № 839.

61. О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента Российской Федерации от 19 апреля 2017 г. № 176. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

62. Официальный перечень показателей целей в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия // Статистический отдел ООН. 2008. URL: <http://mdgs.un.org/unsd/mdg/Resources/Attach/Indicators/OfficialList2008.ru.doc> (дата обращения: 11.01.2018).

63. Перечень показателей достижения Целей в области устойчивого развития для региона СНГ. По итогам обследования мнения статистических служб стран СНГ. Статкомитет СНГ, Проект. URL: <http://www.cisstat.com/sdgs/CIS-SDG%20001%20indicators%20list%2025-11-2016%20rus.pdf> (дата обращения: 17.01.2018).

64. Подпругин М.О. Устойчивое развитие региона: понятие, основные подходы и факторы // Российское предпринимательство. 2012. № 24 (222). С. 214–221.

65. Показатели устойчивого развития: теория, метод, практическое использование: отчет, представленный на рассмотрение Балатонской группы: пер. с англ. / Х. Боссель. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. 123 с.

66. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей от 25 сентября 2015 года // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420355765> (дата обращения: 15.08.2017).

67. Приветственное слово Руководителя Федеральной службы государственной статистики А.Е. Суринова. URL: <http://www.gks.ru/publish/cur/open/surinov.pdf> (дата обращения: 01.12.2017).

68. Программа действий, принятая на Международной конференции по народонаселению и развитию (Каир, 5–13 сентября

1994 г.). URL: <https://www.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/ICPD-RoA-Ru-FINAL.pdf> (дата обращения: 09.11.2018).

69. Резаев А.В., Трегубова Н.Д. Этносоциальные конфликты в современной отечественной социологии (по материалам контент-анализа журнальных публикаций) // Социологические исследования. 2016. №10. С. 75–85.

70. Рекомендации Конференции европейских статистиков для измерения устойчивого развития. ООН: Нью-Йорк и Женева, 2014. 208 с.

71. Риччери М. Социальная прекаризация и устойчивое развитие: размышления на тему опасных противоречий // Уровень жизни населения регионов России. 2015. № 1 (195). С. 3–37.

72. Розенберг Г.С., Черникова С.А., Краснощеков Г.П., Крылов Ю.М., Гелашвили Д.Б. Мифы и реальность «устойчивого развития» // Проблемы прогнозирования. 2000. № 2. С. 130–154.

73. Россияне тратят на еду больше эстонцев и меньше белорусов и украинцев. URL: <http://ria.ru/economy/20131224/986071533.html#14111148319324&message=resize&relto=login&action=removeClass&value=registration> (дата обращения: 31.10.2018).

74. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (вопросы теории). М., 2003. 240 с.

75. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М.: Наука, 1987. 200 с.

76. Рыбаковский Л.Л. Программа действий по улучшению демографической ситуации: Реализация Концепции демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года. М.: МАКС Пресс, 2006. 168 с.

77. Рябова Л.А., Торопушина Е.Е., Корчак Е.А., Тоичкина В.П., Новикова Н.А. Социальная устойчивость регионов российского Севера и Арктики: результаты оценки и приоритеты достижения // Север и Арктика в новой парадигме мирового развития: актуальные проблемы, тенденции, перспективы. Научно-аналитический доклад / под науч. ред. д.э.н., проф. В.С. Селина, д.э.н., проф. Т.П. Скуфьи-

ной, к.э.н., доц. Е.П. Башмаковой, к.э.н., доц. Е.Е. Торопушиной. Апатиты: КНЦ РАН, 2016. С. 276–294.

78. Сагайдачная О.А., Дуцкий М.В. Влияние миграции на инновационное развитие региона // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2010. № 3. С. 102–108.

79. Самуэльсон Пол А., Нордхаус Вильям Д. Экономика: Пер. с англ. М.: «БИНОМ», «Лаборатория Базовых Знаний», 1997. 800 с.

80. Север и Арктика в новой парадигме мирового развития: актуальные проблемы, тенденции, перспективы. Научно-аналитический доклад / под науч. ред. д.э.н, проф. В.С. Селина, д.э.н., проф. Т.П. Скуфьиной, к.э.н., доц. Е.П. Башмаковой, к.э.н., доц. Е.Е. Торопушиной. Апатиты: КНЦ РАН, 2016. 420 с.

81. Север: проблемы периферийных территорий / Отв. ред. В.Н. Лаженцев. Сыктывкар, 2007. 420 с. (Научный совет РАН по вопросам регионального развития; Коми научный центр УрО РАН).

82. Селин В.С. Экономический кризис и устойчивое развитие северных территорий // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2011. № 1 (27). С. 20–25.

83. Система глобальных показателей достижения целей в области устойчивого развития и выполнения задач Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. URL: https://unstats.un.org/sdgs/indicators/Global%20Indicator%20Framework_A.RES.71.313%20Annex.Russian.pdf (дата обращения: 17.01.2018).

84. Система глобальных показателей достижения целей в области устойчивого развития и выполнения задач Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Разработана Статистической комиссией ООН, принята Генеральной Ассамблеей 6 июля 2017 г. URL: <https://unstats.un.org/sdgs/indicators/Global%20Indicator%20> (дата обращения: 17.01.2018).

85. Смирнов А.В. Прогнозирование демографических и образовательных процессов на территориях разных уровней // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник НИЦ КПУВИ СыктГУ (электронный журнал). 2016. № 1. С. 146–155.

86. Социальная траектория реформируемой России. Исследования новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: АО «Наука РАН», 1999.

87. Социально-демографическая безопасность России / Под ред. В.А. Черешнева, А.И. Татаркина. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2008. 864 с.

88. Социально-экономический потенциал устойчивого развития: Учебник / Под ред. проф. Л.Г. Мельника и проф. Л. Хенса. Су-мы: ИТД «Университетская книга», 2007. 1120 с.

89. Стегний А.Г. Терминология экологической проблематики. Критический анализ. Социологические исследования. 1999. № 10. С. 128–134.

90. Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 02.02.2015 г. № 151-р в ред. от 13.01.2017 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

91. Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 02.02.2015 г. № 151-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

92. Тарасова Н.П., Кручина Е.Б. Индексы и индикаторы устойчивого развития: Материалы международной конференции «Устойчивое развитие: природа – общество – человек». М., 2006. Т. 1. С. 127–144.

93. Ускова Т.В., Копасова С.С. Устойчивое развитие региона: от концептуальных основ – к практическим результатам // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2008. Вып. 43. С. 21–31.

94. Ускова Т.В. Управление устойчивым развитием региона. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. 355 с.

95. Устойчивое развитие северных (арктических) территорий: специфика, методические подходы к оценке, практика применения: монография / под ред. Г. А. Князевой. Киров: Аверс, 2017. 118 с.

96. Фаузер В.В. Государственное регулирование рождаемости // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 5. С. 58–64.

97. Фаузер В.В. Демография и трудовой потенциал развития Республики Коми. Сыктывкар, 2007. 40 с. (Научные доклады / Коми научный центр УрО РАН; вып. 492).

98. Фаузер В.В., Климашевская Е.В. Человеческие ресурсы энергетического комплекса Республики Коми. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2004. 176 с.

99. Фаузер В.В., Лыткина Т.С. Миграционные процессы на российском Севере // Социальная политика и социология. 2017. Том 16. № 1 (120). С. 141–149. DOI: 10.17922/2071-3665-2017-16-1-141-149.

100. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Смирнов А.В. Дифференциация арктических территорий по степени заселенности и экономической освоенности // Арктика: экология и экономика. 2017. № 4 (28). С. 18–31. DOI: 10.25283/2223-4594-2017-4-18-31.

101. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Смирнов А.В. Устойчивое развитие северных регионов: демографическое измерение // Экономика региона. 2018. № 4. С. 1370–1382. DOI: <https://doi.org/10.17059/2018-4-24>.

102. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Смирнов А.В., Фаузер Г.Н. Демографические показатели оценки устойчивого развития северных регионов России // Моделирование сценариев устойчивого развития северных регионов России в современных условиях: сборник статей международной научно-практической конференции (24–25 ноября 2017 г.) / отв. ред. А.П. Шихвердиев. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 268–277.

103. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Смирнов А.В., Фаузер Г.Н. Оценка устойчивого развития северных регионов России по демографическим показателям // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник НИЦ КПУВИ СыктГУ (электронный журнал). 2018. № 2. С. 71–89.

104. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Демографические аспекты устойчивого развития северных территорий // Новые подходы и методы управления устойчивым социально-экономическим раз-

витиём регионов: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 24–25 октября 2017 г., ИПРЭ РАН. СПб.: ГУАП, 2017. С. 229–234.

105. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Миграционный фактор динамики численности и этнических структур населения Российского Севера // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2017. № 5 (56). С. 32–43. DOI: 10.25702/KSC.2220-802X-5-2017-56-32-43.

106. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Особенности расселения населения в Арктической зоне России // Арктика: экология и экономика. 2016. № 2. С. 40–50.

107. Фаузер В.В., Назарова И.Г., Фаузер Вл.В. Социально-трудовые отношения: отраслевая и региональная специфика / Отв. редактор д.т.н., профессор Н.Д. Цхадая. М.: Экон-Информ, 2010. 174 с. (Б-ка демографа; Вып. 13).

108. Фаузер В.В. Население Российского Севера: проблемы воспроизводства // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2017. № 3 (54). С. 121–133.

109. Фаузер В.В. Проблемы демографического развития Российского Севера: дис. ... докт. экон. наук. М., 1996. 328 с.

110. Фаузер В.В., Смирнов А.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Устойчивое развитие северных регионов России: трудовое измерение // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Том 11. № 5. С. 120–136. DOI: 10.15838/esc.2018.5.59.8.

111. Фаузер В.В., Смирнов А.В. Мировая Арктика: природные ресурсы, расселение населения, экономика // Арктика: экология и экономика. 2018. №3 (31). С. 6–22. DOI: 10.25283/2223-4594-2018-3-6-22.

112. Фаузер В.В. Теоретические и концептуальные подходы к развитию Севера России // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник НИЦ КПУВИ СыктГУ (электронный журнал). 2008. № 4. С. 90–120.

113. Фаузер В.В. Устойчивое развитие: цели и показатели // Вестник КРАГСИУ: теория и практика управления. 2017. № 19. С. 64–71.

114. Фаузер В.В. Финно-угорские народы: история демографического развития. Сыктывкар, 2005. 24 с.

115. Флуд Н.А. Как измерить «устойчивость развития»? // Вопросы статистики. 2006. № 10. С. 19–29.

116. Хайруллина Н.Г. Социальные аспекты устойчивого развития Тюменской области // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2014. № 3 (42). С. 74–80.

117. Ход достижения целей в области устойчивого развития. Доклад Генерального секретаря / Организация Объединенных Наций, Экономический и Социальный Совет. 11 May 2017. URL: <https://unstats.un.org/sdgs/files/report/2017/secretary-general-sdg-report-2017-RU.pdf> (дата обращения: 21.09.2017).

118. Цапиева О.К. Устойчивое развитие региона: теоретические основы и модель // Проблемы современной экономики. 2010. № 2 (34). URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3140> (дата обращения: 01.11.2018).

119. Шабунова А.А., Леонидова Г.В. Человеческий капитал – индикатор устойчивого развития территории // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. № 5 (17). С. 101–115.

120. Шеремет А.Д. Комплексный анализ показателей устойчивого развития предприятия // Экономический анализ: теория и практика. 2014. № 45 (396). С. 2–10.

121. Юрков Д.В. Управление миграцией как механизм устойчивого развития территорий: дис. ... докт. экон. наук. Казань, 2017. 414 с.

122. Anielski M. The Economics of Happiness: Building Genuine Wealth / Canada: New Society Publishers, 2007. 288 p.

123. An Overarching Health Indicator for the Post-2015. Development Agenda. World Health Organization, 2015. 15 p.

124. Bauman Z. Liquid Modernity // Ed Laterza. Bari. 2002.

125. Bianchi G. Crock pot, in the Global // The Work. ISRIL, Note n. 11, Rome, 2010.

126. Camarinha-Matos L.M., Afsarmanesh H. Active aging roadmap – A collaborative networks contribution to demographic sustain-

ability. IFIP Advances in Information and Communication Technology. 2010. Vol. 336. Pp. 46–59. DOI: 10.1007/978-3-642-15961-9_5.

127. Cobb C., Halstead T, Rowe J. The Genuine Progress Indicator: Summary of Data and Methodology / Redefining Progress. 1995. 50 p.

128. Cobb J.B. For the Common Good: Redirecting the Economy Toward Community, the Environment and a Sustainable Future / Beacon Press. 1989. 534 p.

129. De Haas H. Migration and Development: A Theoretical Perspective, Bielefeld: COMCAD, 2007 (Working Papers – Center on Migration, Citizenship and Development; 29).

130. De Haas H. Migration and Development: A Theoretical Perspective. International Migration Institute. Working papers. 2008. URL: <http://www.imi.ox.ac.uk/pdfs/wp/wp-09-08.pdf> (date of access: 17.01.2018).

131. Easterlin R. Does Economic Growth Improve the Human Lot? Some Empirical Evidence // Essays in Honor of Moses Abramovitz. 1974. Pp. 89–125.

132. Indicators. Data. The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/> (date of access: 17.01.2018).

133. Indicators of Sustainable Development: Guidelines and Methodologies, UN. 2007. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/index.php?page=view&type=400&nr=108&menu=1515> (date of access: 17.01.2018).

134. Indicators of Sustainable Development. UN Department for Policy Coordination and Sustainable Development, 1994.

135. Hasan M. Indicators of Sustainable Development: The Malaysian Perspective. URL: www.lgt.lt/geoin/files/S2_Paper1.rtf (date of access: 17.01.2018).

136. Kahneman D., Krueger A. Developments in the Measurement of Subjective Well-Being // Journal of economic perspectives. 2006. Vol. 20. Pp. 3–24.

137. Katharina van Treeck. The Role of Labor in Sustainable Development. Dissertation. Göttingen, August 2017. URL: <https://ediss.uni-goettingen.de/handle/11858/00-1735-0000-0023-3FB0-A> (date of access: 17.01.2018).

138. Layard R. Happiness: Lessons from a New Science. UK: Penguin, 2011.

139. Lawn P., Sanders R. Has Australia surpassed its optimal macroeconomic scale? Finding out with the aid of 'benefit' and 'cost' accounts and a sustainable net benefit index // Ecological Economics. 1999. Vol. 28. Pp. 213–229.

140. Marin P., Widgren J. International migration: facing the Challenges // Population bulletin. 2002. Vol. 52. №1.

141. Measuring Distance to the SDG Targets. An assessment of where OECD countries stand June 2017. OECD, Paris. 2017. 62 p. URL: <http://www.oecd.org/std/OECD-Measuring-Distance-to-SDG-Targets.pdf> (date of access: 01.10.2018).

142. Measuring Sustainable Development. Report of the Joint UN-ECE/OECD/Eurostat Working Group on Statistics for Sustainable Development. New York: United Nations, 2008. URL: <http://www.oecd.org/greengrowth/41414440.pdf> (date of access: 11.10.2018).

143. Osberg L., Sharpe A. An Index of Economic Well-Being for Selected OECD Countries // Review of Income and Wealth. 2002. Vol. 48. Pp. 291–316.

144. Osborn D., Cutter A., Ullah F. Universal Sustainable Development Goals. Understanding the Transformational Challenge for Developed Countries. Report of a study by stakeholder forum. URL: http://www.un.org/disabilities/documents/reports/SG_Synthesis_Report_Road_to_Dignity_by_2030.pdf (date of access: 05.10.2018).

145. Pearce D., Atkinson G. Capital theory and the measurement of sustainable development: an indicator of «weak» sustainability // Ecological Economics. 1993. Vol. 8. Pp. 103–108.

146. Population, female, % of total. World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL.FE.ZS> (дата обращения: 01.11.2018).

147. Programme of Action of the International Conference on Population Development. UNFPA, 2014. 282 p.

148. Ravenstein E.G. The Laws of Migration // Journal of the Royal Statistical. 1885. Vol. 48. Pp. 167–227.

149. Rees W., Wackernagel M. Ecological Footprints and appropriated carrying capacity: measuring the natural capacity requirements of the human economy / Investing in Natural Capital. Washington DC: Island Press, 1994.
150. Roca M., Silva V., Caldinhas S. Demographic sustainability and regional development: The case of Alto Minho and Alto Alentejo. Portugal: Universidad Nova de Lisboa, 2002.
151. Roca Z., Roca M. Demographic Sustainability and Spatial Development in Portugal // Acta geographica Bosniae et Herzegovinae. 2014. Vol.2. Pp. 21–28.
152. Sennett R. The Flexible Man // Ed Feltrinelli. Milano, 1999.
153. Stern E. Demographic sustainability and rural development policy // Journal of Maps. 2013. Vol. 9(2). Pp. 154–160. DOI: c10.1080/17445647.2013.773566.
154. The Stockholm Programme: A chance to put fundamental rights protection right in the centre of the European Agenda. URL: http://fra.europa.eu/sites/default/files/fra_uploads/538-FRA-comments-on-Stockholm-Programme.pdf (date of access: 01.10.2018).
155. Welcome to the Sustainable Development Goal indicators website. URL: <https://unstats.un.org/sdgs/> (date of access: 29.10.2018).
156. Widok A. Social Sustainability: Theories, Concepts, Practicability // Environmental Informatics and Industrial Environmental Protection: Concepts, Methods and Tools (Part 2). Shaker Verlag, Berlin, 2009. Pp. 43–51.
157. World Development Indicators 2017. Sustainable Development Goals. The World Bank. URL: <http://datatopics.worldbank.org/sdgs/> (date of access: 17.01.2017).

Приложение 1.1

Количество статей в научной электронной библиотеке «eLIBRARY.RU», 1990–2017 гг.

Научные направления	Годы						
	1990–1995	1996–2000	2001–2005	2006–2010	2011–2015	2016–2017	1990–2017
Экономика. Экономические науки 06.00.00	99121	150953	238255	434400	870739	414601	2208069
Охрана окружающей среды. Экология человека 87.00.00	27450	99412	183027	266512	371720	123080	1071201
Социология 04.00.00	65552	82729	115784	173626	349420	153908	941019
История. Исторические науки 03.00.00	45348	59290	108007	169728	275040	96604	754017
Философия 02.00.00	11915	24653	53821	109761	211004	74941	486095
Демография 05.00.00	7577	10641	11720	14062	29869	9816	83685

**Список тематических журналов по устойчивому развитию
в научной электронной библиотеке «eLIBRARY.RU»**

№	Название журнала	Научные направления
1	Химия в интересах устойчивого развития*	Экология
2	Энергетическая политика*	Энергетика
3	Экономика устойчивого развития*	Экономические науки
4	Устойчивое развитие горных территорий*	Комплексное изучение региона
5	Устойчивое развитие науки и образования	Экономические науки
6	Наука и устойчивое развитие общества. Наследие В.И. Вернадского	-
7	Российский журнал устойчивого туризма	Экономические науки
8	Устойчивое лесопользование	Экология
9	Стратегия устойчивого развития регионов России	Социология Экономические науки Демография
10	Совершенствование учета, анализа и контроля как механизмов информационного обеспечения устойчивого развития экономики	Экономические науки
11	Энергетический вестник	Экономические науки Экология
12	Эффективные системы менеджмента: качество, инновации, устойчивое развитие	Экономические науки
13	Технологическое образование и устойчивое развитие региона	Экономические науки
14	Материалы ежегодной научно-практической конференции Экологическое образование в интересах устойчивого развития	Экология
15	Управление устойчивым развитием	Социология Экономические науки
16	Безопасность регионов – основа устойчивого развития	Транспорт
17	Внешнеэкономические связи	Экономические науки
18	Экономика и обеспечение устойчивого развития хозяйственных структур	-
19	Трудовой потенциал как фактор устойчивого развития территории	Экономические науки Демография
20	Международный журнал. Устойчивое развитие: наука и практика	-
21	Устойчивое развитие. Наука и практика	-
22	На пути к устойчивому развитию России	Экология
23	Местное устойчивое развитие	Социология Экономические науки
24	Проблемы устойчивого развития экономики региона	Экономические науки
25	Проблемы устойчивого развития туризма	Туризм

* входят в перечень ВАК

**Показатель фактора рождаемости
для оценки устойчивого развития северных регионов,
2000–2017 гг.**

Регион	Доля родившихся живыми у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке, в общем числе родившихся, %				
	2000	2005	2010	2015	2017
Российская Федерация	28,0	30,0	24,9	21,6	21,2
Северные регионы	34,0	36,6	31,1	27,3	26,2
Республика Карелия	33,2	36,8	31,8	25,6	22,2
Республика Коми	37,7	42,3	34,2	29,3	27,9
Республика Саха (Якутия)	32,7	38,3	37,8	34,4	33,2
Республика Тыва	58,0	65,6	61,0	65,6	63,3
Камчатский край	38,1	38,3	32,4	26,2	26,8
Архангельская обл.	37,6	42,5	32,9	27,2	25,5
Магаданская обл.	42,9	42,8	37,9	32,8	33,7
Мурманская обл.	26,4	29,5	25,5	20,5	19,7
Сахалинская обл.	42,9	39,2	35,0	31,8	31,0
Ненецкий АО	43,8	53,2	39,1	39,6	40,2
Ханты-Мансийский АО	25,6	26,7	20,6	18,5	18,0
Чукотский АО	53,5	45,9	39,7	40,1	40,2
Ямало-Ненецкий АО	23,2	23,6	22,0	21,7	21,1
Регионы, частично входящие в Север	37,5	39,2	32,7	27,9	26,8
Регионы, полностью входящие в АЗРФ	26,9	28,7	25,1	22,3	21,6

**Показатель фактора продолжительности жизни
для оценки устойчивого развития северных регионов,
2000–2017 гг.**

Регион	Разница в ожидаемой продолжительности жизни между мужчинами и женщинами, лет				
	2000	2005	2010	2015	2017
Российская Федерация	13,3	13,6	11,8	10,8	10,1
Северные регионы	12,7	13,1	11,7	11,1	10,4
Республика Карелия	13,8	14,9	13,6	12,6	11,3
Республика Коми	12,3	13,7	12,6	12,4	11,3
Республика Саха (Якутия)	12,4	12,8	12,1	10,9	10,7
Республика Тыва	11,8	11,0	12,0	10,2	9,9
Камчатский край	11,6	12,5	11,3	11,2	10,0
Архангельская обл.	14,3	14,9	12,8	11,8	11,6
Магаданская обл.	14,3	11,8	11,3	10,3	12,1
Мурманская обл.	12,5	12,8	11,2	11,2	9,8
Сахалинская обл.	12,1	13,6	12,3	11,7	11,5
Ненецкий АО	14,3	16,8	12,2	11,7	11,2
Ханты-Мансийский АО	12,7	11,9	10,2	9,9	9,1
Чукотский АО	12,2	9,1	10,9	10,3	11,3
Ямало-Ненецкий АО	10,7	11,7	9,0	9,5	8,9
Регионы, частично входящие в Север	13,4	13,8	12,2	11,2	10,7
Регионы, полностью входящие в АЗРФ	12,0	12,4	10,4	10,5	9,6

**Показатель фактора продолжительности жизни
для оценки устойчивого развития северных регионов,
2000–2017 гг.**

Регион	Коэффициент младенческой смертности				
	2000	2005	2010	2015	2017
Российская Федерация	15,3	11,0	7,5	6,5	5,6
Северные регионы	14,4	10,7	6,6	6,4	5,4
Республика Карелия	14,4	9,6	4,9	5,7	6,6
Республика Коми	13,0	8,7	5,0	4,6	4,3
Республика Саха (Якутия)	17,6	10,6	7,2	7,6	5,1
Республика Тыва	30,0	19,3	13,0	14,5	8,6
Камчатский край	16,0	10,3	9,4	9,1	5,8
Архангельская обл.	14,1	12,6	6,8	6,0	6,0
Магаданская обл.	15,1	12,0	9,3	5,1	3,7
Мурманская обл.	12,5	11,2	5,3	5,9	5,3
Сахалинская обл.	15,1	14,4	5,9	6,1	4,5
Ненецкий АО	24,4	16,6	5,7	5,3	6,0
Ханты-Мансийский АО	10,2	7,3	4,3	5,0	4,6
Чукотский АО	23,4	17,6	21,8	16,0	10,6
Ямало-Ненецкий АО	14,4	11,2	12,2	7,3	6,6
Регионы, частично входящие в Север	17,8	12,1	8,5	6,5	5,7
Регионы, полностью входящие в АЗРФ	13,9	11,6	8,5	6,8	6,0

**Показатель фактора миграции
для оценки устойчивого развития северных регионов,
2000–2017 гг.**

Регион	Коэффициент миграционного прироста населения трудоспособного возраста				
	2000	2005	2010	2015	2017
Российская Федерация	1,8	0,8	1,5	1,8	2,0
Северные регионы	-3,9	-4,1	-5,3	-6,5	-4,0
Республика Карелия	2,1	0,2	-2,6	-2,8	-5,3
Республика Коми	-6,4	-7,7	-10,4	-11,6	-12,9
Республика Саха (Якутия)	-7,3	-5,7	-8,2	-5,7	-4,6
Республика Тыва	-3,4	-3,3	-8,0	-9,7	-2,4
Камчатский край	-11,4	-6,6	0,7	-3,7	6,6
Архангельская обл.	-5,0	-4,7	-8,0	-8,3	-8,8
Магаданская обл.	-25,9	-15,3	-11,3	-9,4	-7,6
Мурманская обл.	-10,3	-6,1	-8,4	-5,5	-3,6
Сахалинская обл.	-8,0	-5,5	-6,3	-2,2	8,4
Ненецкий АО	-4,7	-1,4	-3,8	3,1	-6,9
Ханты-Мансийский АО	11,6	-0,4	3,8	0,7	-1,6
Чукотский АО	-55,9	-6,9	-17,0	-9,5	-13,5
Ямало-Ненецкий АО	-2,7	0,7	-8,6	-25,3	-1,5
Регионы, частично входящие в Север	-0,4	-1,4	-0,7	-1,1	-1,4
Регионы, полностью входящие в АЗРФ	-9,5	-3,6	-8,6	-13,0	-3,2

**Показатель фактора состава населения
для оценки устойчивого развития северных регионов,
2000–2017 гг.**

Регион	Число женщин на 1000 мужчин				
	2000	2005	2010	2015	2017
Российская Федерация	1141	1158	1159	1158	1156
Северные регионы	1053	1077	1085	1087	1089
Республика Карелия	1150	1178	1188	1193	1192
Республика Коми	1075	1102	1114	1119	1120
Республика Саха (Якутия)	1037	1057	1056	1061	1061
Республика Тыва	1094	1116	1110	1093	1088
Камчатский край	959	976	1017	1005	1089
Архангельская обл.	1108	1139	1140	1135	1134
Магаданская обл.	1022	1059	1053	1065	1066
Мурманская обл.	1039	1065	1094	1088	1081
Сахалинская обл.	1054	1082	1073	1081	1075
Ненецкий АО	1026	1042	1055	1052	1053
Ханты-Мансийский АО	1003	1027	1038	1053	1054
Чукотский АО	908	913	996	965	967
Ямало-Ненецкий АО	979	1000	1017	1016	1018
Регионы, частично входящие в Север	1086	1113	1124	1119	1121
Регионы, полностью входящие в АЗРФ	1014	1036	1061	1055	1052

**Показатель фактора величины доходов
для оценки устойчивого развития северных регионов,
2000–2017 гг.**

Регион	Отношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников в субъекте РФ к среднероссийскому уровню, %				
	2000	2005	2010	2015	2017
Российская Федерация	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Северные регионы	211,9	176,1	152,8	151,1	148,4
Республика Карелия	115,1	102,0	95,7	90,2	87,9
Республика Коми	160,1	135,7	124,8	121,6	116,7
Республика Саха (Якутия)	204,2	157,1	137,0	160,5	158,8
Республика Тыва	71,2	79,6	83,7	83,2	79,8
Камчатский край	200,1	180,9	170,6	168,7	168,0
Архангельская обл.	117,9	115,4	105,9	112,5	109,7
Магаданская обл.	191,1	171,5	174,6	193,9	193,3
Мурманская обл.	168,5	146,2	139,9	135,1	132,6
Сахалинская обл.	165,5	178,2	171,1	180,2	174,9
Ненецкий АО	227,8	269,0	226,0	209,3	189,4
Ханты-Мансийский АО	381,9	266,8	197,2	176,5	170,3
Чукотский АО	255,8	272,5	223,7	233,7	234,9
Ямало-Ненецкий АО	403,2	321,8	251,1	227,1	229,6
Регионы, частично входящие в Север	150,1	130,7	114,7	110,7	109,5
Регионы, полностью входящие в АЗРФ	254,3	216,9	187,3	177,1	176,8

**Показатель фактора дифференциации доходов
для оценки устойчивого развития северных регионов,
2000–2017 гг.**

Регион	Коэффициент Джини				
	2000	2005	2010	2015	2017
Российская Федерация	0,395	0,409	0,421	0,413	0,410
Северные регионы	0,372	0,396	0,404	0,389	0,385
Республика Карелия	0,316	0,349	0,361	0,339	0,335
Республика Коми	0,402	0,429	0,423	0,402	0,381
Республика Саха (Якутия)	0,363	0,396	0,401	0,398	0,394
Республика Тыва	0,333	0,367	0,370	0,375	0,358
Камчатский край	0,343	0,365	0,374	0,361	0,344
Архангельская обл.	0,326	0,369	0,384	0,369	0,382
Магаданская обл.	0,337	0,388	0,408	0,391	0,383
Мурманская обл.	0,371	0,377	0,394	0,366	0,363
Сахалинская обл.	0,330	0,392	0,415	0,413	0,412
Ненецкий АО	0,412	0,443	0,447	0,425	0,414
Ханты-Мансийский АО	0,436	0,432	0,427	0,405	0,399
Чукотский АО	0,362	0,389	0,406	0,411	0,392
Ямало-Ненецкий АО	0,433	0,435	0,434	0,422	0,423
Регионы, частично входящие в Север	0,388	0,406	0,415	0,399	0,394
Регионы, полностью входящие в АЗРФ	0,393	0,400	0,411	0,391	0,389

**Показатель фактора безработицы
для оценки устойчивого развития северных регионов,
2000–2017 гг.**

Регион	Уровень зарегистрированной безработицы (на конец года), %				
	2000	2005	2010	2015	2017
Российская Федерация	1,4	2,5	2,1	1,3	1,1
Северные регионы	2,4	3,0	2,2	1,5	1,4
Республика Карелия	2,5	3,6	2,8	2,4	2,0
Республика Коми	2,7	3,0	2,5	1,6	1,7
Республика Саха (Якутия)	1,1	2,4	2,4	2,0	2,2
Республика Тыва	3,9	8,1	5,7	4,3	4,1
Камчатский край	2,6	4,1	2,8	1,7	1,5
Архангельская обл.	2,1	2,4	2,4	1,9	1,6
Магаданская обл.	3,2	5,4	2,5	2,0	1,5
Мурманская обл.	3,3	3,8	2,7	1,9	1,6
Сахалинская обл.	2,2	1,6	1,1	0,7	0,7
Ненецкий АО	3,3	3,7	3,8	2,0	2,6
Ханты-Мансийский АО	2,2	2,3	1,1	0,5	0,5
Чукотский АО	3,7	4,0	3,0	2,7	2,1
Ямало-Ненецкий АО	2,4	2,8	1,7	0,9	0,7
Регионы, частично входящие в Север	1,9	2,9	2,2	1,5	1,2
Регионы, полностью входящие в АЗРФ	3,0	3,4	2,4	1,5	1,3

**Показатель фактора структуры занятости
для оценки устойчивого развития северных регионов,
2001–2016 гг.**

Регион	Средний образовательный уровень занятого населения, лет обучения				
	2001	2005	2010	2015	2016
Российская Федерация	12,73	12,80	13,09	13,28	13,32
Северные регионы	12,73	12,76	13,04	13,26	13,25
Республика Карелия	12,59	12,74	12,90	13,09	13,07
Республика Коми	12,35	12,53	12,88	13,00	12,93
Республика Саха (Якутия)	12,88	12,88	12,99	13,25	13,20
Республика Тыва	12,85	12,85	13,13	13,18	13,32
Камчатский край	12,66	12,66	13,27	13,52	13,62
Архангельская обл.	12,65	12,65	12,98	13,06	13,12
Магаданская обл.	12,95	12,95	13,01	13,24	13,18
Мурманская обл.	12,83	12,75	13,05	13,37	13,22
Сахалинская обл.	12,63	12,63	12,80	13,12	13,07
Ненецкий АО	12,74	12,38	12,52	12,82	12,95
Ханты-Мансийский АО	12,91	12,91	13,17	13,45	13,42
Чукотский АО	12,63	12,63	12,88	12,66	12,86
Ямало-Ненецкий АО	13,01	13,01	13,38	13,52	13,70
Регионы, частично входящие в Север	12,69	12,69	12,92	13,10	12,85
Регионы, полностью входящие в АЗРФ	12,88	12,83	13,15	13,38	13,39

В серии «Библиотека демографа» вышли следующие издания:

1. Фаузер В.В., Климашевская Е.В. Теоретические основы формирования населения и трудовых ресурсов северных районов. Сыктывкар, 2002. 20 с. (Серия «Библиотека демографа»).
2. Региональная демография. Выпуск первый: избранные статьи д.э.н., профессора В.П. Подоплелова / сост. д.э.н., проф. В.В. Фаузер. Сыктывкар, 2003. 82 с. (Серия «Библиотека демографа»; вып. 1).
3. Фаузер В.В., Климашевская Е.В. Региональная демография. Выпуск второй: посвящен 40-летию ОАО «АЭК «Комиэнерго» / отв. ред. д.г.н., член-корреспондент РАН В.Н. Лаженцев. Сыктывкар, 2004. 47 с. (Серия «Библиотека демографа»; вып. 2).
4. Стукалов И.Е., Фаузер В.В. Управление профессиональной подготовкой кадров с учетом демографической динамики / отв. ред. д.э.н., проф. Ю.С. Новиков. Сыктывкар: СыктГУ, 2005. 95 с. (Серия «Библиотека демографа»; вып. 3).
5. Человек в семи измерениях: от рождения до смерти. Афоризмы / сост. д.э.н., проф. В.В. Фаузер. Сыктывкар, 2006. 78 с. (Серия «Библиотека демографа»; вып. 4).
6. Человеческие ресурсы организаций Республики Коми (на примере предприятий нефтегазового сектора) / В.В. Фаузер, И.Е. Стукалов, С.Е. Глубокая и др.; отв. ред. д.э.н., доцент Л.А. Попова. Сыктывкар, 2006. 60 с. (ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН) (Серия «Библиотека демографа»; вып. 5).
7. Демографическое развитие Усинского района: история и современное состояние / В.В. Фаузер, Л.А. Попова, Вит.В. Фаузер и др.; отв. ред. д.э.н., проф. В.В. Фаузер. Сыктывкар – Усинск, 2007. 140 с. (Серия «Библиотека демографа»; вып. 6).
8. Влияние демографических процессов и образовательной системы на экономическое развитие Республики Коми / В.В. Фаузер, И.Е. Стукалов, О.И. Конакова и др. Сыктывкар, 2007. 33 с. (Серия «Библиотека демографа»; вып. 7).
9. Фаузер В.В., Назарова И.Г., Климочкина Н.И. Роль миграции в формировании населения северных территорий / отв. ред. д.э.н., профессор В.В. Миндогулов. Сыктывкар, 2007. 34 с. (Серия «Библиотека демографа»; вып. 8).
10. Фаузер В.В., Климочкина Н.И. Нефтегазовый сектор Республики Коми: демография, труд, миграция / отв. ред. д.т.н., проф. Н.Д. Цхадая. Ухта: УГТУ, 2007. 150 с. (Серия «Библиотека демографа»; вып. 9).
11. Человек венец природы: от первого шага до бессмертия. Афоризмы / сост. д.э.н., проф. В.В. Фаузер. Сыктывкар, 2008. 150 с. (Серия «Библиотека демографа»; вып. 10).
12. Фаузер В.В., Макарова В.Н. Кредитное поведение населения Республики Коми: социально-демографический анализ / отв. ред. д.э.н., проф. Л.Л. Рыбаковский. М. – Сыктывкар, 2008. 169 с. (Серия «Библиотека демографа»; вып. 11).

13. Фаузер В.В., Стукалов И.Е. Формирование и использование человеческих ресурсов северного региона: социально-демографический анализ / отв. ред. д.э.н., проф. Л.Л. Рыбаковский. М.: Экон-Информ, 2009. 310 с. (Серия «Библиотека демографа»; вып. 12).

14. Фаузер В.В., Назарова И.Г., Фаузер Вл. В. Социально-трудовые отношения: отраслевая и региональная специфика / отв. ред. д.т.н., профессор Н.Д. Цхадая. М.: Экон-Информ, 2010. 175 с. (Серия «Библиотека демографа»; вып. 13).

15. Назарова И.Г. Демографические и трудовые проблемы северных регионов России / отв. ред. д.э.н., проф. В.В. Фаузер. М.: Экон-Информ, 2012. 182 с. (Серия «Библиотека демографа»; вып. 14).

16. Фаузер В.В., Фаузер Г.Н., Назарова И.Г., Коршунов Г.В. Тенденции и перспективы социально-экономического развития северных регионов России: демография, труд, миграция, расселение / отв. ред. д.э.н., проф. В.В. Фаузер. М.: Экон-Информ, 2012. (Серия «Библиотека демографа»; вып. 15).

17. Фаузер В.В. Демографическое измерение социально-экономических процессов / отв. ред. д.э.н., проф. Л.Л. Рыбаковский. М.: Экон-Информ, 2012. 179 с. (Б-ка демографа; вып. 16).

18. Население северных регионов: от количественных показателей к качественному измерению: монография / В.В. Фаузер, Т.С. Лыткина, Г.Н. Фаузер, В.А. Залевский; отв. ред. д-р экон. наук, проф. В.В. Фаузер. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. 240 с. (Б-ка демографа; вып. 17).

19. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Демографические и миграционные процессы на Российском Севере: 1980–2000 гг.: монография / В.В. Фаузер, Т.С. Лыткина, Г.Н. Фаузер; отв. ред. д-р экон. наук, профессор В.В. Фаузер. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. 158 с. (Б-ка демографа; вып. 18).

20. Лыткина Т.С., Фаузер В.В. Экономическая социология и демография: учебное пособие. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. 100 с. (Б-ка демографа; вып. 19).

21. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Петракова Е.Е. Демография и социальные процессы: учебное пособие. Сыктывкар: Изд-во ГОУ ВО КРАГСиУ, 2018 (Б-ка демографа; вып. 20) (в печати).

Научное издание

Серия «Библиотека демографа»
Выпуск 21

Фаузер Виктор Вильгельмович
доктор экономических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации

Смирнов Андрей Владимирович
кандидат экономических наук

Юрков Дмитрий Васильевич
доктор экономических наук

Фаузер Галина Николаевна
научный сотрудник

Лыткина Татьяна Степановна
кандидат социологических наук

**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ И ТРУДОВОЙ ФАКТОРЫ
УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ**

Ответственный редактор ***В.В. Фаузер***

Компьютерный макет ***А.В. Гончаренко***

В оформлении обложки использованы материалы сайтов
<https://rosphoto.com/>, <http://fotojoin.ru/>, <https://nationmagazine.ru/>, <https://ocean.ru/>,
<https://public.wmo.int>

Подписано в печать 28.12.2018 г. Формат 60x90 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 13,5. Заказ 3026. Тираж 500 экз.

Отпечатано ООО «Издательство «Экон-Информ»
129329, Москва, ул. Кольская, д. 7, стр. 2. Тел. (499) 180-9407
www.ekon-inform.ru; e-mail: eer@yandex.ru